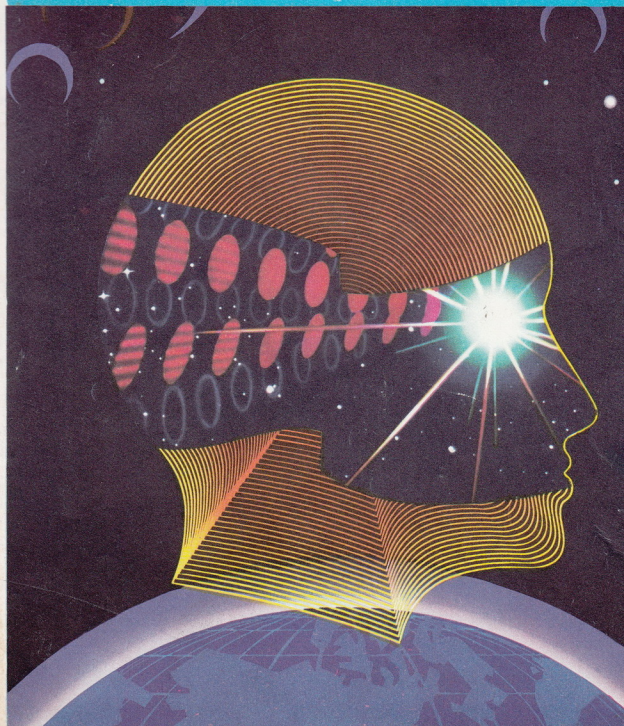

СТМ

Студенческий меридиан

Молодежь и космос...
о новых возможностях
сотрудничества между
молодежью СССР и США
в области космонавтики
читайте в материале
«Приглашение на Марс» (с. 12).

ФОТОРЕПОРТАЖ

Дальний шлагбаум

Сергей Панин

Было такое дело: как-то к шлагбауму на участке Памирского тракта, за который отвечает погранзаезда, подошла группа нездешних людей, и один из них сказал, что он путешественник и телекомментатор Сенкевич. Мы знаем, что вы Сенкевич, ответил на это заявление наряд, но дальше по тракту вы не пройдете, документы не в порядке... Документы в общем-то были нормальные, но уж очень хотелось завлечь Сенкевича на заставу, чтоб выступил и рассказал о новостях. Потребность здесь, на высоте 3200 метров над уровнем моря, в таких встречах большая. Оторванность от мира — это есть, никогда не денешься: часов шесть забирались мы сюда по горной дороге, и сто тридцатый ЗИЛ все это время натужно выд, трудно преодолевая бесконечный горный серпантин.

— Ну как там, внизу? Нового чего? Перестройка идет? — этим вместо «здравствуй» встретила казарма, куда определился я на жительство.

Понимаю: высоко, далеко. Есть, правда, неподалеку поселок, жители в День погранични-

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

Ст.М

Студенческий меридиан

Ежемесячный
общественно-политический
и литературно-художественный
журнал ЦК ВЛКСМ
и Госкомитета СССР
по народному образованию

Издается с мая 1924 года.
1989, № 2, 1—80.

Главный редактор
Юрий Ростовцев

Редакция:
Генрих Волков,
Феликс Волков,
Ирина Голованова,
Владимир Грошев,
Николай Егоров,
Александр Жуганов,
Егор Исаев,
Василий Казаринов,
Анатолий Карпов,
Олег Михайлов,
Ирина Репина
(ответственный секретарь),
Сергей Сулягинов,
Илья Толстой,
Игорь Цыбульский,
Вячеслав Шостаковский

Главный художник
А. Архутик
Художественный редактор
К. Кухтин
Технический редактор
Г. Белова

Наш адрес: 125015, Москва, Ново-
дмитровская ул., д. 5а, «Студен-
ческий меридиан».

Рукописи не возвращаются. При
перепечатке ссылка на «Студен-
ческий меридиан» обязательна.
Телефон для справок: 285-80-71.

Дано в набор 23.11.88. Подп. в
печ. 05.01.89. А04611. Формат
70×100¹/₁₆. Печать офсетная. Бу-
мага офсетная № 1. Усл. печ.
л. 6,5. Усл. кр.-отт. 27,28. Уч.-изд.
л. 10,4. Тираж 1 100 000 экз.
Цена 30 коп. Заказ 282.

Ордена Трудового Красного Зна-
мени издательско-полиграфиче-
ское объединение ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». Адрес:
103030, Москва, Суцевская ул.,
д. 21.

© «Студенческий меридиан»,
1989 г.

ка с цветами приходят, а заста-
ва на День чабана навевается
в поселок. Последний такой
культпоход закончился триум-
фом: один сержант вчистую вы-
играл у местных в соревновании
по национальной борьбе и был
награжден за это островерхой
киргизской шапкой.

Вот и все, что здесь есть. Весь
мир находится внизу, впрочем,
это тоже мир, и у него есть своя
атмосфера. Ее составляют:
большие горы, дорога, перекры-
тая шлагбаумом, служба, наря-
ды, тридцатипятиградусные
зимние денечки, после полуд-
ня — плотный сквозной ветер,
нарушители паспортно-погра-
ничного режима, снег, падаю-
щий в июле, Тигр и Ральф —
квалифицированные погранич-
ные овчарки, а также странное
существо причудливых оттен-
ков.

— Ефрейтор! — кричит су-
ществу Жора Смольников, стар-
ший вожатый служебных со-
бак. — К ноге! В поселке подоб-
рали... Дворняга бездомная. Ну,
обучили. Теперь он есть воль-
ноаемный погранпес по имени
Ефрейтор. Ефрейтор, го-
лос!

Застава от «живой границы»
сравнительно далеко. Дело ее
охранять паспортный контроль в
пограничной зоне, в том числе и
на Памирском тракте. Это все-
же не значит, что служба тут
сахар. Те же тревоги, те же
наряды, стрельбы, учебные за-
нятия.

Трудней всего отрыв дается
«детям границы».

Саша все последнее время
пристает к Серову: «Хочу в
детский сад! Хочу как все де-
ти!»

«И где ж я тебе возьму тут
детский сад?» — грустно раз-
мышляет Серов. Саша, его пяти-
летний сын, съездил в отпускное
время к родителям матери во
Фрунзе. Соседние женщины жа-
ловались: у вас какой-то дикий
ребенок, необузданный... А где
ему обучаться манерам поведе-
ния, горы кругом...

— Я, между прочим, на грани-
цу-то попал, можно сказать,
из-за кролика. После школы ду-
мал на факультет охотоведения
поступить, зашел в институт, в
лабораторию какую-то заглянул.
А там кролика режут... И пере-
думал.

Немного странно слышать это
от военного человека, капитана,
заместителя начальника заста-
вы... Андрей Серов — потомст-
венный военный, отец у него
летчик, служил на Камчатке.
Отец очень любил охоту и, ко-
гда уходил на уток, брал с собой
сына; а на медведя не брал, на
что Андрей немного обижался.
Наверное, с тех камчатских
троп и берет начало страсть к
охотоведению.

— Ничего, — комментирует
он теперь оставшуюся без при-
менения страсть, — погранич-
ник тоже всю жизнь на «тро-
пе».

Существование на лоне здеш-
ней природы кое-чего от челове-
ка требует, потому Серов канди-
дат в мастера по лыжам и канди-
дат в мастера по стрельбе. По
той дороге, которую контроли-

рует застава и которая в конце концов упирается в нашу границу с Афганистаном, Серов проходил не раз.

— Домой-то, в отпуск, теперь не езжу... Мать сама ко мне снизу навевается. Вниз что-то не очень влусь...

Понимаю... Сам бываю последние двадцать лет в горах раза по два, по три за сезон и не знаю, как объяснить, зачем туда езжу. Есть такое предположение, что горы — это как раз то место на земле, которое сильно передеформирует человека. Вспомнил об этом потому, что Володя Аргунов, старшина заставы, а также Костя Жучков, рядовой, и многие еще заявляли: «дедовщина» — это что-то такое, что, возможно, существует где-то внизу, а к нам не имеет никакого отношения.

— Да нормальные тут ребята... — размышляет старшина, — если и есть тут что-то нестандартное, так это разве что — лыж кучу наломали... Лыжи нам по службе положены, а они — с горок ездят, ломают, снег-то большой случается.

Случается. В прошлую зиму отрезал соседнюю заставу, а там у рядового — аппендицит. Заставы двое суток в снегу пробивались друг другу навстречу и успели, вывезли больного — до «дедушкиных» ли тут игр в самом деле, под лавинами?

— Да ты сам у коллеги-студента спроси. Вон он, в Тэ-Пэ-Бэ глядит. Жучков Константин, повар.

— Повар... — расстроился я.

— У этого повара, между нами, знаки «Отличник погран-

войск» первой и второй степени имеются, их не всякий офицер носит.

«Тэ-Пэ-Бэ» — это «труба пограничная большая».

— Что это вы там... — интересуется Костя. — Сто дней до приказа, сто дней до приказа... Ну, читали. Брежнев.

Это тебе, Костя, возможно, отсюда кажется, что брежнев, для армии нашей это, к несчастью, далеко не брежнев; люди из-за «дедовщины» счет с жизнью сводят, бывает такое... Вопрос только в том, отчего ее у вас нет.

— Да кто его знает... Вряд ли эта ерунда на границе возможна. Мы как друг другу говорим? Брат, братан, братишка... А молодых прижимать? Да не, что ты, невозможно, граница же. Вот ты говоришь: стоит ли студента в армию определять? Меня со второго курса призвали, и я думал: нет, нельзя призывать. А теперь — не знаю... Сам-то я из Тульского политеха.

Поваром Костя служит неделю. Следующую неделю он просто пограничник: наряды, занятия, служба.

Такая жизнь на «дальнем шлагбауме»... Я нарочно обошел, говоря про заставу, традиционные для «погранрепортажа» коллизии, которые стартуют с командой «Застава, в ружье!» и финишируют с щелчком наручников на запястьях нарушителя. Внешне тут спокойно. Есть Памирский тракт, и на нем должен быть порядок, и дается он непросто, все тут есть, нагрузки и перегрузки, нарушители, тревоги. Это работа. Пусть, возможно, менее тревожная, чем на «живой границе», но своя работа, и ее никто не отменяет. И наверно, она неплохо устроена, если тут бытует мнение, что «дедушкины игры» — это брежнев. В конце концов все зависит от конкретных людей, поставленных в конкретные обстоятельства.

А обстоятельства вполне для нормального человека благоприятные: горы кругом, «братаны» поблизости, вот только снег в июле — это, конечно, неудобство.

Кто-то в темноте зашевелился. Это «вольнонаемный погранпес» по имени Ефрейтор пошел куда-то нести свою обязательную и необходимую службу.

Фото автора

Есть вопрос

Правовая обеспеченность перестройке совершенно необходима. Поэтому бесспорна своевременность предлагаемых изменений Конституции.

Но есть у меня один вопрос: почему у нас не проводится референдум после окончания обсуждения по опубликованным проектам? Мне кажется, что это необходимо делать.

Михаил Киселев, г. Киев

Посудите сами...

Меня беспокоит то обстоятельство, что на предстоящих выборах в народные депутаты молодежь окажется в самом невыгодном положении. Посудите сами — кому отдадут предпочтение избиратели? Конечно же, человеку опытному, а значит, и возраст его будет уже не молодежным. В этом ничего плохого нет вроде бы. Но, с другой стороны, где гарантия, что он будет заниматься нашими проблемами, зная их понаслышке, с чужих слов.

Поэтому нам, молодым, надо это хорошо понимать и не сидеть сложа руки, а действовать. Причем всем: в каждом институте искать достойные кандидатуры, которые смогли бы постоять за наши интересы. И даже специально с ними заниматься, расширять их кругозор, учить их видеть проблемы не только местного, но и общегосударственного масштаба. Учиться коллективному ведению предвыборной борьбы.

Елена Домченко, г. Волгоград

Какой механизм не срывается?

Вот все мы обсуждали проекты Законов СССР об изменениях и дополнениях Конституции СССР и о выборах народных депутатов. На мой взгляд, многое можно было бы предложить, учесть и т. д. Что в общем-то, надеюсь, и было сделано. Но меня не покидает чувство неадекватности к разного рода проектам. Сколько их было,

и слишком многие хорошие предложения спускали на тормозах!..

Что же все-таки надо сделать, чтобы этого не происходило впредь? Какой механизм просту не срывается? Может, кто-то мне ответит?..

*Дмитрий Алексин,
г. Новокузнецк*

Зачем вузу многотиражка?

Кто мне ответит: зачем вузу многотиражка? Для того, чтобы информировать студентов о том, что происходит в их альма-матер? Когда, где и что происходит? Какое очередное заседание? Не дешевле для этих целей завести радиозел? И кто обязал эти газеты перепечатывать официальный материал из центральных и областных? А мы еще говорим о дефиците бумаги. Искусственно же создается этот дефицит.

Уверен, не найдется ни одного студента, которому бы чем-то помогла многотиражка — подержала, взбодрила, воспитала. И не отыщите вы на ее страницах ни дерзкой мысли, ни смело-го взгляда, как ни старайтесь...

Да и слишком отпугивают строки: «Орган парткома, ректората, профкома, комитета комсомола...» (Это всем угодить, что ли, надо?!). Отпугивают и названия газет, и заголовки... Но больше всего — пустота, заупустованность.

Не верю, что есть другие газеты, в которых все иначе.

Павел Павленко, г. Киев

Армия... и демократия?

Пишет вам солдат, который призвался в армию из института. Зачем? Хочу поговорить. Великое переосмысление сделанного, прожитого, безусловно, коснулось сейчас каждого. За спиной у меня двадцать лет жизни, из них десять «школьных», первый курс института.

Оглядываясь на школу — в душе смирение: наверное, можно было бы получить много отличных знаний, но, полагаю, не имею и одной десятой их части; чему учили, к чему призывали и... что было (и оказалось!) на самом деле...

Армия... Наверное, старшее поколение сейчас в шоке — столько армейских проблем вытасовано на свет божий, на суд гласности. «Дедовщина» — это одна из многих, хоть и самая болезненная. Ну а если вместо «дедовщины» предложить другое? Ввести официальное разделение по призывам — на курсы, на классы, что ли? Только чтобы все было по-дружески, как шефская работа.

Я попал в армию в самый разгар перестройки — дома ничего толком не увидел, и здесь ничего пока, на мой взгляд, не предвидится. А ведь мы не сидим сложа руки, стараемся проявлять самостоятельность, провозглашаем гласность — и тут же за это получаем по башке. Ну что говорить, если сам командир с ульбкой заявляет: «Где начинается армия, там заканчивается демократия!» А жаль берет. И что поделаешь — принцип единичности. А если разобраться? Может, и совместимы понятия «армия» и «демократия»?

И еще: очень хочу, вернувшись домой, сделать многое во имя того, чтобы не повторять ошибки нашего прошлого, за которые сейчас стыдно.

Владимир

Отработал три года — получай диплом

Я учусь в Коломенском педагогическом институте. У нас в порядке эксперимента на 1—

2 курса была подпрактика, так называемая «пассивная», то есть без классного руководства, без ведения уроков. Как мне кажется, это совершенно ненужная затея и пустая трата времени, когда еще не начат ни курс педагогики, ни психологии.

Вот на третьем курсе практика действительно была настоящей. Но возникла другая проблема — пять недель оказалось слишком мало. Необходимо ее увеличить по времени: есть база знаний, навыков, да и мы не смотримся «педагогами школьного возраста».

Как отсечь из института людей, пришедших не по призванию? Не давать троечника стипендию: троечный педагог со своими «капельшными» знаниями — объект насмешек ребят...

Выдавать диплом только через три года после окончания института, когда человек отрабатает по специальности. И лишь при положительных результатах, засвидетельствованных не только завучем, директором, но и педагогическим составом школы и учащимися. Вот это будет проверка! Но нужна честность и бескомпромиссность, а то может получиться, что как раньше «покупали» диплом, так теперь будут «покупать» характеристики.

Светлана Трепалина, г. Коломна

Графика А. Мирякиной

Штамп и любовь?

В одной из статей вы писали: настоящие отношения не могут вызреть в одночасье. Скажите,

а одночасье — это сколько? Буквально — один час?..

Положим, что в любовь с первого взгляда можно не поверить. Ну хорошо, а недели хватит? А двух?

Потом вы советовали: близость лучше после свадьбы. Я знаю огромное количество счастливых пар, не связанных узами регистрации и штампом в паспорте. Эти люди буквально шагают по звездам. В то же время счастливых «зарегистрированных» супругов я встречал немного. Может, это у меня окружение такое дурацкое?

Мы с женой не признаем современную форму брака. И никогда бы не «расписывались», если бы не понадобились эти формальности. Мы стали близки через две недели после знакомства. Год она жила у меня, пока училась на пятом курсе. Ни о каких штампах и регистрациях речь не заходила. Но потом — распределение. Ей пришлось... расписываться, прописываться, чтобы остаться рядом со мной.

Прошло два года. Жена работает. Я учусь. Растим дочку. Очень счастливы.

Вадим Викторов, г. Харьков

Про «оперы-симфонии»...

Сесть за машинку меня будила ваша статья «Я не люблю оперы-симфонии», с которой, в принципе, согласен, но вот ее направленность...

Выходит, что все дело — в невоспитанности вкусов молодежи, и поэтому: «Ребята! Классику нужно любить!» А дело-то не в ребятах, а в существующей системе школьного музыкального воспитания (до сих пор вспоминаю с омерзением!) и в нашей любимой фирме «Мелодия».

Зайдите в магазин. Где она, классика? Попробуйте купить «Токкаты» или «Концерт для двух клавесинов» И.-С. Баха! Где знаменитая «Симфония соль минор» Моцарта или «Концерт для скрипки с оркестром ми минор» Мендельсона? Оперетты Легара, Каль-

мана, Штрауса, Оффенбаха? Даже «Евгений Онегин» — только 1936 года!

А между тем ни одна фирма грамзаписи не имеет такого емкого и бессловесного рынка, такой всеобъемлющей монополии и такого колоссального процента прибыли при минимальных затратах. Впрочем, если послушать ее руководство — они самые несчастные в мире! Это не разрешается, того не хватает! А не хватает — самостоятельности и элементарного умения работать: ну какую идеологию можно протащить в СССР при помощи рока или диско? 99 процентов нашей молодежи не понимают на слух даже передачи «Москоу Рэдио» на английском — даже если учили его в школе... Так что за такую «идеологическую» политику спекулянты от музыки нашим идеологам-бюрократам можно памятник ставить несут! Ведь у них в отличие от государственной торговли все в порядке. Ну и цена — соответственно — не ниже 10 рублей.

Мои предложения? Первое: неплохо бы создать несколько пластинок-путеводителей по стилям и направлениям эстрадной музыки, а заодно и на выпускаемых пластинках давать небольшой «комментарий»: непрофессионалу трудно понять, чем, к примеру, би-поп отличается от диксиленда. И второе — согласен поддержать «Мелодию» своим трудовым рублем: лишь бы мог купить в магазине то, что хоч. Со временем, уверен, цена упадет до разумной. Кстати, сам бы я приобрел и всю классику, упомянутую мною выше, и весь «Битльз» — ежели его все-таки выпустят...

Алексей С., п. Калинец

Внимание читателей!

Школа «Учимся говорить публично!» (пришло несколько сот писем и открыток с просьбой такую школу открыть) начнет действовать с № 6 1989 года.

Подписка на наш журнал продолжается!

Недалеко от Москвы

Калинин. Тверь. Тихая российская глубинка. Кажется, гладко и ровно течет здесь жизнь. Но только лишь на первый взгляд.

«Блоки», группки, перешептывания по углам, азарт интриги, «удары ниже пояса», крик, скандалы, «ломание копий», убирание неугодных — до чего же ясно просматриваются тут контуры тривиальной учрежденческой склоки», — писал наш корреспондент в статье «Бессонница» (№ 12, 1986 г.), рассказывающей о тяжелой атмосфере, сложившейся в Калининском государственном медицинском институте.

Тогда к руководству вузом пришел новый ректор — Борис Николаевич Давыдов, партийную организацию возглавил Виктор Трофимович Лукашевский.

Что же изменилось за два прошедших года? Как чувствует себя КГМИ? Об этом наш корреспондент Игорь Цыбульский спросил руководителей вуза и студентов.

Б. Н. Давыдов, ректор Калининского государственного медицинского института: Как чувствую себя? Как студенты в период сессии: один экзамен да — впереди новый...

В 1988 году мы провели аттестацию работников кафедр по

учебной, научной, лечебной и общественной работе. И все же наиболее точную аттестацию педагогическому коллективу дают сами студенты. Комитет комсомола провел анонимное анкетирование «Преподаватели глазами студентов». Многие из нас получили очень жесткие оценки. Были названы также три лучшие и три худшие кафедры. Результаты этой анкеты можно было прочитать в нашей стенгазете.

Острая дискуссия прошла на перевыборном собрании. Многогим, да и мне в том числе, пришлось пожить. Крепко нам досталось! Но и у нас вопросы остались. Я, например, только один задаю: «Что вы сами предлагаете?» В ответ — молчание. Это настораживает. Ребята ждут, когда появится Данко со своим пылающим сердцем, и сразу пойдут за ним.

Перестройка — это, по-моему, прежде всего честная работа. Главное наше требование к студентам — учеба. Никакая общественная работа не сможет заменить оценок в зачетке. Наша задача — готовить квалифицированных врачей, а не политических или профсоюзных деятелей.

Сложилось так, что ректор прежде всего хозяйственник. Понимаю, это в корне неверно, но и я озабочен в первую очередь прорехами в нашей материально-технической базе. В институте всего 20 компьютеров — один компьютерный класс. Это капля в море.

Все возрастающую роль в обучении играет видеотехника. В ФРГ я увидел, как это делается. Сердце кровью обливается от зависти...

Я убежден, что вообще вся новейшая медицинская техника должна попадать в вузовские клиники, а уж затем — в остальные лечебные учреждения. Тогда выпускник не будет стоять в изумлении, скажем, перед современным томографом, а сразу начнет использовать в работе.

Силами ректора дела не сдвинуть. Необходимо централизо-

ванное снабжение вузов новейшей техникой. Без этого коренная перестройка нашего дела останется на бумаге.

Медицина — профессия особая. Хороший врач ст. новится целителем, плохой — убийцей. Поэтому я глубоко убежден в том, что вуз должен нести ответственность за выпускников, куда бы они ни разъехались по распределению. Мы поддерживаем с ними связь, а раз в пять лет вызываем в Калинин на передподготовку. Теперь дело поставлено у нас на серьезную основу: с начала этого года в КГМИ работает факультет усовершенствования врачей. Это, по-моему, и есть то самое непрерывное образование, о котором горючили в постановлении ЦК КПСС по высшей школе.

Очень важно, чтобы в медвуз приходили люди с задатками врачей, поэтому 70 процентов из тех, кто поступает на первый курс, стажники. Люди, уже поработавшие в медицине. Это относится не только к молодым, но и ко взрослым: у нас работает вечернее отделение, где фельдшер может получить диплом врача.

При поступлении в вуз горожане имеют гораздо лучшие шансы, чем выпускники сельских школ. Разница в подготовке очень большая. Тут, на мой взгляд, есть явная несправедливость. И устранена она будет, по-видимому, не скоро. Вот почему мы создаем льготные условия при поступлении для жителей сельских районов, где особенно нужны врачи. Так называемый целевой прием. Конечно, стараемся подтянуть ребят, обучаем в заочных школах юного медика, и, знаете, со второго курса они обычно хлопот не доставляют...

Долго шел в институте спор о том, как принимать экзамены. В прошлом году сдавали только письменно. Думаю, подавляющее большинство за то, чтобы эту практику продолжать. В письменных экзаменах гораздо меньше субъективизма — студенты имеют время все хорошо обдумать (экзамен длится четыре часа), и результат всегда можно проверить.

Есть у меня, да и не только у меня, наверное, проблема, с которой просто не знаю что делать. Это армия. Не могу понять, зачем забирают на службу

ребят (которых и так в медвузах мало), если все они получают военно-медицинскую специальность. Разве не рациональней было бы призывать после окончания и давать работу по специальности. Неужели в войсках не нужны врачи?!

Мы сейчас точно знаем, что после армии далеко не все могут учиться, как раньше. В лучшем случае нужен год, чтобы ребята пришли в себя, а многие уже вообще не могут по-настоящему учиться. Да, они дисциплинированы, физически развиваются в армии, но вот вкус и азарт к учебе обычно теряют. Учеба — процесс творческий, здесь одной исполнительности мало.

И еще — сельхозработы, «картошка» иначе говоря. Мы посчитали, что за время учебы студент проводит на сельхозработках почти год! Тут мы взяли все глубже, а с переходом на хозрасчет нам стало еще хуже. Председатели хозяйств теперь десять раз подумают, прежде чем пригласить рабочих: им ведь платить надо. Студенты же — бесплатная рабочая сила. Вот и стараются взять впрок и побольше...

Николай Румянцев, секретарь комитета комсомола КГМИ: Хорошо бы осенние работы сельскохозяйственных переводить на принцип СО. Тогда хозрасчет станет взаимовыгодным.

Очень важного сдвига мы добились осенью прошлого года. Судите сами: в 1985 году мы отправляли на сельхозработы

1385 человек, в 1988 — 750! Все вместе: ректорат, профком и комсомол — сумели доказать, что 500 человек выпускников брать нельзя. Отстояли демобилизованных (хотя это, казалось бы, самая ударная сила) — они и так два года потеряли, им ни минуты терять нельзя.

И еще серьезный бы предостой: хотим отстоять весь первый курс. Началось учебы — самое ответственное время.

А перестройка в комсомоле должна, по-моему, состоять в том, чтобы официальный, так сказать, «отчетный» героизм сменился хорошей, честной работой. Тут я с Борисом Николаевичем полностью согласен.

И еще — необходимо вернуть забытые комсомольской работе понятия: доброту, верность слову, милосердие. Эти качества в каждом нормальном человеке есть, им только надо не мешать проявляться. Недавно наши ребята побывали в детском доме, провели день среди детей, и потом сами, без всяких призывов, собрали деньги, купили подарки.

Хорошо работает в больницах города круглогодичный отряд «Медик». Сначала там было 70 человек. Спонтанно отряд разросся до 300. Теперь ребята хотят взять на обслуживание целое отделение 1-й городской больницы.

Пять лет существует отряд «Флора». Там 32 человека. С двумя аптеками города они заключают договора на сбор лекарственных трав. Это работа для тех, кто по состоянию здоровья не может участвовать в СО.

Интересное дело мы рассмотрели у ленинградцев и создали отряд «Диспансеризация». Его бойцы проводят многопрофильное обследование жителей отдаленных районов. «Диспансеризация» состоит из двух отрядов по 15 человек. Возглавляют их преподаватели, кандидаты медицинских наук Зиньковский А. К. и Ткачев В. А. Ребята пробираются в самые глухие места, в те самые неперспективные деревеньки, где осталось всего 2—3 старушки, по несколько лет не видевшие врачей. В отряд подбираем старшекурсников, которые могут не только обследовать, но и помочь как врачи. В каждой группе есть ЭКГ, то есть можно

снять электрокардиограмму, другие необходимые приборы. Ребята рассказывают, просто нельзя забыть, как их в глухих уголках, в забытых деревеньках встречают!

Собираемся заключить типовые договора с больницами на систематическое обследование отдаленных мест области. В комитете комсомола еще 75 заявлений лежат от ребят, желающих работать в «Диспансеризации», так что можно подумать о том, чтобы не только Калининскую, но и соседние области обслуживать. А какой замечательный материал накапливается у ребят для научной работы!

По такому же принципу создаем отряд «землепроходцев» для оказания стоматологической помощи.

Я сам-то во время учебы работал в строительных отрядах, и лучшие воспоминания мои с этим связаны. И все же медицинское направление должно быть для нас главным. Это ведь, кроме всего прочего, полноценная практика, которой нам так не хватает.

Пробуем и новые формы осваивать: создаем кооператив по оказанию медицинской помощи населению. А что, деньги для студента никогда не лишние...

Главная черта комсомольской работы сейчас — конкретность, только дела, только реальность и минимум бумаги. Думаю, если ту бумагу, которая называется комсомольской отчетностью, передать в издательства, лимиты с центральной прессы можно снять. Тоже получилось бы хорошее конкретное дело.

Илья Чайковский, студент 6-го курса: Я принимал участие в

создании анкеты «Преподаватель глазами студентов». Теперь все, кто этим занимался, понимают, что анкета получилась нелепая, но даже такая, зачаточная, социология нам необходима. На многое глаза открылись, и в первую очередь у преподавателей. Особенно у тех, кто давно работает. Они ведь и думать забыли, что студенты их как-то оценивают. Теперь мы новую анкету делаем, уже для компьютера. Жаль только, что институтские ЭВМ больше ремонтируются, чем работают.

Анкета, кстати, и много неожиданного открывает. Мы говорили: не бойтесь указывать свои фамилии, но большинство не стали писать — мало ли что вы там общаете... Крепко в нас страх сидит!

Мы и сами, когда подводили итоги анкеты, поняли, что многих педагогов можем обидеть, сомневались, стоит ли обнародовать, и вообще — разрешать ли?! Показали проректору, и он тут же разрешил! Смелее нас оказалось...

Сейчас пишут о педагогике сотрудничества, и вроде бы это относится только к школе. В институте такая педагогика еще нужнее! Если нас преподаватель уважает, мы ему тем же отвечаем. Только на уважении настоящая учеба может быть построена.

У нас в КГМИ, да и в других вузах идут разговоры о том, что нужно отменить лекции: больше семинаров, дискуссий. А кто мешает превратить лекцию в дискуссию? Или клиническая лекция с разборком конкретных случаев. Ей же цены нет! Рабочее общение с опытными врачами необходимо.

Михаил Шпаков, 4-й курс: Я все годы в строительных отрядах и ни на что их не променяю. Нынче мы тоже отлично работали, 19 человек, одна девушка и четыре подростка (не знаю, почему они на учете в милиции — отличные ребята!), приехали в чистое поле. За 52 дня полностью — под ключ — утятник сдали, 182 тысячи рублей освоили. Весь совхоз приезжал смотреть: глазам не верили. И мы по 1500—1600 рублей получили. А подростки... Честно сказать, мы вообще их не воспитывали (какие мы воспитатели!), просто относились к ним

как к равным, им больше ничего не надо.

Как нас встречают! Местные ребята и девочки всю зиму, можно сказать, ждут. Как только отряды приезжают, районная газета зубовская, «Ленинский путь», вдвое увеличивает тираж и целую страницу посвящает только стройотрядам.

Илья Чайковский: С «картошкой» просто до абсурда доходит: в 1987 году лето очень суровое было, все поля заглохло. Два дня только и работали за все время, а уехать — нельзя: дезертирство с трудового фронта. Сколько еще времени дурацкие приказы будут для нас законом?!

Вот Коля Румянцев говорил, как должен комсомол работать. Я согласен: конкретность — прежде всего, но обязательно должно быть и главное дело, а это для комсомола, я считаю, — учеба. Комсомол должен создавать культ учебы и иметь для этого не только моральную, но и материальную возможность.

Сейчас кого поощряют? Командира СО, например. Вот Тania Крылова, командир отряда «Мастер». Здорово работают, хотя там и одни девочки. Тания едет в круиз по Средиземному, и это правильно. Но и тех, кто здорово учится, кто успешно занимается наукой, надо не только одной стипендией поддерживать. Много интересных дел в вузе, но нельзя забывать: самое главное для студента — учеба...

...Калинин — Тверь. Тихая российская глубинка. Периферия. Но что же такое, в сущности, периферия? Это понятие не территориальное — духовное. Она существует там, где люди не умеют, не хотят жить наравне со временем и, сами того не замечая, впадают в душевную летаргию.

Так дальше жить нельзя! Это сейчас понимают все. Ну а медикам это понятнее, чем кому-либо: они-то отлично знают, что впасть в летаргию обычно во сне и умирает. Чтоб страна жила, духовная периферия должна исчезнуть.

АНОНС

Дорогие читатели!

В 1989 году вам предстоят встречи в литературном разделе с Виктором Астафьевым, Валентином Распутиным, Валентином Пиккулем, Владимиром Крутиным. Подготовлены публикации из творческого наследия Юрия Казакова, Василия Гроссмана, Алексея Лосева.

Будет продолжен разговор с Джунью Давиташвили, Игорем Акимовым и Виктором Клименко о творческих возможностях человека.

Не забыли мы о практикумах: «Английский — для всех», ораторское искусство, физическая культура — уроки дает Арнольд Шварцнеггер. Встретитесь вы и с Дейлом Карнеги, Зигмундом Фрейдом.

Любители фантастики и детективного жанра найдут на страницах «Ст. М.» произведения Станислава Лема, Артура Кларка, Агаты Кристи, Жоржа Сименона.

Напоминание, что подписка на «Студенческий меридиан» продолжается во всех отделениях Союзпечати без каких-либо ограничений. Если в силу обстоятельств вам не удалось подписаться вовремя, не отказывайтесь. Февральская подписка гарантирует получение журнала с апреля.

О каждом отказе в подписке непременно сообщайте в редакцию. Мы примем соответствующие меры.

Наш индекс — 70932. Цена одного номера 30 коп.

В розничную продажу журнал поступает в крайне ограниченном количестве.

Надеемся, что наиболее активные наши читатели расскажут об условиях подписки на журнал всем своим друзьям и знакомым.

АКТУАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

С кем мы в поле пойдём

Рабочий день этого человека может показаться необыкновенно длинным. В кабинете его не застанешь. Сам же он может найти любого, кто ему нужен. Если не подьедет на бездорожье, обязательно подключится по рации с позывными «Ласточка», и создается полный эффект, что он руководит одновременно в нескольких местах.

Ближе к вечеру на его лице пролегают тени усталости, кажутся глубже морщины. Только глаза выдают неукротимость духа и некоторое озорство. Он может по памяти читать стихи Твардовского, Некрасова, Есенина, Шевченко...

Речь идет о директоре учхоза Белоцерковского сельскохозяйственного института Киевской области Андрее Александровиче Милоке.

Как он работает? Десять лет назад учхоз был «лежачим». Сейчас это многоотраслевое хозяйство, в котором основных средств производственно-сельскохозяйственного назначения

более 10 миллионов рублей, 3041 гектар пашни. В нем есть молочное животноводство, свиноводство и коневодство, производство зерновых культур и сахарной свеклы. Годовая прибыль — 1,3 миллиона рублей. Рентабельность — 38,5 процента.

— Андрей Александрович, как вы оцениваете молодых специалистов? Способны ли они в полной мере участвовать в перестройке сельскохозяйственного производства?

— Учебных заведений, готовящих селу нужные кадры, достаточно. И все же, если подходить по большому счету, квалифицированных специалистов не хватает. В этом — парадокс.

У меня о выпускниках двойственное впечатление: с одной стороны, они еще дети, а с другой — совсем зрелые люди. Честь и хвала тем из них, кто ломая стереотипы о труде и укладе сельского образа жизни, идет к нашей земле-кормилице. А она всегда нуждалась в молодых руках. Ей нужен умелый, грамотный специалист, способный заявить, что он на ней творец.

Много ли таких ребят встречал на своем веку? Нет, к сожалению. А ведь у меня достаточно житейского опыта, хорошо приглядываясь к студентам.

Учхоз... Нередко задумываюсь над его предназначением. Их целая сеть, функционирующая на базе сельхозинститутов. Любой может догадаться, что все они нужны для производственной практики студентов.

И хотя наш — один из лучших на Украине, я не могу сказать, что он в полной мере отвечает своему замыслу. До нас доводят государственные планы производства и реализации продукции, и мы работаем в том же режиме, что и любой колхоз и совхоз, потому что есть производственная база, фонды, подобран штат специалистов. С этой задачей мы справляемся, хотя чувствуем, что все идет по принципу — «Кто везет, на того больше и валят».

А вот являемся ли мы подлинной производственной базой для студентов Белоцерковского СХИ, готовящего агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей? Едва ли 50 практикантов проходят за год практику в цехе растениеводства или животноводства. Что-то не ощущается того, чтобы парни и девушки с задором осваивали азы избранных профессий. Так что же это за специалисты придут с дипломами на село? Как известно, теория, не подкрепленная практикой, мертва.

При таких условиях молодые люди не могут активно включаться в процесс перестройки и обновления села. Минимум два три года им приходится наверстывать упущенное.

— Из ответа ясно, что уровень подготовки специалистов вас не устраивает. А какие-то предложения у вас есть?

— Нужны практические навыки, которые не только бы укрепляли чисто профессиональные качества, но и учили бы общению с людьми. Ведь специалист — еще и руководитель, отвечающий за моральное состояние людей, а не только за материальные ценности.

Представьте себе молодого человека в должности главного ветеринарного врача. На молочно-товарной ферме обнаруживается, например, эпизоотическое неблагополучие. Экстренной помощи от службы «синего креста» ждет дойное стадо в 200 голов — надо делать сложные прививки, лечить гинекологически больных животных, браться за хирургические операции. На что способен в таких экстремальных условиях ветврач, не имеющий опыта, не осознающий, что каждая дойная корова стоит более тысячи рублей?

Не менее впечатляющие при-

меры я мог бы привести по начинающим самостоятельный путь агрономам и зоотехникам, которые так же не способны активно включиться в трудовую жизнь.

Я к чему клону? К тому, что будущий ветврач, зоотехник, агроном, другой специалист должен на практике пройти через все перипетии производства, отработать не менее года и лишь тогда, доказав право на профессию, получать на руки диплом о высшем образовании. Но для этого надо создать условия, перестроить в вузах, техникумах учебный процесс.

Вполне может быть, что учю-за и недостаточно. Тогда не мешало сделать базовыми колхозы и совхозы, где есть чему поучиться у профессионалов. Обучаемым — польза, обучающим — помощь. Да и платить практикантам следует соответственно, чтобы они чувствовали и ответственность, и материальный стимул.

Более того, сельскохозяйственным вузам необходимо укреплять собственную базу — строить животноводческие фермы, ремонтные цехи, оснащать лаборатории, вплоть до вычислительной и компьютерной техники. Было бы интересно расширить курс лекций по законодательным и экологическим знаниям. Если все это будет образцовым, представьте себе, сколько нового привнесет выпускник в сельское хозяйство, какой верой проникнутся там к нему, к его профессиональным качествам.

— А делались ли попытки расширить практические занятия Белоцерковским СХИ у себя в учхозе?

— По логике, надо бы бороться за это. Но тут требуется поддержка и внимание со стороны преподавательского состава. Пока голос за практику мало кто подает. Считают, что гораздо спокойнее придерживаться установленных методов преподавания — чтения лекций, элементарных лабораторных работ, утвержденных Госкомитетом СССР по народному образованию.

— Проще же и спокойнее отчитываться, я бы сказал, «по душам». Зачем интересоваться, какая из этих «душ» после выхода из аудитории будет отдача? И не дай бог инициатив!

Вот если бы она была предусмотрена каким-то циркуляром...

Да и учебный процесс можно обогатить прогрессивными методами — допустим, проводить деловые игры. И не только в четырех стенах, а и переносить их на «натуро». Можно еще закрепить за будущими зоотехниками, ветврачами молочную ферму, обслуживать ее — не в ущерб занятиям, а по графику и в условиях хозрасчета, чтобы прививать студентам экономический склад мышления.

С учхозами давно пора разобратся. Я уже говорил, что на нас висят заботы о молоке и мясе, о хлебе и сахарной свекле. От производства не открещиваемся, без него не сможем развиваться дальше. Но, считаю, надо в комплексе, сообща решить проблему того, чтобы и наш, и другие учхозы могли превратиться в «академию практических навыков».

А пока без должных изменений в предназначении учхоза, да к тому же при переходе на полный хозрасчет, без которого ему не жить, трудно рассчитывать на положительный исход.

Даже если и сейчас приходят практиканты на молочно-товарную ферму, люди смотрят на них косо. Мало ли каких дел натворят, да еще плати им из фонда заработной платы коллектива, где каждой копейке счет ведут. Так что пока удовлетворить все заинтересованные стороны очень сложно.

— Но аграрными вопросами занимаются не только выпускники сельскохозяйственных вузов. Может быть, они лучше подготовлены к своей будущей деятельности?

— Конечно, к решению аграрных вопросов имеют отношение и специалисты других профессий. Возьмем, к примеру, сельское строительство и деловые качества тех, кто призван осуществлять его у нас. Мы строим комплексы молочные, по откорму молодняка крупного рогатого скота, реконструируем свиноводческие фермы, возвели высокотехнологизированный объект зернового хозяйства, корне-клубохранилище, кормоцех. Только в минувшей пятилетке хозспособом освоили на строительстве 4,6 миллиона рублей, за текущую — 3 миллиона руб-

Думаете, хорошо помогают проектные институты? А их ведь много у нас. Но те, что есть, на мой взгляд, стоило бы сократить наполовину. Любой из объектов проектируют по два года, и стоят они к тому же слишком дорого. А посмотришь в чертежи и убедишься в косности инженерной мысли — и, конечно, отбрасываешь их в сторону.

Нарезла настоящая потребность перевести проектные институты на полный хозрасчет, чтобы проектанты сами искали заказчиков, веди разработки в сжатые сроки и отличались новаторством. Но на это способны предприимчивые, мыслящие современными категориями специалисты, а их, как известно, должны готовить вузы.

Все перечисленные мною объекты мы проектировали сами, в конторе, за скромным столом нашего главного инженера Аграновского. Считаю, что хорошо поработали с уникальным объектом зернового хозяйства, способным из обыкновенной «кутью», привозимой с поля от комбайнов, выработать высококондиционное зерно в объеме 7 тысяч тонн за сезон. Все процессы настолько механизированы и автоматизированы, что рука человека практически зерна не касается. Вместо 120 человек со всеми операциями справляются трое. Производительность труда возросла в 40 раз.

При нынешней постановке дела проектанты, инженеры, строители не способны на подобные разработки. Хорошо, если у них, оторванных от наших нужд села, нечто схожее родится к 2000 году.

Я мог бы долго говорить о малокомпетентных специалистах, работающих в системе Минсельхозмаша СССР, Минхимпрома СССР, Минстройматериалов СССР и других ведомств. Все без исключения обучался в вузах, многие заняли руководящие посты, стали чиновниками в период застоя и поставили сельское хозяйство в монопольную от них зависимость. Послушаешь иных, только и занятых тем, что помогают селу...

— Но наш студент или молодой специалист, Андрей Александрович, не виноват в том, какой он есть... Что же все-таки

нужно сделать, чтобы он мог идти в ногу со временем в период перестройки экономики страны?

— Нет, конечно, ни студент, ни молодой специалист не виноваты в своей неподготовленности к активной производственной деятельности. В Госкомитете СССР по народному образованию должны понять, что ушло время, когда можно кого-либо удивить числом выпускников. Мы, производственники, больше удивляемся низкому качеству их подготовки. Готовя к работе, надо наглядно раскрывать экономическую сущность того или иного процесса, технологии, приема, не пренебрегая, естественно, при этом категориями нравственными.

Важно сделать так, чтобы студент не только слушал теоретические выкладки преподавателя, но и учился думать, стремился к творчеству. Тогда он действительно будет способен взять знания, углубить и расширить их. Уже в институте нужно ему искать пути увеичения производства продукции, повышения ее качества с минимальными затратами.

А вы знаете о том, что задолго до начала учебного года всякие коммивояжеры от вузов и техникумов начинают разбрасывать сети, чтобы вовлечь на студенческую скамью как можно больше молодежи, не считаясь с их способностями, стремлениями, наклонностями? Вы посмотрите, сколько ребят «с асфальта» после такого «охвата» берутся за «азы» сельскохозяйственного производства и сколько их действительно приходит в село! Видимо, не числом надо брать, а качеством. Пусть студентов у нас станет меньше на 50 процентов, но зато займется их подготовкой всерьез. А пока терпит материальный ущерб государство и моральный — общество.

Быть может, я категоричен в суждениях. Согласен.

Какие выводы могу сделать в конце нашей беседы? Их есть кому делать и без меня, начиная с Госкомитета СССР по народному образованию. Мне же хочется знать — с каким молодым специалистом мы дальше в поле пойдём, чтобы торжествовала формула жизни **«любь**

ОРИЕНТИР

Пьецух В. А. Веселые времена. Рассказы. М., Моск. рабочий, 1988, 239 с.

Вячеслав Пьецух пишет легко, свободно и весело. Тем удивительнее непростая судьба его прозы. В книгу «Веселые времена» вошли рассказы, которые долго пробивались к читателю. И это при том, что он ставит перед собой вполне традиционную задачу — исследование русского национального характера средствами художественного слова. В его рассказах, скорее грустных, чем смешных, открываются те стороны жизни, которые еще не так давно избегала затрагивать современная литература: духовные искания, конфликт (а не его суррогат) личного и общественного, незадававшаяся судьба. Но как ни горьки иные из открытий, эта книга — светлая, ибо лейтмотив ее — любовь к своему народу, к своей стране.

Беседу вел Александр Гордеев

Приглашение на Марс

В наш журнал обратились активисты организации «Студенты за исследование и развитие космоса» (США). В письме, в частности, говорится:

Исследование космоса — это необъятная область, пленяющая человечество в течение нескольких тысячелетий и пробуждающая воображение тех, кто осмеливается мечтать о прорядии наших границ. Неутолимое желание познать тайны неба позволило раскрыть многие его загадочные чудеса. Космос — не только притягательный объект изучения, он пробуждает интерес тех, кто жаждет лучше познать наше место во Вселенной. Для молодежи изучение и исследование космоса — это инструмент, благодаря которому сотрудничество будущих поколений космических исследователей станет реальностью.

«Студенты за исследование и развитие космоса» — международная организация, выступающая за сотрудничество между народами. Основанная в 1980 году в Массачусетском технологическом институте, она является крупнейшим в мире объединением учащихся школ и студентов колледжей — энтузиастов космических исследований. Организация ведет ши-

рокомасштабную деятельность, связанную с изучением космоса. Ее основная задача — ознакомление учащихся и студентов с уникальными возможностями космической эры. Обеспечивая своих членов необходимой информацией, учебными материалами, устанавливая контакты со школами и колледжами, наша организация способствует улучшению аэрокосмического образования во всех его формах.

Мы хотели бы предоставить студентам Советского Союза подобные возможности. Хотелось бы выяснить, есть ли в вашей стране студенты, желающие вступить в нашу быстро растущую организацию. В случае создания в СССР ее отделений возникнет глобальная скоординированная сеть, что будет способствовать развитию и укреплению дружеских чувств между нашими народами на основе общих интересов в исследовании космоса. Через отделения нашей организации в СССР мы можем расширить сотрудничество в реализации научных и технологических программ.

Мы предлагаем наиболее заинтересованным студентам связаться с нами для получения более детальной информации и возможной организации вашего вступления.

Ваши друзья

*Мишель Т. Келлерер — вице-президент организации
«Студенты за исследование и развитие космоса»*

Стивен Р. Андерсон — секретарь организации

**Комментарий
инструктора Отдела
студенческой молодежи
ЦК ВЛКСМ
Владимира Кисмерешкина**

Уверен, что обращение молодых исследователей космоса из США вызовет интерес и желание откликнуться, завязать переписку у многих советских студентов. Не секрет, что в нашей стране, известной своими космическими достижениями, тысячи будущих специалистов всецель увлечены исследованиями Вселенной, строят ракеты и планетоходы, готовят

эксперименты на орбите, зачитываются фантастикой и мечтают полететь в космос. Но, к сожалению, пока многие из них «варятся в собственном соку» и, образно говоря, «крутятся к звездам» поодиночке. Чтобы помочь всем энтузиастам космонавтики, сплотить и умножить их усилия, ЦК ВЛКСМ предложил создать в стране Всесоюзное молодежное аэрокосмическое объединение. Эта идея нашла поддержку в ЦК КПСС и Совете Министров СССР. В настоящее время завершается подготовительная работа, и скоро «Союз» (так предлагается назвать объединение) «вылетит» на самостоятельную орбиту.

Планируется, что «Союз» будет включать сеть космоцентров, космических лагерей, обсерваторий, оборудованных типовыми модулями, лабораториями, тренажерами, спортивными комплексами. В них смогут проходить подготовку, общаться между собой энтузиасты «малой космонавтики». Занятия будут вести ведущие ученые, сотрудники Главкосмоса, космонавты.

Важной задачей объединения станут контакты с зарубежными сверстниками, молодежными космическими клубами США, Канады, Японии, других стран. Надеемся, что плодотворное сотрудничество свяжет «Союз» и с организацией «Студенты за исследование и развитие космоса». Ведь изучение тайн «шестого океана» — дело всех земель и в первую очередь молодежи. А возможностей для мирного освоения космоса у молодых исследователей немало. И не стоит ограничиваться перепиской и встречами. Почему бы, например, сообщая не думать о программе пилотируемого полета на Марс? Ведь сегодня в вузах и колледжах занимаются именно те, кто будет конструировать межпланетный корабль для полета к загадочной планете и, вероятно, станет членом его международного экипажа.

От редакции. Мы надеемся, что письмо американских студентов найдет отклик у наших читателей. Ждем ваших предложений, конкретных идей и мнений.

СТМ представляет: Владимир Попов

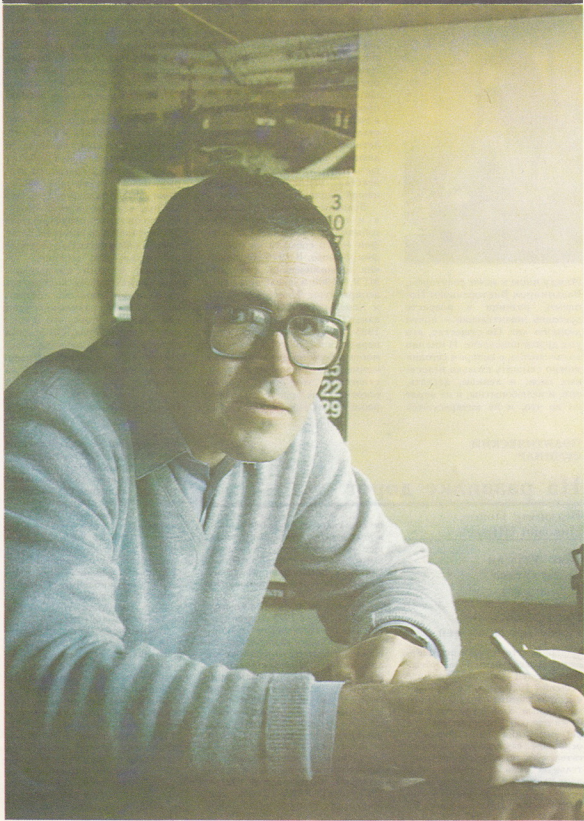

Фото С. Палина

Между мною и моим соавтором, Владимиром Викторовичем Поповым, разница в возрасте довольно значительная — почти двадцать лет. По существу, это уже другое поколение. И именно то поколение, о котором сегодня можно слышать столько неслесных слов: и ленивы, дескать, они, и нелюбопытны, и не верят ни во что, и не интересуются

ничем. Одним словом — дети «эпохи застоя».

Никогда я не разделял подобных настроения. Люди есть люди, и никогда ни одно поколение не хуже другого. Более того, смею выразить уверенность, что те, кто идет за нами, — они чем-то лучше нас. Это касается, на мой взгляд, прежде всего двух вещей — широты кругозора и уровня профессионализма. И я рад, что в последние годы жизнь нередко сталкивает меня с тридцатилетними людьми, которые, надеюсь, в самом недалеком будущем возродят и достоинство, и некогда высокую репутацию нашей экономической науки.

Большие надежды возлагаю и на своего соавтора. Все события его недлинной биографии — это события из биографии ученого. В 1976 году окончил экономический факультет МГУ, в 1980-м, после окончания аспирантуры Института США и Канады АН СССР, защитил кандидатскую диссертацию, в 1983 году опубликовал свою первую, а в 1988 году — вторую монографию по движению экономических циклов в капиталистической экономике. Сейчас готовит еще одну серьезную работу — «Структурные сдвиги

в мировом капиталистическом хозяйстве». Работаем мы с ним вместе, в одном отделе, а в последние год-два и пишем вместе: в начале 1989 года выйдет в свет наша совместная книга «На переломе: экономическая перестройка в СССР».

Иногда приходится слышать вопрос: с какой это стати специалисты по мировой экономике полезли в советские проблемы?

Отвечу в нашу защиту следующее: во-первых, и у нас есть профессиональная совесть, и она сегодня тоже болит, и болит не меньше, чем у других; во-вторых, основные законы экономики везде одинаковы, и это абсурд, если экономист считает, что он может позволить себе разбираться в экономике Запаदा и не разбираться в советской экономике, или наоборот; в-третьих, сегодня ни один из наших внутренних проблем, ни наши перспективы не могут быть правильно поняты вне контекста того, что происходит в мире. Я рад, что с самых первых лет своей научной молодости мой соавтор именно такими глазами и смотрит на жизнь.

Николай Шмелев

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

На развилке дорог

Владимир Попов,
Николай Шмелев

(Так была ли альтернатива 1929 году?)

Все началось с регулирования цен

Наверное, это многим покажется парадоксальным, но мы убеждены: конец нэпа начался не с решения 1929 года. Он начался в недрах самого нэпа. С одного из важных элементов его экономического механизма — с регулирования цен. Играя в основном служебную, вспомогательную роль в период нэпа, этот элемент во второй полови-

не 20-х годов сначала исподволь, а потом вдруг приобрел решающее значение и лег в основу всей командно-административной системы, пришедшей на смену социалистическому рыночному хозяйству.

Переход от «военного коммунизма» к нэпу в 1921 году сопровождался внедрением рыночных, свободно колеблющихся в зависимости от спроса и предложения цен. В сельском хозяйстве крестьяне получали возможность продавать хлеб по ценам базарной торговли, в промышленности формирующиеся тресты и синдикаты, равно как и частный сектор, и кооперативы, стали устанавливать цены самостоятельно, в зависимости от рыночной конъюнктуры. Созданные в 1921—1922 годах Комитет цен при Наркомате финансов и Комис-

сия внутренней торговли при Совете Труда и Обороне практически не занимались прямым нормированием (планированием) цен: устанавливаемые цены были в основном ориентировочными и до декабря 1923 года охватывали только базисные товары. Однако механизм рыночного ценообразования, на который была сделана ставка, не сработал в полной мере, привел к возникновению крупных ценовых неуязок, что в конце концов вынудило государство вмешаться.

Важнейшей диспропорцией стал опережающий рост цен на промышленные товары в сравнении с ценами на сельскохозяйственные — так называемые «ножницы цен». Начиная с 1913 года возрастали цены всех товаров — и промышленных, и сельскохозяйственных, причем с 1917 года такой рост резко ускорился. Но при этом более или менее выдерживалась главная обменная пропорция — к 1922 году цены промышленных товаров выросли только в 1,2 раза больше, чем цены сель-

Продолжение. Начало в № 1

скохозяйственных. Это, кстати сказать, было вполне объяснимо, ибо промышленность была разрушена сильнее, чем основанное на рутинной технике сельское хозяйство. С конца 1922 года картина в корне меняется: цены промышленных изделий постоянно обгоняют в своем росте цены сельскохозяйственных, так что к осени 1923 года «растор» ножиц цен достигает уже более 300 процентов или, другими словами, относительная дороговизна промтоваров в сравнении с сельскохозяйственным сырьем возрастает против 1913 года больше чем в 3 раза¹. Чтобы купить плуг в 1913 году, хватало 10 пудов ржи, в 1923 — требовалось 36.

Тогдашние и современные исследователи «ножиц цен» в 1923 году называют в качестве причин их образования многие факторы, в частности, более медленное восстановление производительности труда в промышленности, острую нехватку промышленных товаров, кредитование городской промышленности через выпуск червонцев, почти не поступавших в деревню, и др. Представляется, однако, что решающую роль сыграл здесь все-таки другой фактор, слабо изученный тогда экономической наукой, но приобретающий все возрастающее значение в хозяйственном развитии стран Запада и в полной мере проявивший себя в Советской республике в первые годы нзпа.

Речь идет о закономерности ценообразования на олигополистическом, то есть контролируемом несколькими крупными поставщиками, рынке, и в частности, о том, что эти закономерности существенно отличаются от тех, которые действуют на рынке с атомистической структурой, где конкуренция является совершенной. Если в отрасли господствует небольшое число крупных фирм, так что конкуренция со стороны аутсайдеров ограничена, то они непременно договариваются между собой о повышении цены за счет ограничения предложения (производства), ибо это позволяет увеличить прибыль.

Именно такое, олигополистическое по своей природе повышение цен за счет ограничения производства произошло в широких масштабах в 1923 году в советской промышленности

после образования трестов и синдикатов. Эти мощные объединения стали, по сути, монополистами в своих отраслях, а наша промышленность после их создания оказалась самой монополизированной в мире. При слабом тогда еще регулировании цен тресты и синдикаты, вполне естественно, встали на путь их повышения всеми правдами и неправдами. Они отказывались их снижать, несмотря на очевидную невозможность реализовать произведенную продукцию по таким завышенным ценам, поскольку продажа даже части изделий по искусственно вздутым ценам сулила большую прибыль, чем продажа всех изделий по равновесным ценам, обеспечивающим клиринг рынка. Возник кризис сбыта, затоваривание, выгладевшее особенно нелепо и парадоксально в стране, только только начавшей восстановление хозяйства и испытывавшей острую нужду в самых необходимых товарах.

Уже в конце 1922-го — начале 1923 года цены на промышленные изделия были повышены настолько, что ранее убыточные тресты стали работать с прибылью. Но даже и размер прибыли не отражал действительных масштабов монопольного завышения цен, ибо прибыль сплошь и рядом упрятывалась в себестоимость — издержки производства: в калькуляциях себестоимости завышалась трудоемкость изделий, затраты на сырье и материалы, амортизационные списания и т. д., что позволяло укрывать прибыль от налогообложения и, главное, представлять дело таким образом, будто производство малоприбыльно, оправдывая этим дальнейшее повышение цен.

Скажем, Резинотрест в конце 1923 года настаивал на том, что себестоимость пары производимых им галош составляет 5,22 червонных рубля, и потому установленная отпускная цена в 5 рублей убыточна. При проверке же в Госплане оказалось, что обеспечивающая 10-процентную прибыль цена составляет всего 3,35—3,9 рубля². Государственное управление топливной промышленности (ГУТ), монополизировавшее добычу угля в стране, повисило цены на уголь до уровня, ставшего на грань банкротства

всех потребителей, и не желало их снижать, несмотря на явное перепроизводство. Когда же по требованию Наркомата путей сообщения — одного из главных потребителей угля — ему были переданы два угольных района, выяснилось, что фактические издержки производства угля значительно ниже тех, которые фигурировали в калькуляциях ГУТа.

В полной мере использовала к своей выгоде монопольное положение и Конвенция металлосиндикатов, объединявшая тресты металлургической промышленности, машиностроения и металлообработки. Благодаря действиям Конвенции по искусственному ограничению сбыта металла и повышению цен на него на Урале возник металлургический голод.

Один из участников Конвенции — синдикат Сельмаш, в который входили заводы сельскохозяйственного машиностроения, в 1922—1923 годах реализовал только $\frac{1}{4}$ продукции, тогда как $\frac{3}{4}$ пошла на склад. К осени 1923 года запасы были уже в 2 раза больше, чем предполагалось реализовать в предстоящем году³. Иначе говоря, отношение запасов на момент времени к среднесрочному объему продаж (показатель, широко используемый в западной статистике для оценки состояния конъюнктуры и колеблющийся, например, в обрабатывающей промышленности США в последние десятилетия в довольно узких пределах 1,4—1,9) — это отношение в советском сельскохозяйственном машиностроении в момент кризиса сбыта 1923 года составило 24! Сельмаш тем не менее не снижал цены, сознательно сдерживая сбыт, чтобы реализовать монопольную прибыль.

Ф. Дзержинский, более известней как глава службы безопасности (ВЧК — ОГПУ), но бывший, кроме того, и выдающимся хозяйственным руководителем (с начала 1924 года он — председатель ВСНХ, а до этого — нарком транспорта) и, вероятно, крупнейшим теоретиком «хозрасчетного социализма» после Ленина, особенно усердно боролся с монополистическими поповознениями отдельных ведомств и синдикатов. Во время кризиса сбыта 1923 года он прямо сравнил политику Конвенции металло-

¹ Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917—1963 гг.). — М., 1964, с. 377—385.

² Вайнштейн А. А. Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период 1921—1928 гг. — М., 1972, с. 66.

³ Лацис О. Р. Искусство сложения: Очерки. — М., 1984, с. 45—46.

синдикатов с действиями существовавшего до революции монополистического объединения «Продамет». «Это, — писал Дзержинский о Конвенции, — не государственный орган удешевления и увеличения массового производства, а орган вздувания цен, пользующийся своим монопольным положением»⁴.

Из общего правила, как и всегда, были, конечно, исключения. Всесоюзный текстильный синдикат (ВТС), возглавлявшийся энтузиастом синдицирования В. Ногиним, начал снижать цены по собственному почину, еще до решения правительства. Но в данном случае ВТС действовал в соответствии с общегосударственными интересами, благодаря сознательности своих руководителей и вопреки своей чисто коммерческой выгоде. Кроме того, монополия Текстильного синдиката не была абсолютной, подрывалась частником и кустарным крестьянским производством на дому пеньковых, льняных и шерстяных тканей, возраставшим по мере повышения синдикатских цен.

Осенью 1923 года, когда все склады были уже забиты, объем производства в государственной промышленности прекратил возрастать и почти год держался на этом искусственно заниженном уровне. Возникло исключительное для периода нэпа, да и для всей истории советской экономики, явление — цены частного рынка на промышленные товары оказались ниже цен государственного и кооперативного секторов, использовавших возможности их монополистического повышения. Все это явно требовало вмешательства государства, и оно действительно вмешалось. Сверху, из центра стали устанавливаться цены на промышленные товары, так что тресты и синдикаты лишились возможности монопольного давления на рынок. Снижая цены, государство оказывало нажим на производителей, заставляло их изыскивать резервы увеличения прибыли, мобилизовывать усилия на повышение эффективности производства, которое только и могло теперь обеспечить рост прибыли.

Широкая кампания по снижению цен была начата правительством еще в конце 1923 года, но действительно всеобъемлющее регулирование цен

пропорций началось в 1924 году, когда обращение полностью перешло на устойчивую черпуную валюту, а функции Комиссии внутренней торговли были переданы созданному Наркомату внутренней торговли с широкими правами в сфере нормирования цен. Принятые тогда меры оказались успешными: оптовые цены на промышленные товары снизились с 1 октября 1923 года по 1 мая 1924 года на 26 процентов и продолжали снижаться далее; запасы рассосались, рост производства возобновился.

Весь следующий период до конца нэпа вопрос о ценах продолжал оставаться стержнем государственной экономической политики: повышение их трестами и синдикатами грозило повторением кризиса сбыта, тогда как их понижение сверх меры (при существовании наряду с государственным частным сектором) неизбежно вело к обогащению частника за счет государственной промышленности, к перекачке ресурсов государственных предприятий в частную промышленность и торговлю. Частный рынок, где цены не нормировались, а устанавливались в результате свободной игры спроса и предложения, служил чутким барометром, стрелка которого, как только государство допускало просчеты в политике ценообразования, сразу же указывала на неполадку.

Трудно было ожидать, что у правительства, впервые в мире приступившего к всеобщему регулированию цен и не имевшего в этой области вообще никакого опыта, получатся все и сразу. Даже сейчас, когда экономическая наука продвинулась в области анализа цены далеко вперед и разработаны математические модели движения цен, существуют большие сомнения в практической способности центрального органа обоснованно и эффективно регулировать не то что все, но даже главные ценные пропорции. Тем более это верно в отношении того времени: сам председатель ВСНХ Дзержинский называл нажим на предприятия с помощью низких цен «топорной работой». На практике дело выглядело таким образом, что центр, будучи просто не в состоянии проверить правильность калькуляций цен отдельных изделий, представленных в Наркомат внутренней торговли трестами и синдикатами, все-таки терял конт-

роль над обстановкой, пропуская то там, то здесь необоснованные повышения цен. Поэтому периодически проводились кампании по снижению цен на промтовары (кампании 1924, 1926, 1927 годов), в ходе которых, вероятно, не всегда снижались только те цены, которые были искусственно завышены.

Однако в целом и в общем регулирование цен было несомненно успешным. Главные ценные пропорции выдерживались. Общий уровень цен после того, как в оборот в 1922 году был введен червонец, хотя и колебался довольно сильно, но в целом не повысился. Государственная экономическая политика с помощью специфических, не известных ранее методов — через изменение цен и распределение субсидий на расширение производства — обеспечила в общем успешное регулирование объема выпуска в рыночном хозяйстве с сильными элементами монополии. Это исторический факт и важнейший экономический итог нэпа.

Но в регулировании цен была и другая, не очень заметная на первых порах тенденция. Ценообразование осуществлялось бюрократическим аппаратом, обладавшим собственными интересами, отличными от интересов рабочего класса и крестьянства, и использовавшим любую возможность для расширения своей власти. Чем дальше, тем больше аппарат превращал регулирование цен в рычаг установления своего господства над экономикой.

Трагизм ситуации состоял в том, что тогдашняя рыночная экономика не могла ничего противопоставить экспансионистским устремлениям бюрократии. Адекватного рыночной экономике эффективного политического механизма, блокирующего ненастынное стремление аппарата к узурпации не только политической, но и экономической власти, не было. Развитой системы политического контроля над аппаратом со стороны низов, непосредственных производителей не существовало.

Отсутствие демократизма в процессе принятия решений, касающихся ценообразования, стало в конечном счете ахиллесовой пятой рыночной социалистической экономики и сыграло роковую роль в судьбе нэпа. Начав с нужного — с регулирования важнейших ценных пропорций с целью поддержания сбалансированного хозяй-

⁴ Л а ц и с О. Р. Там же. — с. 47.

ственного роста, неподотчетная трудящимся массам высшая бюрократическая прослойка в конце концов использовала делегированные ей полномочия в сфере установления цен для реализации своих амбициозных политических замыслов и разрушения нэповской экономики.

Некоторое время все еще держалось на честности, идейности, принципиальности авторитетных руководителей. До тех пор, пока в партии и правительстве сохранялась еще здоровая демократическая атмосфера, можно было противодействовать наступлению бюрократии, и регулирование цен проводилось все-таки прежде всего и главным образом в интересах дела, для обеспечения сбалансированного хозяйственного роста. Но силы набравшей ход бюрократической машины и отдельных притиццев, в полной мере осознававших надвигающуюся угрозу, были явно неравными.

К середине 20-х годов обнаружился противоречие между Наркоматом внутренней торговли, осуществлявший регулирование цен, и ВСНХ. Руководимый с 1924 года Дзержинским ВСНХ оставался самым демократическим органом хозяйственного управления. Созданный в первые месяцы после революции, он опирался на профсоюзы, выдвигавшие в ВСНХ своих выборных представителей. К концу 1920 года в президиуме ВСНХ и губернских советах народного хозяйства около 60 процентов всех членов были рабочими. Ленин не раз писал, что именно профсоюзы создали Высший совет народного хозяйства, а в перспективе неизбежен переход в руки профессиональных союзов дела строительства крупного производства и таким образом слияние профсоюзов с органами государственной власти.⁵

Хозяйственная бюрократия концентрировалась и росла после смерти Ленина в основном не в ВСНХ (хотя и о «своем» аппарате Дзержинский не раз отзывался далеко не лестно), а в Наркомвнуторге, который подчинялся Л. Каменеву, сначала как председателю Совета Труда и Оборонны, а затем и непосредственно — как наркому внутренней торговли. ВСНХ регулировал хозяйственную деятельность трестов с помощью субсидий, выдававшихся

на расширение производства, Наркомвнуторг — через установление цен.

В 1925—1926 годах ВСНХ и Наркомвнуторг разошлись по двум принципиальным вопросам. Дзержинский считал невозможным проведение индустриализации за счет крестьянства, Каменев требовал «раздеть мужика». Дзержинский, далее, решительно возражал против планов «жестких завозов» товаров, предлагавшихся Каменевым, которые, по сути, означали переход к прямому директивному планированию производства. Наркомвнуторг в полном согласии с законами внутреннего развития бюрократического аппарата, начав с регулирования цен, теперь требовал расширения своего влияния, предоставления ему права планировать производство в натуре, невзирая на цены.

Широкие полномочия по регулированию цен были предоставлены аппарату (Комвнуторгу) осенью 1923 года, во время кризиса сбыта: это было необходимо, ибо рыночная монополизированная экономика не могла нормально функционировать без регулирования цен из центра. Со временем, однако, аппарат регулирования, образованный в интересах трестов и синдикатов, стал выходить из-под их контроля и работать против тех, кто его создал; из слуги аппарат превращался в господина, все больше и больше покусаясь на породившую его рыночную экономику. Рынок мешал Наркомвнуторгу, как он мешал бюрократии вообще, не терпящей рядом иных механизмов регулирования, кроме своего собственного бюрократического, командно-административного. По сути, Наркомвнуторг стремился подменить рынок собственным планированием производства, распределения и потребления, так, чтобы он, Наркомвнуторг, мог сам решать — какие, куда и сколько ресурсов направлять. Особенно мешало Наркомвнуторгу, конечно, море неподвластных ему крестьянских хозяйств, имеющих возможность выбирать, кому продавать хлеб — государству или на свободном рынке.

ВСНХ сопротивлялся наступлению Наркомвнуторга. Дзержинский просил дать ему отставку или передать в его подчинение Наркомвнуторг, ибо дальше работать так было нельзя.

Продолжение на стр. 31

ЕСТЬ МНЕНИЕ

Какова цена диплома?

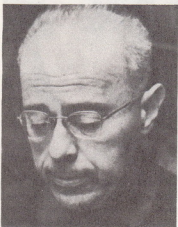
Задаваясь таким вопросом, не имею я в виду дотошно выяснять, во сколько рублей и копеек обходится государству так называемый «среднестатистический» студент. Нет, тут интерес иного свойства и, возможно, более глубокий. Возник он неожиданно: была по ТВ передача о наших «возвращенцах», тех, кто в свое время покинул в силу разных причин страну, пожил «там», не смог освоиться в «той» жизни и теперь вот вернулся... Не о людях этих хочется вести разговор, а вот о чем: все они у нас были специалистами — инженеры, врачи, филологи, педагоги — все работали и были на месте, вполне «соответствовали» и вдруг... Живут на пособие по безработице, пристраиваются моими силами посуды. Или — не вдруг? Диплом советского вуза «там» недействителен. Возможно, тут в чем-то скрывается недоброжелательное отношение к нам, но только ли в этом дело? Может быть, те знания, которые мы получаем в вузе, действительно уже «вчерашний день» современного технологического общества?

Елена Кузнецова

Ремарка социолога. Тот факт, что вуз готовит специалистов высшей квалификации, признают менее 40 процентов студентов. Среди инженерных специальностей этот процент совсем низок — 23. Стать квалифицированными специалистами стремятся лишь две трети студентов.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 448.

Беседы с Лемом

С. Берсь: Зато какие восторженные рецензии имела эта постановка! Я прочитал несколько из них с истинным наслаждением.

С. Лем: Это очень неблагоприятно с вашей стороны (смех). С точки зрения ремесла это было совершенно ужасно, хотя на фоне радостного хора трактористов, раздававшегося в пьесах других драматургов, это кажется уже не таким ужасным.

С. Б.: Как выглядели эти постановки?

С. Л.: Там было несколько замечательных сцен анекдотического характера. Действие происходит на яхте американского миллионера, который проводит время в обществе физика-атомщика и еще кого-то — не помню, в каком это было акте, — в лучах роскошного солнца. На борт входит представитель сил демократии и прогресса — негр, который несет на блюде тропические фрукты; а так как в Польше нельзя было найти их днем с огнем, то фрукты были из дерева. Так вот, когда негр на премьеру вышел на сцену и споткнулся, то все эти фрукты покатались по полу, грохоча, как шары в кегельбане.

Была еще сцена, когда входил Опаианский, игравший физика (а у него уже тогда голова была гладкая, как бильярдный шар), в прекрасном дорогом парике.

Продолжение.

Начало в № 9, 10, 12 за 1988 г.

Поднимаясь по трапу на борт яхты, он зацепился париком о реку, и парик затрясся на рее; к счастью, он успел схватить его и опять нацепить на голову. Примерно на таком уровне все это шло. Мы с Романом как авторы должны были являться на каждое представление, и я, должен сказать, испытывал чувство настоящего стыда. Как назло, позже пьеса вышла в «Читателе» отдельным изданием. Я запрятал ее так тщательно, как преступник, уничтожающий следы преступления. К счастью, больше ничего подобного не совершал. Это было абсолютное дно, ниже я уже не опускался.

Единственное, что мне это дало, — немного ближе узнал актерскую среду. Так как обязан говорить только правду, то добавлю, что для меня профессия актера — что-то кошмарное. Актеров я обычно боялся больше, чем сумасшедших, потому что с сумасшедшими еще можно как-то иметь дело. Но как можно изображать на сцене кого-то другого? Для меня в этом есть что-то ненормальное. Наверное, дело в том, что сам совершенно не способен изображать что-либо, и мне труднее всего представить себя актером.

С. Б.: В сборнике «Выход на орбиту» можно найти кое-что из публицистики, которой вы занимались в те годы. Не могли бы вы сказать об этом несколько слов?

С. Л.: В то время я уже не мог печататься во «Всеобщем еженедельнике»: фактически он перестал существовать, от него осталась только шкура, а остальное съели волки и спрятались внутри. Тогда меня уговаривали писать статьи для «Новой культуры», образовавшейся в результате слияния «Возрождения» с «Кузницей». Какое-то время я писал, но ничего ценного не создал, а только напрасно тратил нервы, потому что Пуত্রамет * творчески перера-

* Е. Пуত্রамет (1910—1986) — писатель, одна из наиболее влиятельных фигур литературной жизни 50-х годов в Польше.

батывал мой текст, например, дописывал фразы: «Как верно заметил товарищ Маленков...» О каких-либо опровержениях не могло быть и речи, так что в конце концов я это бросил.

С. Б.: В вашем рассказе не хватает жены, которая должна была появиться примерно в те годы.

С. Л.: Я познакомился с ней около 1950 года, и после двух или трех лет осады она согласилась стать моей женой — как раз в 1953 году. Квартиры у нас тогда не было; я жил все в той же клетушке с грибом, а жена, студентка последнего курса медицинского факультета, жила с сестрой на улице Сарэго. Так что я стал приходить к мужем. Ездить приходилось, разумеется, трамваем, ведь жил крайне скромно; я и теперь еще помню, как однажды позволил себе роскошь отвезти жену домой на такси — тогда это казалось мне чуть ли не финансовой разнузданностью. После смерти отца мы вместе с семьей, которая жила тогда на улице Сленской, поменяли квартиру на большую, трехкомнатную, на улице Бонеровской, дом пять. Мы жили втроем, вместе с матерью, в двух комнатах (причем комната матери была проходная). В таких условиях я писал «Магелланово Облако», а так как начал его, когда еще ездил к жене, то часть романа зародилась в трамвае. Сегодня эта книга вызывает во мне особенно неприятные чувства. Впоследствии, через несколько лет, я узнал, что жене она не понравилась, но, будучи человеком сдержанным, она держала свое мнение при себе, видя, как сильно я втянулся в работу. Тем не менее тогда я был весьма доволен собой. Вскоре, правда, пришло отрезвление — началось сражение за издание книги, продолжавшееся около полутора лет. Игнаций Затовский, химик, во внутренней рецензии для издательства «Искры» обвинил меня в «идеологической контрбанде»: мол, переименовал врага, то бишь буржуазную кибернетику, в михановэристику. Он обнаружил у меня и еще какие-то ошибки и искривления. В конце концов книгу удалось издать благодаря помощи одного из моих друзей, тогда —

молодого юриста, доктора Ежи Врублевского (теперь он декан юридического факультета Лодзинского университета). Врублевский приехал на большую сессию, организованную в «Искрах» по поводу «Магелланова Облака», и доказал, как теоретик права, что это произведение во всех отношениях добропорядочное. Добавлю к стати, что об «Искрах» у меня остались самые худшие воспоминания, особенно о сотрудничестве с Ежи Виттинном, автором множества халтурных юмористических книжек. Не знаю сам почему... Может быть, из-за обстановки в издательстве, или из-за постоянных поездок в Варшаву, или, наконец, из-за непрерывных попыток манипуляции... Должно быть, именно тогда во мне накопилось столько отрицательных эмоций, связанных с Варшавой, что я по возможности вообще не езжу в столицу. Я представляю себе самому чем-то вроде собаки Павлова, которая при виде хлеба всякий раз получает палкой по лбу, так что в конце концов у нее вырабатывается необычайно устойчивый условный рефлекс.

Очень неинтересные были годы. Обычно зимой мы с женой уезжали на месяц в Закопане, чтобы кататься на лыжах. Летом в июне я (из-за своей сенной лихорадки, от которой тогда еще не было лекарств) уезжал на пять-шесть недель в Дом творчества Союза писателей и там писал как проклятый. Во время полутора таких «сеансов» появился роман «Солярис». Таким же образом я написал еще несколько книг. Больше ничего интересного не происходило. Жена работала врачом-рентгенологом, а я был простым членом Союза писателей. Очень трудно восстановить все это в памяти и уж совершенно невозможно придерживаться хронологии. В лучшем случае, помню общий колорит событий, да и то наподобие потрескавшейся фрески или мозаики. Раз уж вы спросили о жене, скажу еще, что благодаря ей мы, когда еще жили на Бонеровской, начали ездить в Югославию. Она очень любила путешествовать и чуть ли не вытаскивала меня из дому; так мы объездили всю Югославию. Жена вела дневники этих путешествий. Они не-

вероятно забавны; когда временами мы их перечитываем, то просто покатываемся со смеху. Жили мы в крайней бедности, потому что гонорара хватало лишь на салаты и лопухи, так что и юмористических ситуаций было без счета. Первую «настоящую» западную поездку мы совершили в 1955 году, если я правильно помню, на поезде, которая называлась «Мазовше»; там собрался весь цвет тогдашней ПНР.

С. Б.: А как выглядят ваши первые «переводческие приключения»? Ведь первые переводы тоже приходится на эти годы?

С. А.: Первой моей книгой, изданной за границей, были «Астронавты»; они вышли в ГДР в 1954 году под названием «Планета смерти». Этому издательству я, по sentimentalным соображениям, верен поныне. Потом были советские издания, с тем, однако, что переводы тянулись очень долго, так как от меня требовали две тысячи поправок. В те годы даже такая засахаренная конфетка, как «Астронавты», казалась чем-то неслыханно опасным. Я был очень упрям, не позволял изменить ни одной запятой, и мне сказали, что книга вообще не выйдет. Нет — так нет, сказал я себе. Ну, и год спустя роман вышел без каких-либо поправок *. После всего случившегося с «Больницей Преображения», когда меня заставляли написать лишние два тома, я стал упрям, как старый осел. Перипетии, связанные с наступлением ледникового периода в политике, а потом с его окончанием, я весьма болезненно ощутил на собственной шкуре и потому решил, что не позволю уже управлять собою «извне», а буду держаться стрелки собственного компаса и на все махну рукой. Как оказалось, это дало неплохие результаты.

Примерно к тому же времени относятся мои первые поездки за границу в составе писательских делегаций — в ГДР, потом в Прагу и в Советский Союз, где меня чуть ли не носили на руках. Немецкий режиссер Курт Метциг решил сделать фильм по роману «Астронавты» совместно с польскими кинематографистами. Это заняло у

* В 1957 году, в издательстве «Молодая гвардия».

ВАШЕ МНЕНИЕ

Если раньше мы вас, дорогие читатели, просили делать анализ номеров журнала за полугодия, то теперь предлагаем перейти на ежемесячное обслуживание.

Курсная основа остается в силе и вопросы по сути прежними.

Итак, шесть вопросов.

1. Назовите лучшую публицистическую статью.
2. Назовите самое актуальное письмо (докажите это).
3. Как оцениваете прозаическое произведение номера?
4. Назовите самый интересный материал.
5. Чего не хватает нашему журналу и, в частности, данному номеру? (Дайте совет).
6. Назовите самую острую — на сегодняшний день — проблему высшей школы.

Последний срок отправки ваших работ 1 марта с. г.

Тех, кто даст обстоятельные, подробные ответы, конструктивные, интересные предложения, как и прежде, ждет награда.

меня массу времени, так как приходилось часто ездить в Берлин; там я устраивал бесконечные скандалы, потому что это было гораздо хуже, чем ум человеческий может себе вообразить.

С. Б.: Когда вы почувствовали первые веяния оттепели?

С. Л.: Наверное, между 1953 и 1954 годами. Помню, что во время похорон Сталина я был в Закопане и когда съезжал на лыжах с Каспрового Верха*, в городе выли сирены. А перед тем в Доме творчества, в «Астории», обсуждали идеологическую дилемму, удобно ли ехать на Каспровый Верх в такой исторический момент. Но у нас уже были билеты, и было бы жаль, если бы они пропали.

С. Б.: Как бы то ни было, получается, что «Диалог», то есть книга, в которой дается экзегеза** централистской социально-политической системы, вы написали еще в годы господства социализма. Это один из самых точных анализов системы, которые у нас появлялись. На какое чудо вы рассчитывали, когда писали эту книгу?

С. Л.: Совершенно не могу вспомнить, каким образом «Диалог» выскочил у меня из головы. То есть как получилось, что все известное мне о функционировании этой системы я вложил в эту книгу. Знаю только, что все это были мои кустарные концепции, которые я старательно переложил на язык кибернетики, что, безусловно, мне помогло.

С. Б.: Один из самых частых вопросов, которые люди, не помнящие эпоху социализма, задают писателям, которые ее пережили и даже участвовали в ее формировании, — это вопрос о том, почему они согласились участвовать в столь специфической модели литературы, что заставило их писать романы, стихотворения, статьи и очерки, которые позже им пришлось запрятать под диваны и тяжелые дубовые шкафы. Что вы думаете об этом?

С. Л.: Помню, как в начале шестидесятых годов, в хмурый, дождливый день, я взял в закопанской «Астории» годовые

подшивки «Творчества»* за пятидесятые годы, так как больше читать было нечего, — и меня словно кто-то ломом огрел по затылку. Чего только эти Яструны и Важики** не понаписали!.. Ведь там печатались очень видные писатели. Все тексты, которые я там нашел, отличались высшей степенью нечитабельности, какую только можно себе представить. Что-то вроде математических трактатов, где сначала ноль равен нулю, потом множество пустопорожних рассуждений, а в конце снова ноль равен нулю. В этом коллективном помрачении было что-то удивительное для меня. Понятно, когда на службу власти идут бесплодные или третьеразрядные умы, ведь у них ничего своего нет; но почему такие писатели, как Яструн и Важики, у которых была уже собственная и богатая биография, могли так оскотить себя? Очень странно. И что любопытно, никто не может объяснить этого следующему поколению, даже если бы и захотел.

В паутинной сети книг

С. Б.: Давайте поговорим о ваших книгах: о вашем отношении к ним, об их читательском восприятии, истории возникновения.

С. Л.: Боюсь, что я вас огорчу: очень немного могу сказать об истории возникновения своих книг. Часто уничтожал все черновики. Если бы я мог их увидеть, то, наверное, сам бы удивился, насколько готовая книга отличается от того, что ей предшествовало. Ведь я — о чем уже была речь — работал методом проб и ошибок.

Скажу, например, что последние главы «Соляриса» написал после годичного перерыва. Мне пришлось отложить рукопись, потому что не знал, что делать со своим геросом. Сегодня я даже не могу отыскать этот «шов» — место, где книга была «склеена». Мало того, даже не знаю, почему мне так долго не

удавалось ее закончить. Только помню, что первую часть писал на одном дыхании, легко и быстро, а закончил роман после долгого перерыва, в какой-то счастливый день и месяц.

Большую часть своих книг я писал так, как паук плетет свою сеть. Если вы разрежете его где угодно, то даже под электронным микроскопом не найдете в его ганглиях плана сети. В железах тоже нет никаких сетей, а только жидкость, затвердевающая на воздухе. У паука целая батарея таких желез (около сорока), из которых он выписывает жидкость, чтобы затем сформировать ее в нить при помощи задних ног. Точно так же обстоит дело со мной. У меня в голове нет плана целого, который я стараюсь записать как можно быстрее, чтобы, не дай бог, не забыть его. Я просто писал, а «это» шло само собой.

Когда я забросил Кельвина на солярийскую Станцию и заставил его увидеть перепуганного и пьяного Снауга, то и сам не знал еще, что его так испугало, и понятия не имел, почему он так боится обыкновенного человека. Тогда еще не знал, но вскоре мне предстояло это узнать — ведь я продолжал писать.

Но этот эффект — эффект неожиданности для самого пишущего — не имеет ничего общего с качеством произведений. Спонтанность не гарантирует качества. В романе, которого не люблю — «Возвращение со звезд», — проблема бетризации появилась внезапно, неожиданно для меня самого. Я знал лишь одно: тут должен появиться какой-то зазор, взаимное непонимание, ведь не может быть, чтобы человек вернулся на Землю через сто тридцать лет, а разговор идет как ни в чем не бывало и собеседники прекрасно понимают друг друга. Я знал, что сейчас должен обнаружиться конфликт, и он действительно откуда-то «выскочил». Но гораздо чаще случалось так, что в подобных ситуациях мне не удавалось найти нужное решение, и книга или ее фрагмент умирали естественной смертью.

С. Б.: Должен напомнить вам, что книгой, над которой вы измывались в «Фантастике и футурологии» больше всего, было «Возвращение со звезд» Станислава Лема.

* Ведущий польский литературный ежемесячник.

** М. Яструн — поэт и эссеист, лауреат Государственных премий 1950 и 1955 годов; А. Важики — поэт и прозаик, в 1950—1954 годах редактор «Творчества».

* Вершина в Западных Татрах.

** Толкование темных мест в древних, обычно религиозных текстах.

ЗАГАДКА «Ст. М.»

У нас появилась новая мини-рубрика, а у вас — возможность продемонстрировать свои познания в области искусства. Итак, вопрос первый. Кто автор работы, помещенной на этой полосе?

Вопрос второй.

Как называется эта работа?

Если вы знаете ответы, то надеемся, что сможете и рассказать нам об этом художнике. Тем более что вас ждет подарок — редкая книга. Последний срок отправки ваших работ — 15 марта с. г.

С. А.: Действительно. Меня отталкивает сентиментальность этой книги, ее герои-здоровяки, нежизненность героини. Что-то там есть от «Трех товарищей» Ремарка. Есть в этом что-то сопливое. А если говорить спокойнее — автор не имеет права делать своим героям приятно только потому, что они ему по душе. Эта любовная история в конце концов могла кончиться так, как она и кончается в романе, но при условии, что возлюбленная рассказчика представляет собой личность; между тем она просто пустое место. Правда, саму проблему бетризации я по-прежнему считаю вполне осмысленной, но воплощена она слишком уж упрощенно. Этот мир чересчур плоский, с одним измерением.

Зачему при случае: книга, которую я не то чтобы не люблю, но, во всяком случае, не слишком высоко оцениваю, — это цикл «Рассказы о пилоте Пирксе». За исключением двух-трех рассказов, это не слишком удачный сборник. Главную причину этого усматриваю в его вторичности по отношению к Bildungsroman, то есть роману о воспитании и взрослении героя. «Роман воспитания», однако, должен быть романом с широким эпическим дыханием и социально-историческим фоном, тогда как истории о мужественном Пирксе имеют суженную перспективу, а сам он появляется в изоляции, без семьи и родных. Дело в том, что я хотел написать один, самое большое — два рассказа; между тем цикла неожиданно для меня самого разросся. И уже не было возможности расширить социальный фон, потому что откуда бы вдруг на голову Пирксу свалилась семья? А то, что в рассказе выглядит естественно, в цикле рассказов кажется не совсем естественным. Собственно, только два рассказа о Пирксе нравятся мне и теперь: «Ананке» и «Терминус». Сегодня меня не очень-то радует, что есть люди, которые восхищаются этими текстами. Они, может быть, хороши на фоне научной фантастики, но, говоря по правде, это литература не слишком высокого полета.

С. Б.: В таком случае, что вы скажете о таких романах, как «Эдем» и «Непобедимый»?

С. А.: К «Эдему» я теперь

равнодушен. Роман так себе. В литературном отношении он, пожалуй, неудачен, — дело портит схематичность героев и плоское видение мира, хотя это роман, который «читается». Это второразрядная литература, которая по сравнению с типичной научной фантастикой, даже и неплоха, но нельзя же ставить человека нормального роста среди горбчатых и утверждать, что перед нами сам Аполлон.

Что касается «Непобедимого», то это хорошо сконструированный повествовательный механизм, основанный на невыдуманной проблеме.

С. Б.: А теперь попрошу провести линию, выше которой вы поместите произведения наиболее ценные, по вашему мнению.

С. А.: Прежде всего хорошей книгой я считаю «Кибериаду». Что-то в ней, конечно, получше, а что-то похуже, но это неизбежно. Приличной книгой считаю «Солярис». Совсем неплохим романом представляется мне «Гаас господа»*. Так же оцениваю я некоторые рассказы и повести, например, «Маску». Из сборников «Мнимая величина» и «Абсолютная пустота» не все нравится мне одинаково, но в общем это вполне прилично, особенно два заключительных рассказа: «Новая космогония» и «Голем XIV».

С. Б.: Очень интересной с точки зрения жанра книгой было «Расследование»**, где использован жанровый канон детектива, который, однако, в финале отбрасывается. Многие годы спустя вы вернулись к этой проблематике в «Насморке» — значит ли это, что первое решение вы сочли неудачным?

С. А.: Первая версия не вполне удовлетворяет меня, хотя написана она неплохо и читается с интересом. Просто финал оказывается нарушением принятого жанрового образа; я влезаю там на слишком высокого коня — приделываю релятивистскую философию, объясняющую, что могло быть так, а могло быть совершенно иначе. «Насморк» лучше, потому что правдоподобнее. Я сам готов поверить в него.

Продолжение следует

* В русском переводе — «Голое Небо».

** Роман опубликован в 1959 году, на русский язык не переведен.

ДРУЗЬЯ ПО ПЕРЕПИСКЕ

Некст стоп — совет

Так называется движение молодежи Скандинавских стран — Дании, Норвегии, Швеции, главной целью которого является установление дружеских контактов со своими единомышленниками по увлечениям политическими проблемами и экологией, музыкой и филателией, спортом и путешествиями...

По сути, эта инициатива является реальным воплощением идеи народной дипломатии.

Наш корреспондент побывал в Дании и на месте познакомился с работой активистов Копенгагенского и других отделений «Некст стопа». В одном из ближайших номеров — подробный рассказ. А пока предлагаем читателям адрес датских сверстников:

**BJARKE CHRISTENSEN
VOLMERSGADE 28
4760 VORDINGBORG
DANMARK.**

К сожалению, в движении «Некст стоп» пока еще недостаточно активно действуют студенты. Поэтому ждем ваших конкретных предложений: какие формы сотрудничества вы хотели бы иметь с датскими учащимися?

Читатели, откликнувшиеся на рубрику «48 клавиш», нередко спрашивают, почему мы предложили курс преподавателя факультета журналистики МГУ Владимира Шахиджяна, а не методику М. Шестова, о котором были сенсационные сообщения в печати.

Думаем, что публикуемая ниже заметка даст ответ на этот вопрос.

А было ли чудо?

1 декабря 1987 года в «Советской России» появилась заметка «Сто пятьдесят знаков в минуту», рассказывающая о М. Шестове. В заметке говорилось, что он может за три часа научить печатать на машинке со скоростью 150 знаков в минуту. Корреспондент сообщил, что за час М. Шестов выполняет дневную норму машинистки практически без ошибок.

Подобные заметки появились затем и в других изданиях. Многие в публикациях, правда, смущало: неточности, фактологические ошибки, а главным образом — налет саморекламы.

Так, например, в заметке «Феномен машинописи» («Вечерняя Москва») со слов М. Шестова сообщалось, что если заниматься по его системе, то через день-два после трех-четырёх уроков, продолжающихся по часу, можно достичь скорости от 120 до 180 ударов в минуту. Рекордная личная скорость автора новой методики — 720 ударов в минуту, хотя иногда ему удавалось «выбивать» более 900 знаков в минуту.

Другие издания констатировали, что рекордсмен печатает со скоростью 16 знаков в секунду (сегодня есть машинки, работающие в автоматическом режиме, то есть без участия машинистки, но их скорость — 10 знаков в секунду). Конечно, выглядело сверхдостижением сообщение, что автор новой методики способен печатать до двухсот страниц в день, при этом ошибок у него не более одной на сто страниц, что для отработки системы ему при-

шлось «проработать» четыре миллиона русских слов» (цитирую М. Шестова из его интервью корреспонденту АПН). Но в русском языке, простите, нет и миллиона слов!

«Методика обучения Шестова изложена всего на трех страницах, не требует никаких капиталовложений, наоборот, экономит огромные средства, которые сегодня расходуются в нашем государстве на выпуск квалифицированных специалистов». Так писал А. Рябушев в «Советской России».

А что же на самом деле?

А на самом деле М. Шестов, студент заочного отделения факультета журналистики МГУ, работает вместе со своей женой по договорам с предприятиями, обучая машинописи небольшие группы. Судя по всему, довольно прилично владеет пишущей машинкой. Действительно ли он печатает со скоростью 900 ударов в минуту? Для этого необходимо провести замер.

Недавно М. Шестов в одном из столичных ПТУ, где готовят профессиональных машинисток, устроил показательный сеанс, но — увы! — сенсационных способностей не подтвердил. Показал скорость 520—540 знаков в минуту, при этом в каждом тексте (их было несколько) делал около 10 опечаток. М. Шестов подтверждает, что 960 знаков в минуту (а в некоторых интервью он заявлял — «реально думаю показать скорость, превышающую 1000 знаков в минуту») он показать не может, ибо, как он сам же справедливо замечал в личных беседах, нет пока у нас пишущих машинок, способных развить такую скорость.

Действительно, М. Шестов, как мы узнали, обучает машинописи, беря за каждого ученика от 300 до 400 рублей. Так, недавно, как нам сообщил В. В. Королев, директор издательства «Московская правда», Шестов набрал группу из восьми человек, с которыми занимался две недели. Два дня в неделю очные занятия по два часа, а в остальные дни обучаю-

щиеся должны были самостоятельно выполнять домашнее задание. Сосчитаем, сколько это часов. Итак, восемь часов очных занятий и примерно по два часа в день (допускаем, что было и больше) самостоятельно — двадцать часов. Всего — 28 часов. За это время действительно можно освоить клавиатуру пишущей машинки и печатать на ней со скоростью 110—120 знаков в минуту. Никакого чуда или рекорда в этом нет.

Судя по заявлениям М. Шестова, он гений, печатает так, как никто, и его система обучения — лучшая в мире. Но все дело в том, что он хотел бы ее запатентовать, а в нашей стране методика обучения не патентуется. И вот, мол, по этой причине он никому своих секретов не открывает. Таким образом, обучение по системе М. Шестова на страницах печатного издания в ближайшее время появиться не может.

Итак, получается: направо и налево — интервью, обещания, а как только проводится реальный экзамен, то обнаруживается несостоятельность. Поэтому и возникает вопрос (пусть и прозвучит несколько жестковато): а не блеф ли все это? И никакого чуда нет, а есть вполне осознанная коммерческая само-реклама.

Галина Ануфриева

От редакции. Когда редколлегия решала, печатать или не печатать курс «Соло на пишущей машинке», то автор курса Владимир Шахиджян предложил нам обратиться к Михаилу Шестову: может быть, его система действительно лучше предлагаемой. Мы пытались это сделать. Увы, от сотрудничества с нами М. Шестов отказался.

Но если все-таки он решит познакомиться наших читателей со своим курсом, то мы с удовольствием опубликуем, тем более что его методика, если верить публикациям, занимает всего три машинописные странички.

«В художественном творчестве человека есть две функции, две способности, которыми люди бывают одарены не в равной мере: способность творческого созерцания и способность легкого и быстрого проявления, или, если угодно, удачного, яркого, меткого, может быть, приятного или сладостного выражения. Нередко люди предполагают, будто вторая способность всегда укрывает за собой и первую, будто талантливый человек всегда исходит из творческого созерцания; этим они переоценивают силу таланта и быстро приходят к разочарованию и недоумению. На самом деле правильно называть «талантом» только вторую силу — силу легкого и быстрого выражения, силу яркого, меткого, удачного проявления; а для первой силы, для способности творческого созерцания следует найти более глубокое, значительное и священное слово. Тогда только многие неясности разъяснятся; многие против-

речия окажутся мнимыми; и, главное, осветится последняя глубина творческого процесса...»

Эти слова о природе таланта сказаны Иваном Александровичем Ильиным.

Имя его почти неизвестно широкому читателю.

Размышляя о русской идеалистической философии, мы вспоминаем обычно Бердяева, Флоренского, протоиерея Булгакова. Но И. А. Ильин как-то не вмещается в этот ряд, его философская мысль намного оригинальней и независимей. Конечно же, он прежде всего философ, но философа в чистом виде, как мне представляется, не может быть, его философия должна находить свое выражение либо в художественном произведении, либо в публицистике, либо в критике.

Профессор Ильин сочетал в себе и превосходного критика, и яростного публициста. К тому же он был и незаурядным преподавателем, образовывал

еще дореволюционное русское студенчество в Московском университете. Умер И. А. Ильин, кажется, в середине 50-х в Швейцарии. До сих пор мы почти ничего не знаем о его жизни и творчестве. В связи с политическими и эмигрантскими обстоятельствами, книги Ильина у нас ни разу не публиковались. Такие его критические и литературоведческие шедевры, как статьи о Пушкине, Мережковском, Шмелеве, статьи о поэзии и фольклоре нам просто необходимы.

Не менее интересны такие работы Ильина, как «Что такое художественность», «Талант и творческое созерцание», «Борьба за художественность». В этих работах И. А. Ильин поразительно современен.

Я убежден, что рано или поздно имя его займет свое достойное место не только в модных ретроспективных публикациях, но и вообще в русской литературе.

Василий Белов

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Духовный смысл сказки

Иван Ильин

I
Государи мои, люди русские! *
Какая бы тень ни набежала на вашу жизнь, — посетит ли вас тревога о судьбе России, придут ли к вам «мысли черные» о вашей личной судьбе, или просто жизнь покажется «неносной раной», — вспомните о русской сказке и прислушайтесь к ее тихому, древнему, мудрому голосу.

Не думайте, что сказка есть детская забава, несерьезное дело для умного человека: взрослый-де выдумывает, маленьким рассказывает; а маленькие слушают и верят; верят, будто было то, чего не было, будто вправду такое было, чего и быть не могло. И еще не думайте, что взрослые умны, а дети глупы; и что взрослому надо нарочно «пригупиться» для того, чтобы

детям сказку рассказывать; а чтобы для себя, взрослого и умного, сказку прочесть или создать, — то и пригупляться не стоит... Не обратило ли дело обстоит? Не от «ума» ли добрая половина нашего горя родится? Да и что такое глупость? И всякая ли глупость вредна и постыдна? А может быть, есть не глупая «глупость», не вредная и не стыдная, а зоркая и верная, желанная и блаженная, по-глупому начинающая и по-умному кончающая? Может быть, есть две разных глупости: одна бестолковая, а другая учительная? Одна от праха и грязи, а другая от чернозема? Одна от слепого самодовольства, а другая от испытующего недоумения? Она — глупит от гордости и ведет к пошлости; а другая глупит от смирения и ведет к мудрости...

И вот, именно такова народная и особенно русская народная сказка.

Она ни на что не притязает, никому не навязывается, ни-

чего не затевает. «Не люблю — не слушай!»... Она — как цветок; но не садовый, не взращенный намеренно и искусно, а как полевой цветок, который сам обсеется, сам укоренится, сам листочки выгонит и шашечку развернет, Божьим солнышком утрит, Божьим дождичком полит, Божьей птичкой опет, Божьей пчелке мед свой отдаст. И мед тот — чудесный, благоуханный — не дастся гордому умнику из «образованных», а дастся от пчелы только простому и мудрому пасечнику. И вот, русская народная сказка — как цвет незаметных и неведомых полевых цветов; а духовный смысл ее — как тонкий и благоуханный мед: попробуешь и слышишь на языке все неизреченное естество родной природы — и запах родной земли, и зной родного солнца, и дыхание родных цветов, и что тонкое и богатое, вечно юное и вечно древнее, — все в сочетаниях неопишемого вкуса и аромата.

Сотни лет накапливался этот аромат в незаметных и неведомых душах человеческих, в русских душах, незаметно цветших и неведомо отцветавших на равнинах нашей родины. Сотни и тысячи лет этому от-

* Слово, произнесенное на «Вечере русской сказки» в Берлине 3 мая 1934 года.

Е. В. Честяков. «Шестые».

стою национального духовного опыта, укрытого и развернутого в русских народных сказках. Пусть история нашего народа насчитывает всего одну тысячу лет; но возраст народа не определяется памятью его истории. Ведь это тысячу лет тому назад наш народ опомнился и начал кое-как помнить себя, — опомнился, приняв христианство и удержав в своей памяти кое-что дохристианское. Но это дохристианское прошлое его, утраченное его памятью, не утратилось в его опыте и в его духе. Все прежде свое, забытое в виде достоверных событий, незапомнившееся и забывленное, — он взял с собою и перенес в свою сознательную историю. Это не летопись, не былина и не бывальщина; не житие и не легенда — это сказка. Так это не было; этого всего сроду не бывало. Никогда и нигде не были и не жили эти царевичи и богатыри, эти серые волки и кашеи, эти Иваны-Дураки и кони говорящие, эти Бабы-Яги и Змеи Горынычи. Всего этого не было. И тому, кто присягнул исторической науке, а с наукой духовного опыта порвал; кто поклоняется доказанному факту и научился созерцать показанное обстояние, кто хочет видеть

земным, телесным глазом и поэтому выколол себе духовное око; кто от чрезмерной «умности» заморил в себе «вещную простоту» и «заумную глупину», кто довел свою рассудочную трезвость до того, что утратил способность хмелеть вместе со своим народом на пиру все-преображающего воображения — тому пусть будет народная сказка мертва и пусть она кажется ему глупой...

Итак, пусть сказка «глупа». Но в глупости своей она скромна; и за скромность ее, что не притязает она ни на что, и не затевает ничего, и не навязывается никому, — прощается ей ее глупость...

Пусть сказка считается «глупой». Но она имеет храбрость быть глупой. И за храбрость ее, — что не скрывает она своей недостоверности, что не стыдится она своей простоватости, что не боится она строгих вопросов и презрительных улыбок, — прощается ей ее глупость...

И еще прощается ей ее глупость за ее беззаветную доверчивость, за то, что верит она своему видению, что с серьезным благоговением всматривается она в развертывающиеся события сказа своего, что живет она

своими образами и от них самих ждет последнего — развязывающего, отпускающего и прощающего вздоха...

И еще прощается ей ее глупость за ее искренность: ибо, как искры летят из костра и озаряют тьму, так сказочные видения вылетают непосредственно из сердца народного, из его любви и ненависти, из его страха и надежды; и вылетая, озаряют повседневную жизнь, ее серость и беспросветность...

И потому — грешно и стыдно говорить о «глупости» народных сказок.

Темы сказок живут в мудрых глубинах человеческого инстинкта, где-то там, в священных подвалах, под семьюдесятью железными столбами, где завязаны узлы национального бытия и национального характера и где они ждут разрешения, свершения и свободы. В эти подвалы национального духовного опыта не проникнуть ни гордцу, ни трусу, ни маловеру, ни криводушному. Но доверчивый и искренний простец, но скромный и храбрый в своей поэтической серьезности созерцатель — проникают под эти своды и выводят оттуда рой народных сказок, разрешающих, свершительных и освобождаю-

щих. И для него эти сказки не «выдумка» и не «небылица», а поэтическое прозрение, сушая реальность и начальная философия. И не сказка «отжила» свой век, если мы разучились жить ею; а мы исказили свой душевно-духовный уклад, и мы выветриваемся и отмираем, если мы потеряли доступ к нашей народной сказке.

Что же это за подступ к сказке? Что надо сделать, чтобы сказка, как избушка на курьих ножках, стала к лесу задом, а к нам передом? Как нам увидеть ее и зажечь ею, чтобы раскрылась нам ее вещая глубина и стал ясен ее подлинный духовный смысл?

Для этого надо прежде всего не цепляться за трезвый ум

дневного сознания со всеми его наблюдениями, обобщениями и «законами природы». Сказка видит иное, чем дневное сознание человека; она видит иное и иначе: и меньше, и больше.

И меньше, потому что она видит только короткие, упрощенные, сконцентрированные обрывки из жизни героев. Эта краткость — есть результат художественного сокращения: рассказывается сказка двадцать минут, а охватывает, может быть, двадцать лет. (Вот почему — «скоро сказка сказывается — да не скоро дело делается...»); рассказывается сказка где-нибудь за углом, на печке, а герой побывает и два и три раза в тридесятom государстве.

Эта краткость сказки — художественная; упрощенность ее — стилизующая; сконцентрированность ее — символическая. Ибо сказка есть обломок народного и всенародного искусства.

Сказка есть уже искусство: ибо она укрывает и являет за словами целый мир образов, а за образами она разумеет художественно и символически — глубокие духовные обстоятельства. И в то же время сказка еще не совсем искусство: ибо живет она, передаваясь из уст в уста, и не имеет единого, законченного состава — ни в словах, ни в образах, то и дело готовая распадаться на различные «варианты» и видоизменения, художественно неравноценные, и закончиться новою, неожиданною

развязкою, не всегда сводящие «концы с концами». Всяк волен рассказывать сказку по-своему, как ему лучше покажется; и уговор лучше денег: «врать не мешай». Поэтому сказка есть как бы всенародная тема для личного сновидения; и эта тема как будто говорит каждому человеку: «вот она я — возьми меня, если хочешь, и присни себе меня по-своему»... И в этом сказка подобна и мифу, и песне, и узору для вышивания или для украшения избы и дворца. Так, миф говорит поэту: «прими меня в свое созерцание и дай мне окончательную форму и тело художества»; и откликаются на это Гомер, и Овидий, и Гёте, и Вагнер, и Пушкин. Так, народная песня говорит всем певцам и каждому из нас: «прими меня слухом в пение души твоей и пой меня из глубины, как тебе Бог на душу положит»; и откликаются на это все менестрели, и миннезингеры, и баяны, и народные композиторы. И так же узор (канвовый, и столлярный, и мраморный) как бы говорит мастеру и мастерице: «Вот я! твори мною из меня, украшая моими сплетениями твой быт и твоё бытие»; и откликаются на это национальные вышивальщицы, столяры и резчики, великие флорентинцы, и сиенцы, и бергамаски в Италии, и славные русские зодчие от Архангельска до Закавказья, от Киева до Владивостока.

Вот психологическое место сказки: это искусство, сродное мифу, песне и узору; творческие рождающиеся в той глубине, где живут у человека сновидения, предчувствия и прозрения. Вот почему рождение сказки есть сразу художественное и магическое. Она не только живописует и повествует, но и поет. И чем певучее сказка сказывается, чем нараспевнее она входит в душу, тем сильнее ее магическое, заклинательное и убедительное действие, тем полнее она захватывает душу, тем больше она успокаивает, устраивает, освобождает и умудряет ее. Сказка родится из тех же истоков, что и заклинательные песни магов, с их внушающе, поведательно-целяющею силою; и вот откуда в сказках эти ритмически-настойчивые повторения фраз, словесных фигур и образов... Именно по-

тому и наши великие художники, Жуковский и Пушкин, пели свои любимые сказки в стихах, насыщая всенародный миф силою магической песни и укладывая сказку в совершеннейший и уже навеки неизменный узор слов.

Так, сказка дает и гораздо больше, и в то же время гораздо больше, чем дневное сознание. Природа и дневное сознание имеют свою естественную необходимость и свои естественные невозможности; а сказка не связана ни этой необходимостью, ни этими невозможностями. Она имеет свою «необходимость». Ее необходимость иная, душевно-духовная, внутренняя, таинственная. Это необходимость сокровенного pomysла, предчувствия и сновидения; и в то же время это необходимость национальной судьбы, национального характера и национальной борьбы.

Сказка не повинуется законам вещества и тяжести, времени и пространства. Она повинуется законам художественной мечты и законам национально-героического (иногда сословно-героического) эпоса. Она повинуется законам всемогущего волшебства и законам сверхчеловеческой национальной силы: она слагается по указаниям пророческого сновидения, волевого порыва и созерцающего постижения. Эти законы таинственны; им можно предаваться, но их нелегко формулировать. Власть же их бесконечна и миропреобразующая. И вот ими-то живет, слагается и дышит сказка.

Но слушаи: в родине моёй,
Между пустынных рыбарей,
Наука дивная таится.
Под кровом вечной тишины,
Среди лесов, в глуши далекой
Живут седые колдуньи;
К предметам мудрости высокой
Все мысли их устремлены;
Все слышит голос их ужасный,
Что было и что будет вновь,
И грозной воле их подвластны
И гроб, и самая любовь.
(Пушкин)

Для этой власти нет «невозможного»; в этом мире возможно многое, чего не знает и с чем не считается трезвонное сознание человека. Поэтому уйти в сказку значит уйти от этого дневного сознания, и от пос-

тых необходимых, и от проклятых невозможностей внешнего мира...

Не слушайте же сказку при свете дня или прозаического и бескрылого сознания. Сказку надо слушать вечером или ночью, в волхвующей темноте, которая снимает с вещей их знакомый и однозначный вид и придает им новый вид, неожиданный и таинственный. Сказку надо слушать сумеречным сознанием на грани полусна и полубодствования. Навстречу сказке должны раскрыться порога и пещеры бессознательно, где душа живет по-младенчески, совмещая ребенка с мудрецом; где она по-детски «глупа» и не стыдится этой своей «глупости»; где она по-детски доверчива и искренна, беспомощно вопрошает и недоумевает, беспомощно страшится и ужасается; где она уже не выдумывает «нарочно» и не «играет», а уходит в сказку со всей серьезностью и страстью надежды и отчаяния; и уже не помнит, что это «игра», ибо на самом деле это уже не игра, а жизнь, сама жизнь — и борьба, и победа, и совершение.

II

И вот, кто хочет вправду услышать сказку, тот должен пробиться сквозь толщу своей душевной прозы и окаменевшей трезвости; или, если угодно, растворить ее; или, еще лучше, погасить ее так, как задувают свечку — и уйти в темные недра душевной ночи. Внять иному — по-иному; новому — по-новому; таинственному — таинственно.

Замечательно, что опытные и мудрые сказочники хорошо знают это. Вот почему они сказывают свои сказки голосом глубоким и таинственно-интимным, как бы выпевая их осторожно и доверительно; вот почему они сказывают их в таинственных потемках и не позволяют перебивать себя или зажигать свет, а при свете больше не рассказывают. И именно поэтому они нередко начинают сказку с неожиданной, крепкой присказки.

Задача присказки состоит в том, чтобы подготовить душу слушателя, вызвать в ней веру в сказочную установку. Присказка должна спутать обыденный смысл, задуть свечку трез-

вого, прозаического сознания и раскрыть душевный слух для сказки, для ее художественно-прихотливого, символически-мифического смысла. Она вызывает слушателя из его обыденного мышления, сбивает его с панталюк и опрокидывает его в замешательство или путаницу, в бессмысленность и недоумение; а уж оттуда только ему забрезжит свет и смысл настоящей сказки. Иногда присказка дразнит и разочаровывает; иногда уговаривает и сулит; иногда вовлекает в сказку плясовым ритмом, иногда комическим гротеском, иногда вкрадчивым живописанием. Но карты трезвого сознания она путает всегда.

Вот, например, присказка, дразнящая и сулящая.

«Начинается сказка от сивки, от бурки, от вешей каури. На море, на океане, на острове на Буяне — стоит бык печеный, возле него лук толченый, а у него в боку нож точеный, сейчас ножик вынимается — изволь кушать...»

«И то еще не сказка, только присказка; а кто мою сказку будет слушать, так тому соболю и куница, и прекрасная девица, сто рублей на свадьбу, а пятьдесят на прогуляние...» (Сказки Афанасьева, т. II, стр. 34, 82).

А это означает: приготовься ко всему и не смей перебивать; тогда все сам увидишь...

А вот присказка ритмически-плясовая и подготовительная.

«Бабушка Арина, куда ты ходила? — В Новую деревню. — Что в Новой деревне? — Утка в юбке, селезень в кафтане, корова в рогоже, нет ее дорожке...»

Это присказка, сказка будет впереди. Кудель, кудель, куда ты летела, на кусточек села, на кусточек села — соловьем запела... У нас — не так, как у нас — и кудель поет соловьем...» (Афан., V, 139).

Иными словами: переставь вай душевный лад, сходи с обыденного ума, ко всему приготовься, ничему не удивляйся; тогда все и узнаешь...

А вот присказка сумбурно-драмативная.

«Жили-были два крестьянина! один — Антон, другой — Агафон. Послушай, брат, — говорит Антон. — Бедовая туча к нам несется, — а сам как лист трясется. — Ну, что ж за бе-

да? — Да ведь град пойдет — весь хлеб побьет. — Какой град! Дождь будет. — Ан град! — Ан дождь! — Не хочу говорить с дураком, — сказал Антон, да хватъ соседа кулаком. Ни дождь, ни град нейдет, а у них из носов да ушей кровь льет...

Это еще не сказка, а присказка; сказка будет впереди — завтра после обеда, поевши мягкого хлеба». (Афан., III, 75).

И это значит: вот смешаю тебе все карты, опрокину тебя в бессмысленную драку, так после этого ты и в сказкины небывальщины лучше поверишь...

А вот еще присказка, вводящая и вкрадчивая.

«В то давнее время, когда мир Божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям детали жареные куропатки, — в то время жил-был царь, по имени Горох, с царицею Анастасиею Прекрасною...»

Эта присказка как будто берет душу слушателя за ее детскую ручку и ведет ее с распевным разговором прямо туда, куда надо — в мир древний и дивный, к самому царю Гороху...

Сказка уж такая: она уводит, разрывая и открывая воображение, упоая и вдоволь, властью напоая его; а потом приводит назад, заканчивая или обрывая это изобразительно-вообразительное пиянство — пиянственную же концовкою: «Я там был, мед-пиво пил; по усам текло, а в рот не попало... Или еще выразительнее и протрезвительнее, даже с выталкиванием:

«На том пиру и я был, мед-вино пил, по усам текло, да в рот не попало; тут меня углодали; отняли лоханку от быка, да налили молока, потом дали калача, в ту ж лоханку помоча. Я не пил, не ел, вздумал утираться; со мной стали драться. Я надел козпак, стали в шею толкать...» (Афан., II, 78).

А это значит: сказка кончается; протрезвляйтесь, добрые люди, от вашего мечтательного пиянства; все равно ни я, ни вы взаправду пьяны не были: только по усам текло, в рот-то ведь не попало... Идет жизненная проза с ее разочарованиями и выгонит всех нас с нашего сказочного пира вшей...

А все-таки — был пир... И больше, гораздо больше: было

некое паломничество в волшебные, вожделенные и мудрые края; и оттуда были принесены некие дары.

Что же приносят люди из этих мудрых краев? И что зовет и влечет их в эти волшебные страны? О чем спрашивает человек сказку? И что именно она отвечает ему?

Спрашивает человек сказку о том, о чем всегда и все люди, от века и до века, будут спрашивать своих родителей, пастырей и Бога; о том, что всем нам важно и необходимо, без чего трудно жизнь прожить и без чего мы все-таки, в труде и страданиях, проживаем ее; и уходим из жизни, многого не поняв и не осмыслив; а под конец жизни вздыхаем: «прошла жизнь; о, если бы это было прожито начерно, а теперь бы начать жизнь заново и жить бы ее начистую!..»

Человек спрашивает сказку, а она отвечает ему — о смысле земной жизни. Но спрашивает он, как существо, еще не узревшее и не постигшее Бога. Спрашивает по-младенчески, беспомощно, недоуменно, коснувшись зла и страха на земле, но не коснувшись или едва коснувшись ризы Божией; как испугавшееся и задумавшееся дитя спрашивает маму или няню, — с широко раскрытыми глазами, в которых и испуг, и тревога, и любопытство, и благоговение; как если бы ответ был легок и прост; и с тем, что б ответ немедленно поверить... А ответ ему дается не из религии, а из дореалистической, магической глубины, где инстинкт, художество и опыт жизни скопили некую национальную, но не последнюю, а предпоследнюю севебно-языческую мудрость...

...Что такое счастье? Само ли оно в жизни приходит, или его надо добывать? И что нужно, чтобы добыть его? Неужели непременно нужны труды, испытания, опасности, страдания и подвиги, все эти «утраждения великими службами»? И как же слагаются эти испытания и подвиги? И есть ли на свете люди безбольные и бесчастные? И откуда эта безбольность и бесчастность? Можно ли ее преодолеть, или она сужена, рокова? И в чем же счастье человека? В богатстве ли? Или в любви к свободе? Или, может быть, в доброте и правоте? В

Е. В. Честников. «Щедрое яблоко».

жертвенной любви доброго сердца?

...Что такое судьба? Что это значит: умным горе, а дуракам счастье? И какие же это такие — дураки? Может, они вовсе не дураки? Что это значит: «на роду написано»? И неужели судьбу нельзя одолеть, и человеку остается покорно сидеть у моря и ждать погоды? Или всякий человек своему счастью кузнец? И как быть человеку в трудную минуту жизни, когда горько плачется и тужится, а ума ни к чему не приложить? Как быть человеку на распутье жизненных дорог и на тропинках жизненного леса, в беде и в несчастье?..

...А ведь есть в мире злые силы... Злые существа, посвятившие себя злодеянию; свирепые, беспощадные, наслаждающиеся своими пакостями, всегда готовые «сломать» или «съесть» человека... Кто они? Откуда они? И как с ними быть, когда они появляются?!

«Вдруг закрутилось-замутилось, в глаза зеленъ выступила: становится земля пупом, из-под земли камень выходит, из-под камня баба-яга, костяная нога, спина жилиная, на железной ступе едет, железным толкачем погоняет, пестом упирает, помелом след сметает, сзади собачка побрякивает...» (Афан., II, 94,95).

Или увидишь ее в избушке на курьих ножках:

«Лежит — в одном углу ноги,

в другом голова, губы на притолоке, нос в потолок уткнулся... «откроет заслонку, достанет жареную Аленку — и на стол: ела-ела, пила-пила, и выйдет на двор, и станет валяться по траве: покатаюсь, поваляюсь, аленкина мясца наевшись»... (Афан., I, 166; III, 79).

Как тут быть? Что тут делать?

А то еще — другая нечисть всякая: вихорь, черт, кащей бессмертный, карлы, ведьмы, мачехи, разбойники... Да разве всех их пересчитаешь? Откуда они? Что им надо? Можно ли избежать их в жизни? А раз столкнувшись, что с ними делать? Как одолеть их — добротой, подчинением и службой? А если они унижать начнут, как одна, вот, ведьма — Ивана-Царевича пастухом сделала и каждый вечер заставляла его корошу под хвост целовать? И это все терпеть? Или одолевать их умом-хитростью-обманом? Или же биться с ними насмерть? Да можно ли их победить? Или, может быть, весь секрет в том, чтобы их не бояться? А не может ли быть так, что злая сила вдруг обратится и покается, как вон та злая царевна, что целый год на каменном столбе у дороги сидела, вязанку сена съела, два чана воды выпила и полон чан слез наплакала, и покаялась, и Бог ее простил, и Иван-Царевич ее простил...

А то ведь есть еще великие силы — полудобрые: и Вертодуб,

и Вертогор, и Серый Волк, и Ворон Воронович, и Мужичок-самс-перст-а-усы-на-семь-верст... С ними как быть? Ведь это целая наука жизни!..

...А можно ли жить и прожить кривою на свете? И куда кривда ведет? Не сильнее ли она, не выгоднее ли правды? Или правда лучше и всегда в конце концов победит? И в чем же тогда понятная таинственная сила правды? Почему содеянное зло всегда или почти всегда возвращается на голову виновника? А если не всегда, то где же справедливость? И почему это так бывает, что посеянное добро, хотя бы маленькое семечко добра, расцветает потом на пути посеявшего человека благоуханными цветами — то благодарности и ответного добра, то пожизненной преданности, то прямо спасения от лютой беды? А если не всегда так бывает, то почему? Не правит ли миром некая таинственная благая сила, и каковы законы ее?..

...А как быть с неравенством на земле? Ведь люди различны и не равны: есть умные, хитрые и глупые; есть уроды и красавцы, богатые и нищие, цари и мужики, богатыри и карлики. Справедливо ли это? И почему это так устроено? И вправду ли низшие — хуже? Или они, может быть, в чем-нибудь лучше высших — сильнее, храбрее, добрее, умнее, изворотливее, благороднее? А может быть, Иван-Коровий-Сын и есть

самый могучий Буря-Богатырь? Разве не бывает злые цари, жестокие богачи — и добрые нищие, великодушные мужики, злые красавицы и добрые уроды? Или разве не бывает так, что чудесная, благородная и умная душа, — душа-красавица, — скрыта в уродливом теле Зверя-лесного-Чуда-морского? И неужели нет путей для ее спасения и освобождения? Что же важнее — внешняя оболочка или незримая красота души? И как распознать, как учуять преступную душу у страшилища и уродливую, злую душу у богатой красавицы? Как не ошибиться? Чему поверить? И кому же надо царствовать в тридесятом царстве — ничтожному глупцу или доброму и мудрому уроду в рубище?..

И наконец, правда ли, что возможно только возможное, а невозможное и в самом деле невозможно? Не таятся ли вокруг нас, в вещах, и в душах, такие возможности, о которых никто не думает и говорить не решается? Кто сказал, что нельзя летать по воздуху? А если есть на свете ковер-самолет? Кто сказал, что пространство неодолимо? А вон у колдуна карета была: «как только сядешь — защурься — глядишь, и уж дома». Откуда это известно, что нельзя построить дворец в одну ночь? А если можно? А скатерть-самобранка? А волшебная рубашка? А шапка-невидимка? А молодые яблоки? А целая щип и живая вода? А неисчерпаемый кошелек? А что, если мне ведьма мертвый зуб в голову впустит или волшебный волосок вставит? А вы пробовали бросить через плечо, в час смертной опасности, волшебный грешчок или волшебную ширинку? А вы советовались со своей бедой с бабушкой-задворенкой, или со старичком-лесовичком, или с коньком-горбунком? И откуда это известно, что мы знаем только то, что знаем, а не больше? И что мы можем только то, к чему мы привыкли? И что тайные силы не могут существовать явным? А если так, то к чему же призван человек, который эту «тайну страшную природу» постигнет «светлою мыслью» (Пушкин)? Не призван ли он стать «победителем темных сил» и войти в «заклятую страну», как избавитель и пробудитель (Сологуб)?..

Вот о чем спрашивает человек, и особенно русский человек, свою сказку. И все эти вопросы — о том, что всегда и для всех: о счастье, о судьбе, о правде и о зле, о смысле и о путях жизни. И сказка отвечает не о том, чего нет и не бывает, а о том, что всегда, и теперь есть, и всегда будет, пока человек будет томиться на земле.

Сказка есть первая, дореагиозная философия народа, его жизненная философия, изложенная в свободных мифических образах и в художественной форме. Эти философские ответы вынашиваются каждым народом самостоятельно, по-своему, в его бессознательной национально-духовной лаборатории. И сказки различных народов отнюдь не повторяют друг друга. Сходны лишь образные темы, и то лишь отчасти; но не сходны ни вопросы, ни ответы сказок. Каждый народ по-своему томится в земной жизни; накапливает свой особый — и дореагиозный, и религиозный опыт; слагает свою особую духовную проблематику и философию; вынашивает свое мирозерцание. И того, кто стучится у дверей, сказка уводит именно к истокам национального духовного опыта, русского человека по-русски укрепляя, по-русски утешая, по-русски умудряя... Подумайте только, сколько поколений наших неведомых и ныне забытых предков жило и томилось, выдыхало и плакало, пело и мечтало, вопрошало и боролось — до нас, до нашей памяти, ставя все те же младенчески-философские вопросы и слагая сказочно-философские ответы на них... Сколько бед и опасностей, сколько бурь и войн пережито и осмыслено в сказках...

В русских сказках русский народ пытался распутать и развязать узлы своего национального характера, высказать свое национальное мироощущение, наставить своих детей в первобытной, но глубокой жизненной мудрости, — разрешая лежавшие на его сердце жизненные, нравственные, семейные, бытовые и государственные вопросы. И сказки русские — просты и глубоки, как сама русская душа. Они всегда юны и наивны, как дитя; и всегда древни и мудры, как прабабушка; — как спраши-

вающее дитя и как отвечающая старушка; оба — созерцающие младенца.

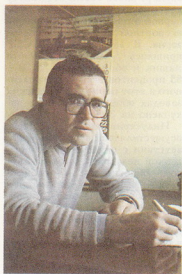
Сказка — это ответ все испытанной древности на вопросы вступающей в мир детской души. Здесь русская древность помазет русское младенчество на не испытанную еще трудную жизнь, созерцая из древнего национального лона всегда новые трудности жизненного пути. И благо нам, если мы, сохранив в душе вечного ребенка, умеем и спрашивать, и выслушивать голос нашей сказки...

Все люди делятся на людей, живущих со сказкою, и людей, живущих без сказки. И люди, живущие со сказкой, имеют дар и счастье по-младенчески вопрошать свой народ о первой и последней жизненной мудрости и по-младенчески внимать ответам его первозданной доисторической философии. Такие люди живут как бы «в ладу» со своею национальною сказкою, согласно чудесному и мудрому завету Лескова: «Живите, государи мои, люди русские, в ладу со своею старою сказкою! Горе тому, у кого ее не будет под старость!» («Соборане»).

«Вечером», пишет Пушкин своему брату, «слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма»...

В уединении деревенской жизни наш светлый гений уходил каждый вечер к великому морю человеческого созерцания, туда, где у русской излучины растет вечно «зеленый дуб» русской национальной силы и русского национального духа; и мудрый, «ученый кот», постигший науку тайноведения, мастер песни и ведун сказки, прикованный «золотой цепью» истории к русскому дубу и русскому духу, — пел ему песни русского бытия и сказывал ему сказки русской жизни...

И мы — томимся ли мы, ищем ли общения с нашим народом, созерцаем ли мы наши русские судьбы, философствуем ли о нашем русском несчастье, или готовим к претрудной и опасной жизни наших русских детей, — сядем вслед за Пушкиным под зеленый дуб нашей России, и пусть наш мудрый кот заведет нам свои песни и скажет свои сказки!

за: любой вопрос увязал в бюрократических согласованиях.

Как и Ленин, Дзержинский слишком хорошо понимал, чем чревато дальнейшее вмешательство Наркомвнуторга в рыночные связи, его попытки изменить народнохозяйственные пропорции вопреки рыночным силам. Главное, считал он, не делать крупных ошибок в хозяйственной политике, не дать оппозиции возможности сыграть на экономических промахах правительства. Если мы не возьмем правильной линии в руководстве народным хозяйством, не найдем правильного темпа, писал он в июле 1926 года В. Куйбышеву, сменившему его затем на посту руководителя ВСНХ, «оппозиция наша будет расти, и страна тогда найдет диктатора — похоронщика революции, какие бы красивые перья ни были на его костюме...»⁶. Эти слова, написанные Дзержинским незадолго до смерти, оказались пророческими. Он ошибся разве что в одном — оппозиция использовала даже не промахи ВСНХ в экономической политике (таких крупных промахов практически не было). Она воспользовалась политической ситуацией, в которой отсутствовал контроль снизу над аппаратом.

Свертывание нэпа

Шел 1925-й год: народное хозяйство успешно и быстро

восстанавливалось, было уже ясно, что в следующем году по большинству показателей страна выйдет на уровень 1913 года, и начнется собственно расширение производства, строительство новой социалистической экономики. Какой она должна стать, куда, в какие отрасли направить средства в первую очередь — эти вопросы превращались из чисто абстрактных в практические, осязаемые и злободневные. Необходимость индустриализации, широкого обновления производственного аппарата в промышленности, перевода предприятий на новый технический базис понимали все. Но где взять современное оборудование в огромной крестьянской стране с архаичной промышленностью? Произвести его на отсталых машиностроительных заводах внутри страны было невозможно. И поэтому выход был один — закупить технически совершенное оборудование для станкостроительных заводов за границей, построить эти заводы и с их помощью перевести на новую техническую основу всю промышленность и все народное хозяйство. Нужна была валюта, а валюту давал хлеб и еще раз хлеб — традиционный экспортный товар, главная статья экспорта дореволюционной России.

Все упиралось, таким образом, в хлебозаготовки, от увеличения которых зависели сроки и темпы превращения Советской России из аграрной, отсталой в передовую промышленную державу. По вопросу о том, как проводить эти хлебозаготовки — а фактически по вопросу о путях индустриализации, — мнения в партии разошлись еще в 1925 году. К XIV съезду, собравшемуся в последние дни 1925 года, оформилась «новая оппозиция» во главе с Г. Зиновьевым и А. Каменевым, требовавшая расширить сельскохозяйственный экспорт за счет наступления на «зажиточные элементы» в деревне. Считая, что крестьянское накопление представляет угрозу для социализма, они фактически настаивали на изъятии сельскохозяйственного прибавочного продукта в пользу города, на замене, как выразился Ф. Дзержинский, лозунга «лицом к деревне» лозунгом «кулак к деревне».

Через год с аналогичными требованиями выступил А. Троцкий. Предсказывая неизбежность разрыва союза с крестьянством, он настаивал на максимально высоких тем-

пах индустриализации, финансируемой за счет деревни — через увеличение налогообложения крестьян, повышение цен на промышленные товары и прочее.

Между тем хлебозаготовки, с которыми связывались все надежды на будущую индустриализацию, шли не слишком гладко. Осенью 1925 года план закупок зерна для экспорта, который должен был дать валюту для закупки зарубежного оборудования, выполнен не был. В 1926 году, правда, государственные заготовки увеличились до 11,6 миллиона тонн против 8,9 миллиона тонн в 1925 году, но и этого было мало. А потом началось даже снижение объема заготовок — до 11,0 миллиона тонн в 1927 году и до 10,9 миллиона тонн в 1928 году.

Страсти вокруг хлебозаготовок накалялись: чисто хозяйственный вопрос превращался в важнейший политический, от принимаемых решений зависело будущее политики нэпа, будущее «хозрасчетного социализма». По существу, речь шла о том, чтобы повысить долю фонда накопления в национальном доходе, обеспечить таким путем ускоренное расширение инвестиций в техническую реконструкцию основных фондов. По существу, речь шла о крутой ломке важнейшей пропорции воспроизводства — между потреблением и накоплением. Но в конкретной ситуации того времени все упиралось в государственные заготовки зерна.

Экономический, хозрасчетный, естественный путь к увеличению государственных заготовок зерна лежал через повышение заготовительных цен и одновременное повышение налогообложения сельскохозяйственных производителей. Высокие заготовительные цены стимулировали бы продажу крестьянами хлеба государству, а не на свободном рынке. Высокие налоги, в свою очередь, нужны были для того, чтобы покрыть расходы государства на заготовки зерна по повышенным ценам и вместе с тем изъять часть полученных крестьянами от продажи хлеба денег, которые промышленность не могла обеспечить товарам, — к 1925—1926 годам кризис сбыта сменился уже товарным голодом, спрос на потребительские товары превышал предложение, и обеспечить сбалансированность рынка при одновременном расширении фонда накопления можно было

⁶ Л а с с и О. Р. Искусство сложения: Очерки. — М., 1984, с. 129.

только путем повышения налогов.

Другой вопрос — нужно ли было резкое повышение нормы накопления, — ведь темпы экономического роста и так были в 20-е годы самыми высокими в мире при умеренной доле фонда накопления в национальном доходе. Нужно ли было тогда подогнать историю, форсировать естественное развитие событий? С позиций сегодняшнего дня ответ очевиден. А тогда... тогда экономические стимулы и хозрасчетные методы не были использованы для повышения нормы накопления через увеличение хлебозаготовок. Был выбран другой путь — государство приступило к внеэкономическому принудительному изъятию зерна у крестьян.

Ломать об коленку, казалось, видимо, проще, привычнее. Для организации эффективной налоговой системы, способной обеспечить государству необходимые масштабы накопления и столь необходимые ему ресурсы хлеба, нужны были знания, умение и, конечно, какой-то минимум терпения. Ни того, ни другого, ни третьего у тогдашнего руководства не было.

Заготовительные цены повышены не были — на основные сельскохозяйственные продукты они оставались на стабильном «низовском» уровне. Скажем, пшеница заготавливалась в конце 20-х — начале 30-х годов так же, как и в середине 20-х, по цене 6—8 рублей за центнер «старыми деньгами», то есть по 60—80 копеек за центнер в нынешнем масштабе цен, «новыми деньгами». Между тем с 1928 года начинается бурный рост розничных цен на все товары — и промышленные, и сельскохозяйственные. Разрыв в ценах государственных и частных заготовок хлеба достигает 100 процентов. Крестьяне, конечно, предпочитают продавать зерно частнику — по более высоким ценам, что и создает трудности с государственными заготовками. В 1926/27 и 1927/28 годах плановые заготовительные цены едва покрывали себестоимость зерна. В 1928/29 году они, правда, оказались выше себестоимости на 23 процента⁷, но вследствие роста розничных цен на предметы потребления реальные доходы крестьян стали сокращаться.

Для увеличения хлебозаготовок начинают применяться методы продовольственной разверстки. В апреле и июне 1928 года пленумы ЦК партии еще осуждают обходы дворов с целью конфискации хлебных «излишков», незаконные обыски, заградительные отряды, запреты на базарную торговлю и прочее, но машина разверстки уже запущена и набирает обороты. Осенью 1928 года к кулакам, да и ко многим середнякам начинают применяться чрезвычайные меры — за сокрытие хлебных излишков привлекают к суду, хлеб конфисковывают, причем $\frac{1}{3}$ его часть отдается деревенской бедноте. Возрождается общинный принцип круговой поруки — крестьянам самим предоставляется право разверстывать план хлебозаготовок между отдельными хозяйствами. Развивается контрактация — заключение договоров с крестьянскими хозяйствами на поставку им средств производства только в обмен на зерно. Нередко условием контракта было объединение крестьян в колхоз. Государственные заготовки фактически превращались из добровольных, объем которых регулировался экономическими рычагами (ценами, налогами), в обязательные, принудительные, во внеэкономическое изъятие произведенного продукта. С лета 1929 года, когда началось форсированное создание колхозов, принудительные заготовки становятся правилом и резко расширяются — до 23 миллионов тонн в 1930 году.

Вновь созданные колхозы строили свои отношения с государством на основе контрактации — договоров об обязательной поставке сельскохозяйственной продукции в обмен на промтовары; в 1933 году контрактация была заменена системой обязательной сдачи продукции государству по твердым нормам — с каждого гектара плановых посевов — и по твердым ценам. Колхозы, таким образом, остались кооперативами только по форме, точнее — по названию, а по сути превратились в государственные нехозрасчетные предприятия, главной задачей которых было выполнение плана сдачи продукции. Немногим оставшимся единоличникам также вменялось в обязанность сдавать государству мясо, молоко, картофель, рис, шерсть.

В конечном счете зерно все-таки было заготовлено и вывезено.

В конечном счете именно экспорт хлеба обеспечил валюту для индустриализации: в годы первой пятилетки 40 процентов экспортной выручки дал вывоз зерна. В 1931 году на СССР пришлось $\frac{1}{3}$ мирового импорта машин и оборудования, а 80—85 процентов всего установленного в этот период на советских заводах оборудования было закуплено на Западе⁸.

Индустриализация на деле осуществлялась в полном соответствии с рецептами разгромленной незадолго до этого «новой оппозиции» и троцкистов — за счет выкачивания средств из далеко не зажиточной деревни, экономика которой только-только превзошла довоенный уровень. На бумаге, в официальных документах это отрицалось, но фактически, на практике, это было именно так. Н. Бухарин и его сторонники, пытавшиеся остановить введение разверстки в деревне и свертывание изпа, в 1929—1930 годах были сняты с ответственных постов в партийном аппарате.

В конце концов за счет принесения в жертву сельского хозяйства было достигнуто крупное перераспределение национального дохода в пользу фонда накопления. Отношение валовых капиталоделожений к национальному доходу возросло почти в 1,5 раза. Но столь резкая ломка главной пропорции воспроизводства была фактически достигнута ценой разрушения хозрасчетной экономики. Смычка города и деревни, союз пролетариата и крестьянства, которые Ленин считал первейшим и главнейшим залогом успеха российской революции, трансформировались в систему организованной внеэкономической эксплуатации деревни городом, в систему принудительного выкачивания не только прибавочного, но и необходимого продукта из сельского хозяйства в пользу промышленности.

В дополнение к этому широким фронтом шло свертывание изпа и по другим направлениям. В промышленности в соответствии с постановлением Совнаркома 1927 года трестам стали устанавливаться производственные планы. В конце 1929 года тресты были преобразованы из мощных хозрасчетных предприятий в посредническое звено в управлении промыш-

⁷ Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917—1963 гг.). — М., 1964, с. 122.

⁸ Мировая экономика и международные отношения. 1987, № 11, с. 146.

ленностью, а в начале 30-х годов они фактически прекратили свое существование. Синдикаты, напротив, из органов сбыта и снабжения были в том же 1929 году преобразованы в отраслевые промышленные объединения (главки), взявшие на себя функции планового регулирования деятельности предприятий. Фактически восстанавливалась жестко централизованная система управления промышленностью периода «военного коммунизма». С 1928 года синдикатская торговля стала заменяться распределением ресурсов сверху по фондам и нарядам: к концу 1930 года только 5 процентов промышленной продукции поставалось по договорам поставщиков с потребителями против 85 процентов в предыдущем году.

Частник последовательно вытеснялся из всех отраслей. К 1933 году приходящаяся на частный сектор доля производства сократилась по сравнению с 1928 годом с 18 до 0,5 процента в промышленности, с 97 до 20 процентов в сельском хозяйстве, с 24 процентов до нуля в розничной торговле. Начавшееся по инициативе государства в 1927 году свертывание концессий фактически закончилось к 1933 году, когда были аннулированы все концессии, за исключением нескольких рыболовных.

Налоговая реформа 1930 года заменила 63 вида различных налогов и платежей, с помощью которых государство ранее регулировало развитие экономики, двумя основными платежами предприятий — налогом с оборота и отчислениями от прибыли (для колхозов ту же роль выполнял подоходный налог). С введением обязательных плановых заданий фискальные рычаги регулирования производства утратили свое значение, и у налогов осталась только одна функция — обеспечивать доходы казны. Разнообразие налоговых платежей, ставшее в сложившихся условиях своего рода декоративной надстройкой, сочли ненужным излишеством, создающим путаницу, и ликвидировали.

В 1930—1932 годах прошла кредитная реформа, фактически заменившая кредит плановым банковским финансированием. Коммерческий кредит — один предприятий другим — был запрещен и заменен прямым централизованным кредитованием. Было упразднено

воксельное обращение. Долгосрочный кредит — на инвестиции — для государственных предприятий и организаций вообще отменялся. Вместо него вводилось безвозвратное финансирование, производившееся несколькими банками долгосрочных вложений, которые, по сути, уже не являлись кредитными учреждениями: на счетах этих банков, подчинявшихся Наркомату финансов, только концентрировались собственные финансовые ресурсы предприятий и бюджетные ассигнования, предназначенные для капитальных вложений, причем расходовать эти ресурсы банки могли только в соответствии с планами предприятий. Долгосрочный кредит в собственном смысле этого слова (предоставление требующих возврата ссуд под процент) был сохранен только для колхозов, промысловой и потребительской кооперации.

Краткосрочный кредит был сосредоточен в Госбанке: кооперативные банки были упразднены, а их операции перешли к Госбанку. К 1933 году на долю Госбанка приходилось уже 97 процентов всех краткосрочных кредитов⁹. Немногочисленным оставшимся частным предприятиям кредит был закрыт. Ко времени войны осталось только 7 банков — Госбанк, Внешторгбанк и банки долгосрочных вложений (последние в 1959 году были объединены в Стройбанк, так что число банков сократилось до трех).

Таким было становление и утверждение административной системы. К исходу первой пятилетки командная экономика стала доминирующей во всех сферах хозяйственной жизни. Рынок, товарно-денежные формы связи между хозяйственными агентами повсеместно были вытеснены директивным плановым распределением ресурсов и продукции. Закончился тяжелейший период в истории советского народного хозяйства, содержанием которого стало свертывание социалистической рыночной экономики и переход к жесткой централизации при одновременном крупномасштабном перераспределении средств из фондов накопления и потребления деревни в фонд накопления города.

Если это и был троцкизм,

⁹ Кредитно-денежная система СССР. — М., 1967, с. 304.

ЕСТЬ МНЕНИЕ

Шел в комнату — попал в другую...

Всякий человек, переступивший порог вуза, волюно или невольно ждет перемен в жизни. У кого-то ожидание острее, у кого-то проявляется внешне не столь ярко, но оно есть, это ожидание: вот порог альма-матер, вот шаг за этот порог и — ах! — новая жизнь, новые мысли и слова, иной (не школьный) воздух вокруг тебя...

Мы быстро привыкаем и входим в колею. Лекции, семинары, лабораторные, перекуры между парами, какие-то обычные разговоры, опять лекции — привыкаем, привыкаем и — следуем в русло, идем размеренной походкой от семестра к семестру без особых взлетов и падений.

И бывает просто скучно.

Значит, что-то здесь, под сводами альма-матер, не так. Или, может быть, мы не те? В самом деле, нечасто встретишь в студенческой среде человека одержимого, всецело поглощенного каким-то своим делом, идеей. Говорят, прежде они были. А теперь вот перевелись. И на вопрос: «Почему, зачем поступишь в институт?» — все чаще слышишь нечто неопределенное...

Наталья Анцина, студентка

Ремарка социолога. «Случайной» в вузе является примерно половина состава студентов. Лишь 54 процента удовлетворены избранной специальностью. 35 процентов «подумывают» уйти из вуза.

то троцкизм в такой грубой, «азиатской» форме, которая, наверное, и не снилась никому из левой оппозиции 20-х годов. Как совершенно справедливо отмечал В. Данилов, «не станем отнимать у Сталина и его группы право на авторство насыщенной экспроприации в отношении крестьянских масс»¹⁰. Добавим от себя — и на все другое.

Бюрократия и рынок

«Не дано нам историей тише идти!» — доказывал В. Куйбышев, архитектор первых пятилеток, страстно борющийся за ускорение развития тяжелой промышленности на постах председателя ВСНХ и Госплана в 1926—1935 годах. Это предчувствие войны, постоянное ощущение развития под дамокловым мечом внешней угрозы пронизывало тогда все общественное сознание снизу доверху.

Сейчас, наверное, бесполезно спорить, насколько обоснованными были в те годы предсказания о скорой неизбежной войне. Однако не следует обманывать самих себя: главное заключалось все-таки не в этом, особенно в 1929 году. Так вопрос тогда не стоял — Гитлером тогда еще не пахло. Угроза войны была только предлогом, хотя и предлогом, находившимся в людских душах вполне естественный отклик. И если бы такой угрозы в действительности не было, ее бы наверняка выдумали, как выдумали, например, в 60-е годы в Китае, которому никто не угрожал. Свертывание нэпа только оправдывалось необходимостью быстрой индустриализации в преддверии надвигающейся войны, но на деле, в жизни было вызвано совсем иными причинами. Решения о форсировании хлебозаготовок внеэкономическими методами, об откaze от хозрасчета, о ликвидации валютного рынка и т. д. принимались в те годы отнюдь не потому, что кто-то предвидел необходимость создания второй металлургической базы на Урале, без которой мы бы не выстояли во второй мировой войне.

Смена хозрасчетной экономики командно-административной объяснялась не внешними, а внутренними причинами. За свертыванием нэпа стояли влиятельные социальные

силы именно внутри страны, а не за ее пределами. И главной такой силой был бюрократический аппарат, узкая, но постоянно расширявшая свою власть прослойка высших чиновников-совслужащих.

Очень эффективная и динамичная, бившая все рекорды по темпам роста, полная сил и энергии социалистическая рыночная экономика оказалась фактически беззащитной перед экспансией ведомственного регулирования. Административная система не свалилась с неба как снег на голову, не была лишь плодом злого умысла отдельных людей. Она вызревала в недрах политической надстройки, венчавшей нэповскую рыночную экономику, она являлась логическим следствием развития бюрократического аппарата при отсутствии действенного контроля снизу. Рыночная экономика 20-х годов, обнаруживавшая такие способности к росту, которые никогда не возникали в административной системе даже в лучшие периоды ее истории, экономика, доказавшая всему миру возможность стремительного хозяйственного прогресса в обществе, построенном на коллективистских началах, — эта социалистическая по своей природе экономика была враждебна бюрократической машине. И она была побеждена этой машиной, не встретившей на своем пути достаточного сопротивления.

Уже вскоре после революции обнаружилось, что прослойка чиновников-совслужащих обладает собственными, далеко идущими интересами, в том числе и экономическими, отличными от интересов рабочего класса и крестьянства и нередко даже прямо противоположными им. Аппарат, призванный только исполнять волю трудящихся, на деле стал жить по своим законам, проявляя растущее стремление к узурпации власти, к подчинению себе всей политической и экономической жизни страны. В период «военного коммунизма» эта имманентно присущая аппарату тяга к разрастанию и расширению своего влияния в известной мере ограничивалась постоянно существовавшей опасностью военного поражения, чреватого для бюрократии потерей вообще всей власти. Аппарат был вынужден как-то себя сдерживать, отклоняться порой от принципов бюрократического регулирования в ин-

тересах дела, поступаться своими текущими интересами во имя сохранения главного. После победы в гражданской войне аппарат, в общем недовольный нэпом, ограничивавшим его бюрократические полномочия, все же принял его как объективную необходимость, ибо антоновщина и хронштадтский мятеж наглядно показали, во что может обойтись упорная приверженность командным методам управления. Но далее, в период нэпа, аппарат постоянно укреплялся и расширял свое влияние. Свертывание нэпа стало, по существу, победой аппарата над народным государством, над властью рабочих и крестьян, бюрократическим перерождением, от которого предостерегал Ленин задолго до этого.

До революции в теоретических построениях классиков марксизма будущее государственного аппарата рисовалось довольно определенным: берущий власть рабочий класс ломает буржуазную государственную машину, заменяя ее новым управленческим аппаратом. Две простые меры должны были гарантировать новый аппарат от бюрократического перерождения. «Полная выборность, сменяемость в любое время всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалования к обычной «зароботной» плате рабочего», — писал Ленин за два месяца до революции, — эти простые и «само собою понятные» демократические мероприятия рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму»¹¹. Эти меры наряду с повышением культуры населения до такого уровня, который позволил бы каждому участвовать в управлении государством, должны были, по мысли Ленина, послужить основой отмирания всякого бюрократизма.

Жизнь, однако, оказалась сложнее. Простые меры не сработали. В полуграмотной крестьянской стране введенная всеобщая выборность всех должностных лиц снизу доверху не смогла стать гарантией от бюрократизации. Столоначальники, большие и маленькие, жалование которых действительно установили после революции на уровне зарплаты среднего рабо-

¹⁰ Правда, 26.08.1988.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 44.

чего, искали многочисленные способы увеличения своих реальных доходов путем использования служебного положения. Не так просто оказалось дело и с политической культурой населения, умением и привычкой участвовать в общественных делах, способностью простых людей видеть связь между конкретными каждодневными заботами и общей политической ситуацией, между государственной политикой и ее отдаленными последствиями. Для создания такой культуры в стране со слабым развитием элементарных демократических навыков и привычек (где только в 1917 году прошли первые по-настоящему свободные выборы) требовалась целая историческая эпоха. А без такой политической цивилизованности демократия превращалась в фикцию, вырождалась.

К борьбе с «бюрократическим извращением советской организации» Ленин призывал уже в апреле 1918 года, то есть менее чем через полгода после того, как такая организация возникла. После перехода к нэпу данная тема занимает все большее и большее место в ленинских работах, — его тревога и обеспокоенность обюрокративанием власти нарастают буквально день ото дня. Очень часто, пишет Ленин, аппарат работает «не для нас, а против нас». «Все у нас потонуло в шаривом бюрократическом болоте «ведомств», — констатирует он. — Большой авторитет, ум, рука нужны для повседневной борьбы с этим. Ведомства — говно; декреты — говно. Искать людей, проверять работу — в этом все»¹². Опасность, исходящая от бюрократии, расценивается Лениным как смертельная для социализма: «Без «аппарата» мы бы давно погибли. Без систематической и упорной борьбы за улучшение аппарата мы погибнем до создания базы социализма»¹³. В одной из последних работ — «О кооперации» — Ленин называет две главные задачи, каждая из которых составляет эпоху. Первая — переделка аппарата, вторая — кооперация. При условии успеха на этих двух направлениях, пишет он, мы бы уже стояли двумя ногами на социалистической почве. Самая последняя работа — «Лучше меньше, да

лучше» — опять-таки посвящена перестройке госаппарата: Ленин предлагает объединить наркомат рабоче-крестьянской инспекции, занимающейся как раз борьбой с бюрократизмом в советских учреждениях, с Центральной комиссией — органом внутривнутрипартийного контроля, рассчитывая, вероятно, таким образом предотвратить бюрократизацию партийного аппарата. Но это не было сделано ни до, ни после смерти Ленина.

Впрочем, даже осуществление этого плана вряд ли могло, наверное, что-то изменить. Политическая надстройка в целом явно не соответствовала рыночному экономическому базису. Однопартийная система с жестким контролем над советскими, профсоюзными и другими организациями, над средствами массовой информации, судами, церковью не обеспечивала свободного волеизъявления для большинства населения, зато давала в руки бюрократии необходимые для захвата всей полноты власти рычаги, которыми она не преминула воспользоваться.

Сначала непосредственных производителей лишили права самостоятельно устанавливать цены, а затем — и права самостоятельно определять объем и номенклатуру производства. Фактически это означало, что производители в ходе свертывания нэпа были лишены прав собственности — прав владения, пользования и распоряжения своими средствами производства. Собственность из коллективной и частной превратилась в ведомственно-бюрократическую, а реальная хозяйственная власть перешла к партийным органам, наркоматам, ведомствам, которые стали развешивать планы и фонды по отраслям, регионам и предприятиям.

Именно этот вопрос о власти был коренным вопросом переходного периода. Двоевластие периода нэпа, то есть политическая власть у аппарата, а хозяйственная — у непосредственных производителей (трестов, синдикатов, кооперативов, единоличников), завершилось победой аппарата. Само же свертывание нэпа было не ошибкой отдельных лидеров и даже не ошибкой большинства. Это был переворот, «революция сверху», совершенная узкой бюрократической прослойкой против большинства населения, против непосредственных про-

изводителей — рабочих, крестьян, интеллигенции.

И большинство населения отнюдь не заблуждало тогда насчет истинных своих интересов. Это большинство, причем абсолютное большинство, было решительно против «великого передела».

Стомаillionное крестьянство в массе своей не приняло коллективизацию. Оно лишь вынуждено подчинилось ей. Как мог крестьянин, получивший в 1917—1918 годах землю, освобожденный в 1921 году от разорительки и поднявший свое хозяйство за 8 лет нэпа так, что в среднем производил на целую четверть больше продукции, чем в урожайном 1913 году, — как мог этот крестьянин примириться с тем, что у него отнимают все — и землю, и скот, и инвентарь? Разве можно сказать, что деревня приняла коллективизацию, если от половины до $\frac{2}{3}$ дворов вырезало свой скот, даже лошадей, чтобы только не сдавать их в колхозы? Наконец, разве около двух тысяч крестьянских восстаний только за январь — март 1930 года — это свидетельство того, что крестьянин примирился с колхозом? Или таким свидетельством является сокращение уровня коллективизации с 50 до 21 процента всех хозяйств только за март — август 1930 года?¹⁴

И ссылки на то, что в российском крестьянстве де сильные были общинные настроения, в данном случае просто не относятся к делу. Община — это одно, а колхоз начала 30-х годов нынешнего столетия — совершенно другое. «Патриархальный» русский крестьянин ко времени революции уже более полудека пользовался личной свободой; более трети крестьянских хозяйств Европейской России уже находились вне общины, а те хозяйства, которые в ней оставались, имели собственный надел, скот, инвентарь. Все это допускалось предреволюционной частно-общинной системой землепользования, но все это пропало в одночасье с образованием колхозов и фактическим прикреплением крестьян к земле. Принять добровольно без сопротивления такой разгром мог только безумец. Крестьяне в массе своей и не приняли его — даже неполная информация о тех событиях по-

Окончание на стр. 62

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 250, 290; т. 44, с. 369.

¹³ Там же, т. 43, с. 381.

¹⁴ Правда, 26.08.1988.

Строго говоря, текст выступления известного писателя Ильи Эренбурга на встрече в Международном студенческом клубе VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве 8 августа 1957 года нельзя считать неопубликованным. Тогда же этот текст был напечатан в корреспондентской записке в 16-м номере «Информационного бюллетеня» фестиваля. Но тираж бюллетеня составлял всего 850 экземпляров. Между тем это выступление писателя представляет и сегодня интерес для широкого круга читателей, особенно молодежи.

Григорий Кашляк, научный сотрудник
Центрального архива ВЛКСМ

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Подлинная культура едина

В Международном студенческом клубе состоялась встреча участников фестиваля с Ильей Эренбургом. Студенты более

чем шестидесяти стран тепло приветствовали известного советского писателя.

— Я думаю, — сказал Эрен-

бург, — что вы не ждете от меня лекции. Мне просто хочется высказать свои соображения о роли студентов в развитии мировой культуры.

Недавно я был в Греции и невольно задумался над тем, почему погибла великая античная греческая культура. Она погибла от рук римских воинов. Но мне кажется, что это произошло не из-за воинственности древних римлян. Просто в жизни греческих городов были такие моменты, которые предопределили их гибель. В момент угрозы всей греческой культуре один греческий город не только не объединялся с другим, а, наоборот, прибегал к помощи Рима для усмирения соперника. А кроме того, рабы не были заинтересованы в сохранении культуры. Они попросту были лишены ее.

Я привел этот пример не случайно, — продолжал Эренбург. — Мне кажется, он наглядно демонстрирует то, как легко рушится культура, если в ней не заинтересованы все люди и если все те, кто заинтересован в ней, не объединяются для отражения военной опасности. Единственная возможность спасти культуру от потрясения — охранять ее всем. И студенты, в руках которых будущее нашей культуры, могут сыграть в этой благородной борьбе огромную роль.

Мне бы хотелось, — сказал далее Эренбург, — чтобы студенты разных стран познакомились с интересным советским опытом культурного развития. Некоторые считают, что, если культура станет всеобщим достоянием, это обеднит ее, сделает ее менее тонкой. Но наш советский опыт опровергает эту точку зрения. Мы сделали культуру достоянием всех людей. Мы так развили и расширили ее, что можем теперь сказать, что каждый наш гражданин приобщен к мировой культуре. Нас часто спрашивают, где же ваша литература, которая потрясает мир. Я отвечаю на этот вопрос: мы потрясаем мир не писателями, а нашими читателями. Таких читателей, как наши, — я могу смело утверждать это — нет ни в одной стране мира.

Сейчас мы добиваемся всеобщего среднего образования. И эта наша цель не за горами.

Когда мы осуществим всеобщее среднее образование, мы создадим единую культурную базу у всех людей. Мы приучили к чтению человека. Мы сделали так, что книги стали насущной потребностью. Мы сделали так, что в обсуждении книг, спектаклей, фильмов у нас принимает участие не кучка гурманов и эстетов, а в полном смысле слова весь народ. Вот яркое свидетельство культуры народа, культуры страны.

Еще мне хотелось бы остановиться на одном вопросе. Во время своих поездок по разным странам я убедился в общности истоков мировой культуры. Нет ничего более противостественного, как деление культуры на восточную и западную. Подлинно мировая культура едина. Нужно кончать с разделом культуры по географическим поясам, по каким-то политическим признакам. Мы должны опрокинуть барьеры, разделяющие культуры наших стран. Мы должны перенимать все лучшее друг у друга. Мы должны учиться друг у друга, иначе мы замкнемся в узеньких рамках и перестанем видеть мир.

Я думаю, — заключает Эренбург, — вы убедились в том, что мы заняты будущим нашей культуры, мы хотим мира, мы хотим торжества прогресса. Мы хотим учиться всему лучшему, что есть в богатом культурном наследии всех народов мира. И мы широко открываем свои двери: приходите, смотрите, берите все хорошее, что есть у нас...

Эренбург ответил на многочисленные вопросы. Студенты интересовались мнением писателя по многим актуальным вопросам. Студент из Ирака спросил, что может сделать писатель, чтобы поднять культурный уровень читателя.

— При желании, — отвечает Эренбург, — он может сделать очень многое. Если вы любите читателя, вы найдете в себе такие слова, которые дойдут до его сердца, облагодрадят его, заставят его задуматься над высоким и тем самым поднимут его культуру.

— Что могут сделать молодые интеллигенты в борьбе за развитие мировой культуры? — спрашивает группа студентов из Латинской Америки.

— Они должны бороться, —

отвечает Эренбург, — за приобщение к культуре всех людей. Они должны сделать так, чтобы литература, музыка, искусство проникли в самую толщу народных масс. И главное, они должны бороться против разделения культуры на враждующие лагеря.

Группа студентов интересуется мнением Эренбурга об американской культуре: комиксы, рок-н-ролл и т. д.

— Я думаю, — отвечает Эренбург, — спрашивающий не знает американской культуры. Ни комиксы, ни рок-н-ролл не имеют никакого отношения к подлинной культуре Америки. Американская культура — это Уитмен, Драйзер, Хемингуэй. Что же касается комиксов и прочего, это действительно страшное явление, это — культура наизнанку. Во всех странах ширится борьба против этих уродливых явлений.

Студент из Норвегии задает вопрос, будет ли Эренбург продолжать свою повесть «Оттепель».

— Да, буду, — отвечает Эренбург, — когда ясно увижу контуры жизни моих героев в настоящее время.

Студенты из Канады, Италии, Франции, СССР, Польши, Египта и других стран задали Эренбургу вопросы о сущности метода социалистического реализма, о работе советских писателей, об отношении Эренбурга к модернизму и абстракционизму и о многом другом.

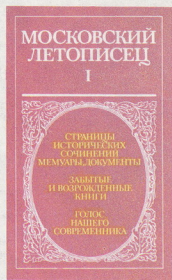
Большая группа студентов разных стран просила Эренбурга сказать, какие его самые любимые современные советские писатели и поэты.

Эренбург говорит, что ему трудно ответить на этот вопрос, так как хороших советских писателей много и хороших произведений, созданных ими, — тоже. «Но больше других, — сказал Эренбург, — мне нравятся стихи Л. Мартынова, А. Твардовского и Б. Пастернака, а из советских прозаиков — В. Некрасов, В. Панова и Э. Казакевич».

Более трех часов продолжалась беседа писателя со студентами разных стран.

— Эта волнующая встреча, — сказал в заключение председательствующий Арамис Таварес, — останется надолго в памяти каждого из нас.

ОРИЕНТИР

Московский летописец. Сборник. Вып. 1. М., Моск. рабочий, 1988, 352 с.

Все мы родом из прошлого. Нам дороги, или, во всяком случае, должны быть дороги, мельчайшие подробности минувшей жизни и быта.

В предлагаемой книге собраны самые разнообразные материалы по истории Москвы с древнейших времен до кануна XX века.

А также историко-культурный путеводитель «Старая Москва» В. А. Никольского издания 1924 года.

Сборник представляет собой своеобразную галерею «словесных портретов» Москвы, написанных историками, дипломатами, писателями, путешественниками... Вы услышите живой рассказ современников о людях и событиях, участниками или свидетелями которых они были. Проследите за изменением облика города, рисунком картины нравов и колоритом быта москвичей.

ПРОЗА

Если вы полагаете, будто раздобыть цианистый калий очень уж трудно, вы судите опрометчиво. Я стоял и держал в руке пол-литровую бутылку. Темное стекло, опрятная четкая этикетка с надписью: «Цианистый калий ХЧ» (последние буквы, мне сказали, означают «химически чистый»), под которой был изображен небольшой череп и скрещенные кости. Человек, которому принадлежала эта бутылка, протер очки и заморгал, глядя на меня с выражением полного безразличия на лице к тому обстоятельству, что у меня в руке достаточно яду, чтобы отправить на тот свет целый полк.

— Вы хотите сказать, профессор, что эта штука запросто стоит у вас на полке? — спросил я.

— В общем да... — Он потер подбородок. — Мне известно, что у меня есть эта бутылка.

— Ну а если, предположим, кто-то вошел бы сюда и отсыпал себе столовую ложку этого зелья? Вы бы заметили?

— Вряд ли. — Профессор Родни покачал головой.

— И все же, профессор, зачем вы держите его здесь в таком количестве? Травите крыс?

— Что вы, господь с вами! — от этой мысли его, казалось, покорило. — Цианистый калий иногда используется в органических реакциях: для образования промежуточных соединений, для обеспечения соответствующей основной среды, как катализатор...

— Понятно, понятно. Ну, и в каких же других лабораториях цианистый калий столь же доступен?

— Да чуть ли не во всех, — не раздумывая, ответил профессор. — Даже в студенческих. В конце концов, это же рядовой химический препарат, обыкновенно применяемый при синтезе.

— А вот сегодняшнее его применение я бы обыкновенным не назвал.

— Да уж, пожалуй, нет, — со вздохом согласился он, потом задумчиво добавил: — Их называли «Биоотечные двойняшки».

Я кивнул. Происхождение этого прозвища было очевидно: две девушки-библиотекашки были очень похожи. Не при внимательном рассмотрении, разумеется. У одной был небольшой острый подбородок и круглое личико, а у другой — квадратная челюсть и длинный нос. И все же, когда они обе склоняются над конторкой, вы видите медово-золотистые волосы с пробором посередине и с одинаковой завивкой. Бросьте беглый взгляд на их лица, и прежде всего вам, вероятно, запомнятся широко поставленные глаза одного и того же синего цвета. Посмотрите, как они стоят на порядочном расстоянии от вас, и вы, наверно, скажете, что они одного роста, а бюстаальтеры у них одного размера и фасона. У обеих были тонкие талии и стройные ноги. А сегодня они даже оделись одинаково — в синее.

Правда, теперь уже спутать их было невозможно: девушка с маленьким подбородком и круглым личиком была напечатана цианистым калием и совершенно мертва.

Эта схожесть прежде всего и поразила меня, когда я прибыл на место происшествия со своим напарником Эдом Хэтуэем. Одна девушка, мерт-

вая, с выпученными глазами, обмякла на стуле, рука у нее повисла, а на полу под ней, как точка под вопросительным знаком, лежала разбитая чашка. Ее звали, как выяснилось, Луэлла-Мэри Буш. Там же находилась вторая девушка (ни дать ни взять ожившая первая): невидящим взором она смотрела прямо перед собой, как бы позволяя занятым работой полицейским обтекать ее со всех сторон. Ее звали Сюзи Мори.

— Родственницы? — был мой первый вопрос. Нет. Даже не троюродные сестры.

Я оглядел библиотеку. К счастью, в тот день народу оказалось мало.

Ровным невыразительным тоном Сюзи Мори рассказала нам, что произошло.

Пожилая миссис Неттлер, старший библиотекарь, взяла подния за свой счет и оставила этих двух девушек приглядывать за хозяйством. Очевидно, ничего необычного в этом не было. В два часа, плюс-минус пять минут, Луэлла-Мэри ушла в заднюю комнату за конторкой библиотекаря. Там, кроме новых книг, ожидавших каталогизации, и стопок журналов, находилась также небольшая электрорилитка, чайник и все необходимое для приготовления чая. Значит, чай в два часа, очевидно, был делом привычным.

— А Луэлла-Мэри готовила чай каждый день? — спросил я.

Сюзи посмотрела на меня своими пустыми синими глазами.

— Иногда этим занимается миссис Неттлер, но обычно варила Лу... Луэлла-Мэри.

Когда чай был готов, Луэлла-Мэри позвала ее, и они пошли пить чай.

— Обе? — резко спросил я. — А кто же присматривал за библиотекой?

— А нам видно через открытую дверь. Если бы кто-то подошел к конторке, одна из нас могла выйти.

— А кто-нибудь подходил к конторке?

— Никто. Сейчас тут почти никого нет. Весенний семестр уже кончился, а летняя сессия еще не началась.

Рассказывать больше было почти ничего. Мешочки с чаем уже были вытасованы из чашек, сахар положен.

— Вы обе пьете с сахаром? — спросил я ее.

— Да, — неторопливо ответила Сюзи, — но в моей сахара не оказалось.

— Не оказалось?

— Я сделала глоток-другой и как раз хотела потянуться за сахаром, когда...

Когда Луэлла-Мэри издала странный сдавленный крик, уронила чашку и через минуту умерла. После чего Сюзи произительно завизжала, а потом пришли и мы.

Все шло по заведенному порядку: сделали снимки, взяли отпечатки пальцев, записали фамилии и адреса мужчин и женщин, находившихся в здании, и отправили их по домам. Причина смерти была очевидна: цианистый калий, а в роли преступника выступала сахарница. Взяли образцы для официальной экспертизы.

В момент убийства в библиотеке находилось шесть человек. Пятеро из них — студенты; они казались испуганными, смущенными, больными — в зависимости, я полагаю, от их характеров. Шестым был мужчина средних лет, причём нездешний, который говорил с немецким акцентом и вообще

* «Что значит имя?» — слова Джульетты из трагедии «Ромео и Джульетта» У. Шекспира (акт 2, сц. 2).

не имел никакого отношения к университету. Он казался испуганным, смущенным и больным — все сразу. Мой напарник Хэтуэй как раз выводил их из библиотеки. Один из студентов оторвался от группы и прошел мимо, даже не взглянув на меня. Сюзан бросилась ему навстречу и схватила за рукава повыше локтей.

— Пит, Пит!

Пит был скроен как игрок в американский футбол — вот только профиль у него был чрезмерно красив. Пит смотрел куда-то мимо девушки, а лицо расплывалось, пока вся краса не потонула в гримасе тревоги и ужаса.

— Как же это Лолли... — сказал он хриплым сдавленным голосом. Сюзан ахнула.

— Не знаю... — она норовила поймать его взгляд. Он так ни разу и не взглянул на Сюзан, а смотрел куда-то через ее плечо. Тут он почувствовал руку Хэтуэя у себя на локте и позволил себя вести.

— Дружок? — спросил я. Сюзан оторвала взгляд от уходящего студента.

— Что?

— Он ваш друг?

Она посмотрела на свои не находящие покоя руки.

— Мы встречались.

— Насколько это серьезно?

— Довольно серьезно, — прошептала она.

— А другую девушку он тоже знает? Он ведь называл ее Лолли.

Она пожалала плечами.

— Ну...

— Давайте выразимся так: он ходил с ней гулять, да?

— Иногда.

— Серьезно?

— Откуда я знаю? — вспыхнула она.

— Успокойтесь, пожалуйста. Она ревновала его к вам?

— Что все это значит?

— Кто-то подсыпал цианистого калия в сахарницу и положил эту смесь только в одну чашку. Предположим, Луэлла-Мэри настолько преревновала, что решила попробовать вас отравить, чтобы никто не мешал ей гулять с вашим дружком Питом. И, предположим, она по ошибке сама взяла не ту чашку.

— Это безумие, — возразила Сюзан. — Луэлла-Мэри никогда бы такого не сделала.

Но ее губы превратились с тонкую ниточку, глаза блестили. И я никогда не обманываю, если слышу в чьем-то голосе нотки ненависти.

В библиотеку вошел профессор Родни. Он был первым, кого я встретил в этом здании, и я по-прежнему относился к нему с прохладцей.

— Миссис Неттлер у меня в кабинете, — сообщила она, появившись в библиотеке. — Видимо, она услышала о случившемся по радио и сразу же явилась. Она очень взволнована. Побеседуете с ней? — В его устах это прозвучало как приказание.

— Приведите ее, профессор. — Я постарался, чтобы это прозвучало как разрешение.

Миссис Неттлер, что типично для пожилых дам, не знала, как себя держать. После того, как она заглянула во внутреннюю комнатку, она мешком опустилась в кресло и расплакалась.

— Я и сама пила здесь чай, — простонала она. — Это могла оказаться и...

Я произнес тихо и как мог успокаивающе:

— Когда вы пили здесь чай, миссис Неттлер?

Она повернулась в кресле, подняла глаза.

— Господи... господи... да, по-моему, в самом начале второго. Помню еще, что предложила чашечку профессору Родни. Пошел ведь как раз второй час, правда, профессор Родни?

На лице Родни промелькнула тень недовольства. Он сказал мне:

— Я забегал сюда на минутку, чтобы навести одну справку. Миссис Неттлер действительно предложила мне чашку чаю. Но я был слишком занят, чтобы принять приглашение или заметить точное время.

Я хмыкнул и снова вернулся к старушке.

— Вы пьете с сахаром, миссис Неттлер?

Она кивнула и снова расплакалась. Подождя, я спросил:

— А вы не заметили, в каком состоянии была сахарница?

— Она была... она была... — неожиданно удивившись этому вопросу, она вскочила на ноги. — Она была пуста. Я сама насыпала из двухфунтовой коробочки сахарного песка, помню еще, сказала, что, когда бы мне ни захотелось сахару, его не оказывается, и пожалела, что девочки... — Она снова расплакалась, употребив слово «девочки».

Очевидно, между часом и двумя кто-то опорожнил сахарницу, а затем насыпал немного сахара, тщательно подмешав туда отраву.

Возможно, появление миссис Неттлер вернуло Сюзан обычную строгость библиотекаря, потому что, когда Хэтуэй потянулся за сигарой — спичку он уже зажег, — девушка сказала:

— В библиотеке не курят, сэр.

Хэтуэй так удивился, что задул спичку, а сигару сунул обратно в карман. Девушка быстро прошла к одному из длинных столов и протянула руку за большим раскрытым томом, но Хэтуэй опередил ее.

— Что это вы хотите сделать, мисс?

Она удивилась.

— Поставить книгу обратно на полку.

— Зачем? А что это? — он взглянул на раскрытую страницу. К тому времени я тоже уже оказался у стола. Я заглянул через его плечо. Книга была немецкая. Я не читаю на этом языке, но узнаю его, когда вижу текст. Шрифт был мелкий, страница пестрела какими-то геометрическими фигурами и разрозненными строчками букв. Тут и моих познаний хватало, чтобы догадаться, что это химические формулы. Заложил страницу пальцем, я закрыл книгу и посмотрел на корешок.

— Это том Байлштайна, — сказал профессор совершенно невыразительным голосом, будто стоял на кафедре с указкой и мелком в руках. — Нечто вроде энциклопедии органических соединений. Тут их перечислено несколько сотен тысяч.

— В этой книге? — спросил Хэтуэй.

Профессор похлопал книгу таким дружеским жестом.

— Берясь за какое-нибудь неизвестное вещество, — сказал он, — не мешает сперва справиться о нем у Байлштайна. У него вы найдете способы приготовления этого вещества, его свойства, справочную литературу и все такое прочее. Вещества выстроены по ясной, но не сразу заметной логической системе. В своем курсе по органическому синтезу я отвожу несколько лекций методике на-

хождения того или иного вещества в любом из этих шестидесяти томов.

Я пришел туда вовсе не для того, чтобы изучать органический синтез, и резко сказал:

— Профессор, я хочу побеседовать с вами в вашей лаборатории.

И вот я стою, держа в руках фунт цианистого калия и понимая, что всяк, кому не лень, мог взять любое его количество, просто попросив, а то и без всякого спросу. А профессор задумчиво говорит:

— Их называли «Библиотечные двойняшки».

Я кивнул.

— Ну и что?

— А только то, что это доказывает, сколь поверхностны суждения большинства людей. В них не было совершенно ничего похожего, кроме волос и глаз. Вы, наверное, полагаете, что умершая девушка сама замышляла убийство?

Я пока не собирался высказывать свои мысли вслух.

— А вы разве так не думаете? — спросил я.

— Нет. Она не была способна на такое. Она исполнила свои обязанности с неизменной вежливостью и готовностью помочь. Кроме того, с чего бы вдруг ей это делать?

— А из-за одного студентика, — отвечал я. — Его имя Питер.

— Питер Ван-Норден, — сразу же сказал он. — В меру смывленный, но почему-то никудашный студент.

— Девушки оценивают людей по иным меркам, профессор. Обе библиотекарши, похоже, очень им интересовались. Сюзь, вероятно, добилась больших успехов, и Луэлла-Мэри, возможно, решила действовать.

— А потом взяла по ошибке не ту чашку? Я в это не верю.

— Что же тогда, профессор? Сахар был отравлен после того, как миссис Неттлер пила чай в час дня. Сделала ли это миссис Неттлер?

Он быстро поднял глаза.

— А какой у нее может быть мотив?

Я пожал плечами.

— Может быть, она боялась, что девушки займут ее место.

— Вздор. Она уходит на пенсию перед началом нового учебного года.

— Вы тоже были там, — мягко сказал я.

К моему удивлению, он воспринял это совершенно спокойно.

— Мотив? — спросил он.

— Вы не так уж стары, профессор, и могли заинтересоваться Луэлой-Мэри. Предположим, она грозилась сообщить декану о том, что вы когда-то сказали или сделали.

Профессор горько улыбнулся.

— Как же я мог наверняка знать, что цианистый калий достанется тому, кому он предназначен? И почему одна чашка должна оказаться вовсе без сахара? Я мог отравить сахар, но не я же заваривал чай.

Мое мнение о профессоре Родни начало меняться. Он даже не подумал изобразить возмущение. Он просто указал на логический изъян моего утверждения, и я сразу оставил его в покое. Это мне понравилось.

— Что же, по-вашему, тут произошло? — спросил я.

— Зеркальное отображение, — сказал он. — Нечто прямо противоположное. Я полагаю, оставшаяся в живых все перевернула. Предположим, что парень достался Луэлле-Мэри, а Сюзь это не понравилось. Скорее было так, а не наоборот. Предположим, что на этот раз именно Сюзь готовила чай, а Луэлла-Мэри сидела за конторкой. В таком случае, девушка, заваривающая чай, взяла бы нужную чашку и осталась невредимой. И все было бы логично.

Это-то все и резюмирует. Этот человек пришел к тому же выводу, что и я, так что в конечном счете мне понравился, хотел я того или нет.

— Это надо неопровержимо доказать, — продолжал я. — Но как? Я думал, что доступ к цианистому калию имел кто-то один, а не кто угодно. Но доступ был у всех. И что же мне теперь делать?

— Проверьте, какая девушка на самом деле сидела за конторкой в два часа, пока готовился чай, — предложил профессор.

Мне стало ясно, что он читает детективные истории и оттого доверяет свидетельствам очевидцев. Я такими делами не занимался, но тем не менее встал.

— Что ж, профессор, так я и поступаю.

— Могу ли я присутствовать при этом? — спросил профессор, словно речь шла о настоятельной необходимости.

Я задумался.

— А зачем? Ответственность перед деканом?

— В некотором смысле. Хочу, чтобы все это поскорее кончилось.

— Иденте, — сказал я, — если считаете, что это поможет.

Эд Хэтуэй поджидал меня в пустой библиотеке.

— Я понял, — сказал он, — как все это произошло. Я вывел это методом дедукции.

— О-о?!

На профессора Родни он не обращал никакого внимания.

— Цианистый калий пришлось протаскивать со стороны. Кто же это сделал? Тот случайный посетитель, который говорил с акцентом, как там его... — он стал копаться в карточках, на которые занес сведения о свидетелях.

Я знал, кого он имеет в виду, и сказал:

— Ничего, имя не имеет значения. Что значит имя? Продолжай.

Это мое высказывание доказывает лишь, что и я могу быть так же глуп, как и любой другой.

— Он немец, книга тоже немецкая. Он, возможно, был с нею знаком. Он положил конвертик на заранее выбранную страницу, согласно какой-то особой формуле, заранее выбранной... Профессор говорил, что есть какой-то способ найти любую формулу. Верно, профессор?

— Верно, — холодно ответил тот.

— Ну вот. Библиотекарша знала формулу, так что могла найти эту страницу. Она берет цианистый калий и высыпает его в чай. От волнения забывает закрыть книгу...

— Послушай, Хэтуэй, с чего бы этот человек стал заниматься такими делами? Как он объясняет свое присутствие здесь?

— Говорит, что он скорняк, и его интересуют репелленты моли и инсектициды. Вы когда-нибудь слышали подобную чушь?

— Конечно, слышали. Твоя версия, к примеру, — сказала я. — Послушай, ну кто станет прятать

конверт с цианистым калием в книге? Стоит снять том с такой «закладкой» с полки, как он сам раскроется на нужной странице. Ничего себе тайничок!

Хэтуй понемногу становился похожим на дурчака, а я беспощадно довершал разгром:

— Кроме того, цианистый калий вовсе необязательно протаскивать сюда тайком с улицы. Тут его навалом, чуть ли не тонны. Любой, кому нужен фунт-другой, может запросто взять. Спроси у профессора.

Глаза Хэтуйа полезли на лоб, он порывался в кармане пиджака, вытаскивая какой-то конверт и извлек из него печатную страницу с немецким текстом.

— Это из того немецкого тома, который...

Профессор Родни вдруг побагровел:

— Вы вырвали страницу из Байштайна! — выкрикнул он пронзительным голосом, что чертовски меня удивило. Ни за что бы не подумал, что он способен кричать.

— Я думал, — оправдывался Хэтуй, — попробовать ее на отпечатки пальцев с клейкой лентой. А может, удалось бы обнаружить крупинки цианистого калия.

— Дайте ее сюда! — завопил профессор. — Невестивший болван!

Он разглядел страницу, осмотрел обе ее стороны, убеждаясь, что текст цел.

— Вандаа! — прорывал он, и я уверен, что в тот миг он мог бы запросто убить Хэтуйа.

Профессор Родни, возможно, был убежден в виновности Сюзн и, если уж на то пошло, я тоже. Однако уверенность присяжным не представив. Нужны доказательства. Поэтому, не доверяя свидетелям, я решил нанести удар, сыграв на единственной слабости возможного виновника.

Я позвал Сюзн и задал ей ряд новых вопросов. Если же вопросы не помогут изобличить ее, думал я, то, возможно, девушку подведут нервы.

Но первым я допросил маленького скорняка-немца, который был страшно напуган.

— Я ничего не сделал, — лопотал он. — Пожа-луйста, у меня работа. Сколько мне здесь оставаться?

— Вы пришли сюда незадолго до двух часов, верно?

— Да. Мне хотелось почитать о репеллентах моли...

— Хорошо. Когда вы вошли, вы направились к конторке, верно?

— Да. Я назвал свою фамилию, сказал, кто я, что мне нужно...

— Кому сказали? — задал я главный вопрос.

Маленький человечек устался на меня. У него были курчавые волосы и запавший рот, из-за которого он казался беззубым. Но когда он говорил, отчетливо были видны маленькие пожелтевшие зубки.

— Эй, — сказал он. — Я сказал ей, девушке, которая там сидела.

— Совершенно верно, — невыразительным голосом подтвердила Сюзн. — Он разговаривал со мной.

— Вы уверены, что говорили именно с этой девушкой? — обратился я к скорняку.

— Да, — подтвердил он, — я назвал ей свою фамилию и сказал, что мне нужно, и она улыбнулась. Она показала мне, где найти книги по инсекти-

цидам. Затем, когда я отходил от конторки, вон оттуда вышла еще одна девушка.

— Прекрасно! — сказал я. — Вот фотография другой девушки. Скажите, вы говорили вот с этой девушкой за конторкой, а из задней комнаты вышла та, которая на фотографии? Или вы говорили с той девушкой, которая на фотографии, а девушка, сидящая сейчас за конторкой, вышла из задней комнаты?

Долгую минуту скорняк пристально разглядывал сначала девушку, потом фотографию.

— Они же совсем одинаковые.

Я выругался про себя. На губах Сюзн заиграла едва заметная улыбка, которая почти тут же исчезла. Должно быть, на этом она и строила свои расчеты. В библиотеке почти никого не было из студентов, чужой вряд ли станет вглядываться в библиотечкаря — такую же принадлежность читального зала, как книжные полки.

Теперь я уже знал, что она виновна, но знание еще ничего не значит.

— Ну, так которая же? — спросил я.

— Я говорил с ней, с той, которая за конторкой, — ответил он с видом человека, которому хочется покончить с допросом.

— Совершенно верно, — невозмутимо подтвердила Сюзн.

Я уже успел до дна исчерпать свои надежды на ее слабые нервы.

— А вы могли бы присягнуть в этом? — спросил я скорняка.

— Нет, — тут же ответил он.

— Что ж, Хэтуй, уведи его и отправь домой.

Профессор Родни подался вперед и тронул меня за локоть.

— Почему она улыбнулась этому человеку, когда он сказал, какие книги ему нужны? — шептал он.

— А почему бы и нет? — шепнул я в ответ, но все равно задал девушке этот вопрос. Брови у нее слегка вздрогнули.

— Обыкновенная вежливость. Что в этом удурного?

Она прямо ликовала, я мог бы в этом поклясться. Профессор слегка покачал головой и снова шепнул мне:

— Она не из тех, кто улыбается незнакомцам, с которыми надо возиться. За конторкой наверняка сидела Лузла-Мэри.

Я пожал плечами, представив себе, как выкладывая подобные доказательства комиссару.

Четверо студентов ничего не видели, и их допрос почти не отнял времени. Они занимались исследованиями, знали, какие им нужны книги и где они стоят. Они не задерживались у конторки, не могли сказать, кто и когда за ней сидел. Никто даже не поднимал глаз от книг, пока пронзительный крик не всполошил всех и вся.

Пятым был Питер Ван-Норден. Он вперил взор в большой палец своей правой руки. Ноготь на нем был жутко изгрызен. На Сюзн он даже не взглянул. Я дал ему немного посидеть и прийти в себя. Наконец я спросил:

— Что вы здесь делаете в такое время года? Насколько я понял, сейчас каникулы.

— У меня через месяц кандидатский минимум, — пробормотал он. — Я занимаюсь. Если я сдам экзамен, то смогу работать над своей диссертацией, понимаете?

— Я полагаю, вы задержались у конторки, войдя сюда?

— Нет, не думаю. По-моему, я не задерживался,— ответил он так же тихо, как и прежде.

— Странно, не правда ли? Я полагаю, вы хороший друг как Сюзн, так и Луэаллы-Мэри. Разве вы не говорите им «привет»?

— Я волновался. Я думал об экзамене. Мне надо было заниматься. Я...

— Выходит, у вас даже не нашлось времени сказать «привет»? — Я посмотрел на Сюзн, чтобы узнать, как все это действует на нее. Она побледнела. Но ведь мне надо было и показаться.

— Однако вы были чуть ли не обручены с одной из них. Разве не так? — спросил я.

Он поднял глаза, в которых отразилась смесь тревоги и возмущения.

— Нет! Я не могу обручиться, пока не получу степень. Кто вам сказал, что я обручен?

— Я сказал «чуть ли не обручен».

— Нет! Может, мы и встречались раз-другой, но что значит одно-два свидания?

— Полноте, Пит,— вкрадливо сказал я.— Которая же из них была вашей подружкой?

— Говорю вам, ничего подобного не было! — Он так усердно умывал руки от этого дела, что казалось, весь погрузился в невидимую пену.

— Ну так как? — вдруг спросил я Сюзн.— Останавливался он у вашей конторки?

— Он помахал рукой, когда проходил,— сказала она.

— В самом деле, Пит?

— Не помню,— угрюмо ответил он.— Может, и помахал. Ну и что?

— А ничего,— сказал я. В душе я жалел Сюзн. Если ради этого типа она убива человека, ее старания канули втуне. Я был уверен, что отныне он на нее и внимания не обратит, даже если она рухнет ему на голову с крыши двухэтажного дома. Она, должно быть, тоже это поняла. Судя по взгляду, брошенному ею на Питера Ван-Нордена, его можно было считать вторым кандидатом на угодение цианистым калием. Если, конечно, все сойдет ей с рук. А дело к тому и шло...

Было уже около шести, и я не представлял себе, что еще можно сделать. Выходило, что никто даже не опровергал утверждений Сюзн. Будь у нее преступное прошлое, уж мы бы смогли выжать истину, если не напором, то измором. Но к ней такие способы неприменимы. Я повернулся к профессору, готовый высказать это вслух, но он неотрывно смотрел на карточку Хэтэуэ. Во всяком случае, на одну из них, которую держал в руках. Знаете, рассказывают, будто у кого-то там руки дрожат от волнения, но видеть такое приходится нечасто. Рука Родни дрожала как молоточек старомодного будильника. Он прокашлялся.

— Позвольте мне задать ей один вопрос.

— Валийте,— сказал я. Терять было уже нечего. Он посмотрел на девушку и положил карточку на стол чистой стороной вверх.

— Мисс Мори,— неуверенно сказал он. Казалось, он намеренно избегал обращения по имени. Сюзн воззрилась на него. На какое-то мгновение она, казалось, занервничала, но это прошло, и она снова была спокойна.

— Да, профессор?

— Вы улыбнулись, когда скорняк сказал, что ему нужно. Почему?

— Я же сказала вам, профессор Родни. Это была простая вежливость.

— А может, в том, что он сказал, было нечто особенное, смешное?

— Я старалась быть вежливой,— повторила она.

— Возможно, вам показалась забавной его фамилия, мисс Мори?

— Не особенно,— безразлично сказала она.

— Ну что же, его фамилию еще никто не упоминал. Я не знал ее, пока случайно не взглянул на эту карточку. Так какая же у него была фамилия, мисс Мори? — вдруг воскликнул он полным волнения голосом.

— Не помню,— помолчав, ответила она.

— Ах, не помните? Он же назвал свою фамилию, разве нет?

В ее голосе зазвучало раздражение:

— Ну и что, если назвал? Фамилия, она фамилия и есть. Вряд ли после всего случившегося можно ожидать, что я запомню какую-то там иностранную фамилию, которую слышала раз в жизни.

— Значит, она была иностранная?

Она резко дала задний ход, избегая ловушки.

— Не помню. Мне кажется, это была типично немецкая фамилия. Да мне все равно, как его звали, пусть хоть Джон Смит.

— Что вы пытаетесь доказать, профессор Родни? — спросил я.

— Я пытаюсь доказать,— твердо заявил он,— а фактически уже доказываю, что именно Луэалла-Мэри сидела за конторкой, когда вошел скорняк. Он назвал свою фамилию, и эта фамилия вызвала у Луэаллы-Мэри улыбку. И именно мисс Мори выходила из задней комнаты, когда он отворачивался от конторки. Именно мисс Мори, вот эта девушка, только что заварившая и отравившая чай.

— Вы основываете свое утверждение на том факте, что я не могу запомнить имя какого-то человека,— пронзительно вскричала Сюзн Мори.— Это смехотворно!

— Нисколько,— отвечал профессор.— Будь вы за конторкой, вы бы запомнили его фамилию, вы бы просто не смогли забыть ее. Если бы вы сидели за конторкой,— он поднял карточку.— Фамилия этого скорняка Байштайн. Байштайн!

Из Сюзн вышел весь дух, как будто ее пнули ногой в живот. Она побледнела как мел. Профессор увлеченно продолжал:

— Ни один сотрудник химической библиотеки ни за что не забыл бы фамилию человека, который заявляет, что он Байштайн. Эта шестидесятилетняя энциклопедия, которую мы сегодня упоминали раз пять, неизменно именуется по фамилии ее редактора, Байштайна. Эта фамилия для сотрудника химической библиотеки все равно, что Джордж Вашингтон или Христوفر Коулумб. Для него она привычнее любого из этих имен. Если эта девушка утверждает, что забыла фамилию, значит, она ее вовсе не слышала. А не слышала она ее потому, что не сидела за конторкой!

Я встал и мрачно сказал:

— Ну, мисс Мори, что вы на это ответите?

Она так пронзительно завизжала в истерике, что у нас чуть не полопались барабанные перепонки. Полчаса спустя она во всем призналась.

Перевод Владимира Постникова

Руслан Михеев

Полет

Куделин умел летать, но невысоко и только в присутствии женщин. Гуляя по парку, он для этого и знакомился с девушками — чтобы воспарить.

Куделин был плохим собеседником, и девушка вскоре начинала скучать. Тогда он говорил: «Вы знаете, я ведь летаю...» Девушка недоверчиво улыбалась, а Куделин уже разминался: подпрыгивал, размахивал ногами, крутил шейю. Он всегда воодушевлялся, получился ли, чувствуя, что с каждым разом отрывается от земли все тяжелее. «Самое сложное, — думал Куделин, — это взлететь. Надо стараться использовать порыв ветра». Куделин не мог все же объяснить, как это у него получалось, но он — летал. Летал медленно, осторожно, поглядывая на девушку, проверяя, смотрит ли она на него — иначе Куделин упал бы. Он летал кролем, загребая то левой, то правой рукой. Под другому Куделин летать боялся.

Покружив немного по аллеям, он подлетал к дереву, выбирая сук понадежней, и отдыхал на нем. Выше деревьев Куделин не летал. Он тяжело дышал, сидя на суку, и махал рукой девушке, которая с интересом смотрела на него снизу.

Куделин с детства привык лазить по деревьям, и поэтому спускаться ему было легко. Куделин встречала его, а Куделин напряженно ждал, что она скажет.

— Вы что, в цирке работаете? — обычно спрашивала девушка, и Куделин расстраивался. Он действительно работал в цирке — билетером, но какое это имело значение? Куделин хотел бы услышать вопрос об ощущениях, испытанных в полете. Но девушка, видя, что он устал, вытирала пот со лба Куделина и усаживала его на скамейку. Если потом случайно Куделин встречал ее и она

предлагала ему полетать немного, он отказывался, ссылаясь на нелетную погоду...

С Наташей все было по-другому. Сначала Куделин обратил на нее внимание только потому, что давно не летал. А летать очень хотелось, и он все-таки поговорил с ней. Неожиданно он обнаружил в себе неслыханное ранее никем красноречие. Они говорили долго-долго, и едва Куделин воспарил, ему захотелось, чтобы Наташа оказалась рядом с ним.

— Летите ко мне! — крикнул Куделин. Она не сразу, но оторвалась от земли и неуверенно приблизилась к нему. Наташа летала беспорядочно и совсем иначе, чем Куделин — они несколько раз сталкивались в воздухе, но это было даже приятно. Они смеялись и возвышенно беседовали.

— Поднимемся еще хоть чуть-чуть, — сказала Наташа.

— Не стоит, здесь спокойнее, — пробормотал Куделин, обхватив руками верхушку самого высокого дерева. Слегка покачиваясь на ветру, он смотрел, как кружится Наташа. А она, ловя его взгляд, вдруг стала стремительно набирать высоту и вскоре скрылась за небольшим кучевым облаком.

Николай Харин

Рационализация

Раньше мы сосредоточенно дремали на собраниях, заседаниях и других конференциях. Группа рационализаторов предложила заменить мягкие кресла в залах на деревянные стулья. Этот передовой опыт, дескать, уже с успехом внедрен в ГДР, что привело к сокращению времени заседаний на 45 процентов. Теперь нам не спится — мы стали сосредоточенно читать, вязать и играть в «морской бой». Но собрания не стали короче. А самые стойкие продолжали дремать.

Группа энтузиастов заменила стулья на колчонные табуретки — у них вообще нет спи-

нок, а экономия пошла в фонд зарплаты. Теперь мы читаем, вяжем и играем в «морской бой», ерзяя на неудобных табуретках, а консерваторы уже привыкают спать полустоя на полусогнутых. Но собрания не стали короче!

Все дело в том, что в президентуре по-прежнему мягкие кресла!

Александр Кондратьев

Подражатель

Директорские «Жигули» резко затормозили и остановились.

— Молодой человек! Вы у нас работаете? — закричал директор, выходя из машины.

— Да... В конструкторском бюро... — сказал паренек.

— Что у вас за вид? Как вы можете являться на работу в таком виде! Все это иностранное раньше... Куртка чья? Австрийская?.. А эта тряпка с иероглифами — японская. Кроссовки чьи? Английские... Что за подражание Западу! У кого вы этому научились?

— У вас, — сказал паренек.

Директор не понял.

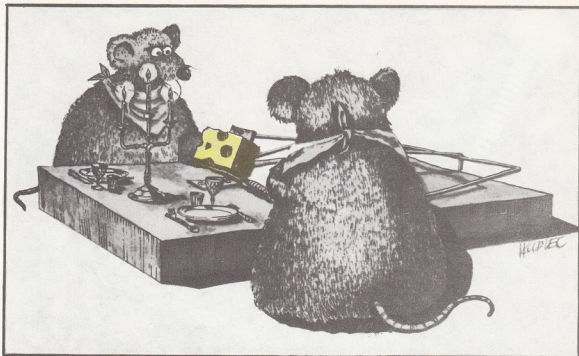
— Когда новые станки протестировали, — говорил паренек, — вы сказали: посмотреть на австрийские и сделать точно такие же. Электронике япая под Японию. А микропроцессоры...

«Больно все умные стали», — подумал директор и зашагал прочь.

Александр Трофимов

Договор

Наконец-то мне позвонили из издательства и сказали, что со мной заключили договор на мою первую книгу. Радости не было предела. Она не помещалась в комнате, и я вышел на улицу. Зашел в кафе, взял мороженое. Казалось, что все вокруг радуется вместе со мной. Рядом присела красивая девушка. Тщеславие распирало меня.

— Девушка, а со мной сегодня договор заключили в издательстве...

— Вы для рок-группы пишите? — глаза девушки призывно распахнулись.

— Нет.

— Вы писатель? — без первоначального восторга спросила она.

— Да, — без гордости выдал я свою тайну, лежавшую на поверхности.

Она помолчала чуть торжественно. Ну уж телефон-то даст точно, — решил я.

Она посмотрела на мою бороду и спросила с надеждой:

— Вы Юлиан Семенов?

— Нет, — ошелся я.

После короткой паузы она спросила:

— Пиккуль?

Она с такой надеждой спросила, что я пожалел, впервые в жизни, что я не Пиккуль и не Юлиан Семенов. Но что мне оставалось? Я честно покачал головой. Соседка напряженно прикусила губу. На лбу отразилась работа мысли. Я сочувственно посмотрела на нее. Почему-то мне было стыдно.

Потом она с особенным вниманием взглянула на меня и осторожно проговорила:

— Вы Лев Толстой?

Я молча встал.

Красивая была девушка...

Ирина Кононихина

Индивидуальность

Я сижу на окне у себя в кабине, на 19-м этаже, свесив вниз ноги. Подо мной огромный город. Как муравьи, снуют туда-сюда люди. Никто не смотрит вверх, никто не видит, что на 19-м этаже сидит экстравагантная девица и болтает ногами. Если бы я сидела на 2-м этаже, все бы сразу увидели. Но это не было бы удивительно! Подумаешь, 2-й этаж, ведь это же не девятнадцатый! На девятнадцатом не каждому дано сидеть! Ну вот я сижу, а никто не видит.

Вдруг вижу — в доме напротив сидит на окне девица, свесив ноги. Тоже на девятнадцатом этаже. «Ну и дура, — думаю я, — нашла чем удивить!» Слезаю с окна и иду на кухню пить кофе. Чем бы еще заняться?..

ФРАЗЫ

Если идея не укладывается в голове, значит, она попала не в ту голову.

Воспитанный человек не тот, кто ничего не выносит с черного

хода, а тот, кто постарается не заметить, как это делают другие.

Женщины живут дольше мужчин, но разве это жизнь?

Мини-анекдоты

Студент обращается к профессору:

— Вы согласны, что экзамен — это лотерея?

— В какой-то степени... да.

— Тогда, может быть, мне

тянуть не билет, а сразу оценку?

Профессор спрашивает студента:

— Почему вы спите на лекции?

— Жалко терять время ночью, — отвечает студент.

Профессор — студенту:

— Вы мне должны сдать английский язык, а сдаете, насколько я понимаю, испанский.

— Простите, профессор, неужто сегодня ночью я спутал учебники?

Миниатюры придумали
Г. Степаненко, В. Шевцов,
Е. Малокова

СПОРТ. СПОРТ. СПОРТ

Всегда и искренне Ваш...

Минул ровно год со времени объявления конкурса «По подсказке читателя» на самого обаятельного спортсмена зимних Олимпийских игр в Калгари. Среди лауреатов представители самых разных видов спорта. Об одном из них... Впрочем, знакомьтесь: олимпийский чемпион Николай Гуляев. Уверены, он еще не раз порадует нас великолепными рекордами.

Его узнают всюду. В Канаде и Голландии, Норвегии и Швеции. Едва только появится на улице, в гостинице, на катке, а уж тянутся руки за автографом. Со всех ледовых турниров, даже тех, что он не выигрывал, непременно летят по фототелеграфу его снимки. Мощный бег, как полет. Широкая щедрая улыбка, предназначенная всему миру. Он стал как бы символом конькобежного спорта. Символом силы и искренности.

Глядя на эти снимки, я почему-то вспоминаю январь 1987 года. Тронхейм. Чемпионат Европы. Завьюженный каток на окраине. Ликующие трибуны. Репортерская свита вокруг кумира Норвегии — ре-

кордсмена мира Гейра Карлстада. Ему прочили легкий путь (не путь даже — прогулку) к европейскому пьедесталу, и публика сгорала от нетерпения, ожидая триумфа Карлстада. А тем временем по тренировочному кругу одиноко катил высокий человек в синем обтекающем комбинезоне. Он был чужим на этом стадионе. На него никто не обращал внимания, и только служители катка с недоумением поглядывали на этого таинственного русского.

На следующий день таинственный незнакомец стал чемпионом Европы, приведя в шоковое состояние Карлстада, трибуны и весь спортивный мир. Еще через день норвеж-

ская газета, словно удивляясь своему открытию, написала: «Вчера мы его не знали в лицо. Сегодня же трудно представить себе чемпиона более достойного и симпатичного, чем он».

Да, Николай Гуляев ворвался в конькобежный свет ошеломляюще дерзко и стремительно. За два сезона он выиграл все высшие титулы, существующие в спорте. В сезоне-87, когда ему еще и двадцати одного года не исполнилось, стал чемпионом Европы и мира в классическом многоборье, а год спустя выиграл золотую олимпийскую медаль в Калгари на дистанции 1000 метров. Такого история коньков еще не знала.

В 1982 году на первом в своей жизни крупном турнире — чемпионате страны среди юношей в Горьком — за десять минут до старта в раздевалку вбежал первый наставник Гуляева — Юрий Осадкин. И ужаснулся: сидит Николай на скамеечке босой, в трико и майке.

— Что случилось? Почему не одет?! — воскликнул Осадкин.

— Извините, Юрий Николаевич, у Сережи Лучкина из Уфы комбинезона своего нет. А ему позарез бежать нужно. Ну я свой и отдал.

Приехал однажды на трени-

СТМ представляет: Николай Гуляев

Фото А. Голованова

ровку без роликовых коньков — забыл дома. Васильковский возмущался, а он: «Не волнуешься, достану!» И достал-таки ролики 41-го размера, а у него 44-й. Обрезал носки ботинок, явился на тренировку — катается, весело насвистывает.

На южном сборе команда тренировалась в шоссейных гонках. У всех велосипеды гоночные, никелем блестящие, на таких только лучшие шоссейники гоняются, а для Гуляева подходящего велосипеда не оказалось — ему машина особая, тяжелая нужна. Тренеры говорят: — Садись в «техничку», поедем за гонкой. Словом, отдыхай.

А тот только усмехается: — Как это — отдыхай! У меня своя машина есть! Я на ней — ух, как прокачусь!

И тащит дамский велосипед без рамы. Где только раздобыл — на таких барышни в парках катаются. Говорит: «Чем не машина? И на такой погоняюсь». И сто километров мелькала его дамская игрушка среди блестящих на солнце никелированных машин. И за все сто километров ни разу не остановился, от группы не отстал.

Кое-кто его упрекает:

— Это ведь спорт, а не игра!

А он искренне удивляется:

— А разве спорт не игра?

По характеру он игрок, импровизатор. Лед для него будто полигон для испытания чувств, мысли, полигон для творчества. Его бег всегда наполнен пылкой страстью, безрассудной отвагой, постоянным риском. В олимпийском Калгари бежал пятьсот метров только на золотую медаль (других медалей он, максималист, не признает) и на вираже вылетел в поролоновые маты у бровки, подняв фонтан ледяных брызг. Падение это потом забылось (особенно после блестящей победы на тысячу метров), как и другие, что случались до Калгари, а бег его в памяти остался навсегда — яростный, неповторимый, захватывающий. Знаю многих, кто ходит на каток специально смотреть этот бег Гуляева, как ходят в театр на любимого актера.

Кто же он — самый достойный и симпатичный чемпион? Как и когда вошла на конькобежный небосклон его счастливая звезда?

...Алексей Иванович Гуляев, инженер-строитель по профессии, человек упорный и отчаянный, слыл в Вологде конькобежцем умелым и самобытным. Мастер спорта, чемпион «Труда», чемпион Северо-Западной зоны России.

Когда соревнования проходили в Вологде, Гуляев брал на стадион сына. Гуляев-младший ждал таких дней с нетерпением, как больших праздников, и, словно верный оруженосец, носил в большой сумке коньки и спортивный костюм отца, и на стадионе ему разрешали подойти к самой бровке, и оттуда он с восторгом смотрел, как отец мощно резал диковинными «балангрудами» бугристый, шершавый лед, как неизменно приходил к финишу первым. Глядя восхищенно на лед, Николай и предположить не мог, что когда-то пойдет дальше от-

ца, с этого же бугристого льда, с этого маленького стадиончика шагнет на лучшие катки мира, принесет славу и себе, и своей Вологде.

Выбор Гуляева-младшего предопределило не только увлечение отца. Заядлой спортсменкой была и мать, Маргарита Константиновна, техник-химик на заводе. Вся семья покачивалась от хохота, когда она рассказывала историю из времен своей юности:

— Проводились у нас как-то заводские соревнования по лыжам среди бригад. Я в своей бригаде — главное действующее лицо, лидер, как сейчас говорят. А меня мать, бабка Николая, ни в какую не пускает: стыдно, мол, говорит, с парнями бегать. Я вроде соглашаюсь, а сама тайком шаровары под юбку натягиваю, бегу на старт и лечу три километра с сумас-

шедшей скоростью, чтобы до- мой быстрее вернуться. И только на следующий день узнаю, что какой-то фантастический рекорд установила, и меня судьи до позднего вечера разыскивали, чтобы вручить приз.

Повезло ему не только с родителями, но и с тренерами. И первым вологодским тренером Юрием Осадкиным — молодым выпускником Смоленского инфикульты, который давал ему первые уроки на льду и с которым они (разница в годах была невелика) порой спорили до хрипоты и о методике, и о тактике бега, а главное, о том, как здесь, в неконькобежной Вологде, вдали от признанных центров, бросить вызов миро-

вым лидерам. Мечты были дерзкие, но оба они, учитель и ученик, верили в них самозабвенно, так же самозабвенно работали на льду.

Повезло и с преподавателями института физкультуры в Москве, куда он поступил после школы — Виктором Чурсиным и Анатолием Везденежных. Это они, когда у Гуляева еще и начинающих беговых коньков не было, пошли в Спорткомитет и доказывали там, убеждали, что Гуляев может стать выдающимся конькобежцем, что специальные коньки ему нужны позарез, и внимание тоже. Доказали-таки, убедили, и именно тогда имя Николая Гуляева впервые появилось в списках скороходов,

которые проходили под банальным кодовым названием «перспективные».

Повезло и с тренером сборной «Буревестника» Людмилой Перель — тренером тактичным, тонким, через руки которой прошло немало знаменитых чемпионов. В студенческой группе он был самым младшим и самым еще неумелым скороходом, и Перель была к нему особенно внимательна, бережно опекала.

Главная же для него встреча состоялась летом 1984 года. Встреча с Борисом Васильковским.

Как-то к Васильковскому подошел Владимир Иванович Мацнев, его бывший учитель, один из знаменитой гвардии «стариков». Как бы вскользь заметил:

— Тут один парень появился — из Вологды. Чудо-парень. Присмотрись к нему. Фамилия — Гуляев.

Васильковский взглянул в протокол забегов. На дистанции 5000 у Гуляева был результат 7 минут 08,50 секунды. Результат средненький. Многие той весной бегали быстрее. Но Мацнева обижать не хотел. Пообещал за новичком присмотреть. Включил кандидатом в сборную. По весне, как правило, кандидатов набиралось немало, к осени многие отсеивались, не выдерживали отбора. Словом, Васильковский решил подождать до осени.

Сборная в ту пору была хоть молода, но знаменита. Известность к ней пришла за одну последнюю зиму. Игорь Малков носил титул олимпийского чемпиона, Олег Божьев — чемпион мира, Виктор Шашерин — мирового рекордсмена. Из «стариков», которым, впрочем, не было и двадцати пяти, оставались только Дмитрий Бочкарев — вице-чемпион мира, и Сергей Березин — победитель мировых и европейских первенств в марафоне. Кроме титулов, у каждого был свой нрав.

Но Гуляев вписался в эту пеструю компанию так легко и непринужденно, будто был знаком с ней всю жизнь. При этом в общении не подстраивался ни под чей характер, всегда оставался самим собой. И эта естественность подкупала. Новичку помогали чем могли, радовались его успехам, утешали в минуты неудач.

— В ритм, в жизнь сборной он вошел удивительно быстро, — вспоминает Васильковский. — На вид он не представлял собой ничего особенного. Высок — 192 сантиметра, но очень уже слаб был, на коньках стоял неуверенно, вот-вот ветром сдует. Но характером своим безоружия сразу. В работе он человек железный, все дела от и до, во всем любил порядок. И все же с самого начала я понял, что к нему надо относиться бережно. Ему нельзя было просто заложить программу — делай, мол, то-то и то-то. К нему нужно было всегда прислушиваться, ибо он мог объективно оценивать свои возможности, свое настроение. Если говорил: я могу это сделать или я не могу этого сделать, ему следовало верить, и я верил ему. В спорте вообще нельзя механически планировать. В спорте, как и в любом творческом деле, нужен индивидуальный подход. Гуляев очень индивидуален по характеру. Если бы мы, тренеры, не поняли этого, он мог бы просто не выразить себя, потеряться.

У него было много шансов потеряться в жизни. И после того как на свет всплыло «дело Гуляева», которого на самом деле, как потом выяснилось, не было, но о котором весь предоллимпийский январь шумела западная пресса. И после того, как, оказавшись уже в Калгари перед перекрестными настораживающими взглядами, упал уже на первой дистанции олимпийского турнира — 500 метров. Судьба не только баловала — была и жестокой к нему. Но он не потерял себя. В этом его сила. И когда в Калгари он все же переломил себя и свою судьбу — выиграл с уверенностью «не свою» спринтерскую дистанцию 1000 метров, этому, кажется, никто не удивился — так прочна была вера в его успех и у публики, и у тренеров, и у соперников.

Константин Кудрявцев, знаменитый наш тренер, как-то сказал о нем:

— Он настолько естествен, настолько наполнен какой-то удивительной решимостью, что таким людям не верить просто нельзя. Более емкую и точную характеристику придумаю трудно.

Он и часу не бывает один — не может находиться в вакууме.

В межсезонье, в пору короткого отпуска, многие сверстники прятются от постоянных глаз, стараются остаться один на один со своими мыслями. Он же ищет встреч, общения. В Москве спешит в Большой на «Лебединое озеро» или в «Сатиру» на «Ревизора», или долгими вечерами просиживает с Васильковским, спорит до хрипоты, или едет в Володу — к матери, старшей сестре, к старым школьным друзьям, и тогда дом наполняется людьми. Мать готовит фирменное блюдо — тушеное мясо по-вологодски или торт «Наполеон», а Николай помогает ей, стоит, надев фартук, у плиты и умоет сервирует стол, а потом бежит к друзьям на футбол, в кино или в дискотеку.

Болезненно переживает, что у нынешних мальчишек уже нет такого интереса к конькам, какой был у него и его друзей, и мечтает восстановить конькобежную славу Вологды, устроить турнир звезд на местном катке — уже подобрал Божьева и Бочкарева приехать туда с показательными выступлениями и уверен, что трибуны, как когда-то, будут ломиться от зрителей и в конькобежную школу Юрия Осадкина вновь повалят мальчишки.

Он умеет фантазировать, умеет сопереживать чужому горю, радоваться чужому счастью. Когда остается один на один с книгой, то не просто читает — общается с ее героями, как бы живет с ними. За несколько дней проглотил знаменитую трилогию Теодора Драйзера и все эти дни страдал, радовался, боролся вместе с ее героями, будто сам пережил американскую трагедию.

Он не может жить без зрителей, без трибун. Думаю, вряд ли бы стал олимпийским чемпионом или мировым рекордсменом на пустом стадионе. Он не может играть для самого себя — щедро делится своим талантом с трибунами, а те, чувствуя это, платят ему своей признательностью. Стоит ему только появиться на каком-либо катке мира, и трибуны уже шедельт аплодисментами, на лед уже летят цветы. Когда в январе 1988 года он не приехал на чемпионат Европы в Гаагу (готовился к Олимпиаде дома), едва ли не треть билетов была возвращена в кассы катка «Аут-

хоф» — публика не мыслила себе этот чемпионат без Гуляева.

В чем же феномен Николая Гуляева? Быть может, в его обаянии? А может, в его блестящих рекордах и победах? Или в его страстном желании бороться яростно, до конца? Или в его общительности, благородстве? Но если все это объединить одним словом, то главное, чем подкупает, чем притягивает к себе этот человек, — его естественность. Он все делает естественно — бегаёт, бьет рекорды, улыбается, играет, общается с людьми. Он естественно живет.

...После чемпионата мира-87 он возвращался из Голландии рейсом Аэрофлота Амстердам — Москва. Его сразу же узнали в самолете, потянулись за автографами. Когда рейс подходил к концу, пилот объявил, что в Шереметьево Гуляева встречает много народа — знакомые, журналисты, фотокорреспонденты. И в самом деле, в здании аэропорта он попал в окружение шумной толпы. Были цветы, рукопожатия, стрелокатаи фото- и кинокамеры. И вдруг в стороне он увидел до боли знакомую фигуру Евгения Кожевникова, старого вологодского друга детства. Извинился перед журналистами, которые приготовились к интервью, сказал, что отлучится на минутку. Подбежал к Кожевникову. Обнялись.

— Слушай, Николай, не знаю, как быть, — сказал Кожевников. — Я взял билеты на Володу. Поезд отходит через два часа с Ярославского вокзала. Нужно немедленно садиться в автобус.

Гуляев шагнул к журналистам, поднял руку.

— Извините, но я спешу на вокзал. Интервью готов дать всем, кто пожелает ехать со мной.

Журналисты, не сговариваясь, двинулись к выходу с Гуляевым. Шофер автобуса, который должен был ехать в сторону Лужников, согласился изменить маршрут. Гуляев сел на место гида, взял в руки микрофон и весь путь до вокзала рассказывал журналистам о рекордах «Тялфа», о себе, о своих друзьях.

Он и на этот раз остался самим собой.

Владимир Кучий

Что «Титану» по плечу

Графика С. Айнуллинкова

Было бы желание

Это обыкновенный подвал, в самом обыкновенном девятиэтажном доме. Район одной из ново-

строек Казани. Помещение длиной 25 и шириной 15 метров. Стены отделаны деревом и повсюду зеркала. Буквально корольство зеркал. Куда ни кинь

взгляд, везде твое отражение. Множество тренажеров. Они раскрашены в яркие цвета и расположены равномерно по всему залу. Это и есть клуб атлетической гимнастики «Титан».

...В зеркале появился Ильин. На нем старенький спортивный костюм и комнатные тапочки.

— Извините, — принимал зачеты...

Про него говорят: не совсем обычный тренер. Его урок номер один — наука о добре и зле. Сила, накачанность мышц и все остальное — это потом. Сначала стать человеком, а остальное придется.

В клубе занимается свыше двухсот человек. Работает он с восьми утра и до десяти вечера. К услугам ребят восстановительный центр, сауна. Регулярно каждый проходит медицинскую комиссию. Кстати, врач свой. Он тоже давний поклонник атлетической гимнастики. Режим работы клуба весьма и весьма напряженный.

Время расписано буквально по минутам.

— Теперь-то ничего, жить можно, — замечает Ильин. — А начинали...

— С буржуазного вида спорта начинали?

— Вот, вот...

Да, было время, когда атлетическая гимнастика рассматривалась с официальной точки зрения как чуждый, буржуазный вид спорта. Ее запрещали. Но неофициальные поклонники были и никогда не прекращали занятий. Одним из таких «подпольных» спортсменов был Ильин.

— В то время было очень трудно с оборудованием, помещениями. Мне приходилось по много раз обращаться в различные учреждения, чтобы нам разрешили использовать пустующие подвалы жилых домов. Вот уж где действительно приходилось прикладывать титанические усилия, чтобы пробить брешь в бюрократической броне. Мы не боялись физических трудностей, страшен был бюрократ, который мог в любую минуту запретить строительство. Так что «Титан» можно толковать и так и эдак.

Говорят, лучше один раз увидеть... Ильин открывает фотальбом. На первом листе самая обыкновенная фотография. Она

любительская. На ней изображены десятка два ребят, работающих при тусклом свете одной-единственной лампочки. В руках у них лопаты, носилки и другой строительный инструмент. Это как бы первая страница жизни «Титана».

— Николай, я бы хотел зачитать вам письмо нашего читателя, а вы прокомментируйте его. Договорились? Вот оно! «Может быть, клубы атлетической гимнастики и смогут организовать ребят по интересам,— размышляет автор (а интерес здесь, как правило, один — выгладеть покрепче, чтобы только от одного твоего вида шархахался прохожие).— Но я хочу вот о чем сказать. Сейчас много пишут о казанских «гопниках», пытаются с этим как-то бороться. Строят кафе, навивно полагая, что это даст положительный результат. Не буду утверждать на все сто процентов, но, по-моему, подобные клубы становятся узаконенным местом различных сборищ казанских ребят. Вопрос один: зачем это нужно?»

— Очень у вас осторожный читатель. Мне бы тоже хотелось задать ему вопрос: выходит, лучше сидеть сложа руки? Поговорите с ребятами. Они могут больше рассказать, зачем им нужна атлетическая гимнастика.

— У нынешних ребят научно обоснованная методика тренировок. Им легче. А двадцать с лишним лет назад, когда атлетическая гимнастика только появилась, все было по-другому. Остались какие-то воспоминания о тех временах?

— Конечно. Помню, «качалась» до одури. При сравнительно небольшом росте я тогда весил 90 килограммов. Впоследствии, с возрастом, пришли опыт, житейская мудрость. Начал самостоятельно искать научные разработки. Стал систематизировать накопленный опыт. Тут пригодились и знания, полученные в институте физкультуры. А потом все получалось как-то само собой. Даже медицинский контроль мы проводим собственными силами.

— Николай, а все-таки, что дает атлетическая гимнастика?

— Наиболее дотошных я мог бы отослать к нашим признанным авторитетам — председателю федерации атлетической

гимнастики Юрию Власову и Владимиру Дикулю. Они достаточно написали, сказали об этом. Большинство, наверное, знает, что оба этих замечательных человека были очень больны. Атлетическая гимнастика поставила их на ноги.

Но, мне кажется, не обязательно быть больным, чтобы начать заниматься физической культурой. Гораздо проще приобщиться к ней с ранних лет. И не только к атлетической гимнастике. Вот вам ответ на вопрос «зачем?».

...Теперь что касается второй части вопроса: не являемся ли мы местом, где казанские «гопники» качают бицепсы? Нет. И вообще у нас к «качкам» резко отрицательное отношение. В клубе свои правила поведения, свои законы.

Во-первых, у нас никто не курит и не пьет. Занимаемся мы по строго научной системе без применения различных анаболических препаратов.

Во-вторых, стараемся воспитывать людей активных. Главный принцип «Титана» — а что ты сделал полезного для клуба? Я никому не говорю, что он должен сделать то, это. Ребята с самого начала привыкают к самостоятельности. И делают свою работу не бездумно, а творчески. У каждого есть дневник, где, помимо чисто физкультурных достижений, он пишет о своем вкладе в развитие клуба.

— Сколько всего человек работает в клубе?

— Нас трое. Используем элементы хозрасчета. Открыли две платные абонементные группы, куда, как правило, ходят люди взрослые, не имеющие возможности участвовать в жизни клуба. Вырученные деньги идут на ремонт и оборудование зала. Сейчас мы имеем отличную комнату отдыха, сауну. Приходится также доставать материал для изготовления износившихся частей тренажеров. А изготавливаем мы их, как правило, своими руками. Наконец, часть денег идет на оплату штатных сотрудников. В месяц я получаю 280 рублей. Думаю, если бы приносил домой семье 100—110 рублей, то моя жена, дети меня просто бы не поняли. Ведь практически большую часть времени мы проводим здесь, зачастую в ущерб семье.

— Какие у вас проблемы на сегодняшний день?

— Комиссии замучили, фининспектора. Куда тратить деньги, на что, почему? Работать бывает некогда... Другая проблема — это то, что мы стали местом паломничества различных делегаций. Все эти посещения отнимают много времени. — Ильян посмотрел на часы.

— А что мешает построить еще один зал, подобный «Титану»?

— Это дело будущего. Кстати, вы отметьте у себя, что мы вычистили и оборудовали пять подвалов. К сожалению, городские власти четыре из них забрали под свои нужды...

Мы не стали ждать, когда Ильян в очередной раз посмотрит на часы. Работа есть работа.

А в магазинах — пусто

Нельзя сказать, что подвал «Титана» — единственный «культурный подвал» в Казани. Вот, например, общежитие Казанского инженерно-строительного института. Здесь также смогли приспособить подвалы под кафе, прачечную и зал атлетической гимнастики. Последний не впечатлял.

— Знаете, — объяснили мне, — до всего руки не доходят. Что касается строительства, так тут никаких проблем. Спроектировать, выложить, оштукатурить — всегда пожалуйста. А вот с тренажерами действительно завяжука. Желающих заниматься хоть отбавляй, но ведь железо-то из постоянной работы тоже изнашивается. В результате некоторые снаряды выходят из строя и порой долгое время простаивают.

— Наши ребята с архитектурного факультета давно изготовили и отпечатали проекты различных тренажеров, — рассказал секретарь комитета комсомола КИСИ Шамиль Вагин. — Мы готовы раздать их буквально всем желающим. Кроме того, наши студенты по собственной инициативе решили изготовить специальные тренажеры для детей-инвалидов. Но опять возникает проблема: где достать материал, кто возьмется за такое трудоемкое дело, как изготовление тренажеров.

Небольшое отступление: не знаю, что там делается в недрах ВИСТИ, может быть, завтра прилавки магазинов будут завалены тренажерами самых разных и современных видов. Не знаю, может быть, к выходу журнала эта проблема будет уже решена повсеместно. Тогда я принесу свои извинения читателям журнала, коллективу конструкторов-изобретателей. Но, к сожалению, ко времени моего пребывания в Казани в магазинах «Спортивных товаров» было пусто. А то, что имелось на прилавках, не пользовалось покупательским спросом.

Где же выход?

— А выход в настоящее время — это задействовать кооператив, — считает Вагин.

«Бледная «Радуга»

И вот я снова в подвальном помещении. Здесь несколько залов. Для борьбы, атлетической гимнастики.

— В общей сложности у нас занимается около 100 человек, — рассказывает заведующий спортивной базой В. И. Муранов. — Двадцать девушек, в основном из медицинского института. Но мединститут собирается оборудовать тренажерами специальные помещения во всех общежитиях. Желание, что и говорить, похвальное, только вот как быть с тренажерами.

— Это наша общая беда, — продолжает Владимир Иванович. — Вроде бы по соседству открыли кооператив. Там делают кое-что, но это пока капля в море.

Мы не поленились сходить в цех, благо он находился тут же за углом в подвале. Что и говорить, «Радуга» — так называется кооператив — ну, никак не соответствовала своему названию. Представьте, сырой, темный подвал, где в дальнем углу находится громоздкий токарный станок. Везде разбросаны куски железа, чуть дальше сохнет краска на уже готовом снаряде.

Ни о какой эстетике труда не может быть и речи. Создается впечатление, что эти кооператоры следуют известному правилу: время — деньги.

— Трудно нам, — жалуется один из рабочих. — Помещение низкое, здесь неудобно работать. Некоторые части трена-

жеров ну никак нельзя сюда пронести — низкие потолки. Кроме того, очень трудно с материалом. То, что государственными предприятиями отпускается по одной цене, нам продают в 4—6 раз дороже. Не знаем, как долго при подобном отношении сможет продержаться кооператив.

Короче говоря, из «Радуги» мы уезжали вовсе не в радужном настроении.

Есть такой парень

В студенческом отделе обкома комсомола говорят:

— Есть такой парень. Работает инженером в Центре НТТМ. Очень настырный. Хочет открыть кооператив по изготовлению тренажеров.

С Владимиром Барцем мы познакомились в тот же день. Он ходил по коридорам обкома комсомола с папкой под мышкой.

— Кооперативом занимаюсь месяцев восемь. Сначала во многих инстанциях мне дали добро. А Госкомспорт помог даже чертежами. В ЦК комсомола, да и первый секретарь нашего обкома двумя руками «за». Замысел у меня такой. Я хочу привлечь в свой кооператив ребят из ПТУ. Каждый из них в зависимости от трудового вклада будет зарабатывать деньги. Сколько — это уже зависит от личного вклада. Нашли мы и шефов в лице дирекции Казанского моторостроительного объединения, которая согласно предостережению на первых порах соответствующее помещение, помочь с материалами.

То, что у Барца слова не расходятся с делами, я убедился чуть позже. Мы побывали еще в одном подвале.

Просмотрел я и опытные образцы, которые Владимир и его товарищи собирались от-

везти на смотр в Москву. В первую очередь меня интересовала их надежность, и что греха таить — дизайн. Положа руку на сердце, могу сказать: они ни в чем не уступают лучшим зарубежным образцам. А по части надежности меня убедили ребята, которые проверили на себе каждый тренажер. Более того, они приспособлены именно под те помещения, с низкими потоками, в которых пока вынуждены заниматься любители атлетической гимнастики.

«Титану» в подвале тесно

«Титану» многое по плечу, но далеко не все. В деле развития клубов атлетической гимнастики нужны и такие энтузиасты, как Ильин, которые досконально знают свое дело. И организаторы производства тренажеров, обладающие энергичностью Барца.

Скептик спросит: не преувеличиваем ли мы значение тренажеров? Ведь в вузовской программе и без того уроки физподготовки в обязательном порядке.

Наверное, сейчас не стоит дискутировать. Мы все прекрасно знаем, что из себя представляет этот предмет в большинстве вузов страны. Кроме того, давайте дадим высказаться сторонникам атлетической гимнастики. А почему бы и нет? Впрочем, могут высказываться и противники. На первых порах журнал готов взять на себя роль координатора. Итак, милости просим принять участие в операции «Спортподвал». Ждем от вас пожеланий, советов, идей о том, как сделать так, чтобы у «Титана» появились единомышленники.

Петр Плюев

От редакции.

Читатели журнала З. Туккаева (г. Орджоникидзе), И. Сумин (г. Чимкент), О. Брыжко (Сумская обл.), О. Никитин (г. Нижневартовск), А. Кошелева (г. Южно-Сахалинск), Д. Энхээ (МНР), М. Серова (г. Кривой Рог), Е. Мальцева (г. Воронеж), Л. Жибенев (г. Волгоград), С. Чайкова и Л. Матвеева (г. Свердловск) награждаются памятной фотографией мисс Калгари-88 Кати Гордеевой. От всей души поздравляем победителей, и до новых встреч.

НАШИ
ПУБЛИКАЦИИ

Владимир Высоцкий: эпизоды творческой судьбы

Борис Акимов,
Олег Терентьев

Год 1965

«В репертуаре нашего театра есть много спектаклей, сделанных на поэзии. Интерес к поэзии вообще в России — традиционное явление /.../. Поэты наши были не только прекрасными стихотворцами и писали великие стихи, а они еще были достойными гражданами, очень прилично вели себя в жизни. Поэтому /.../ позиция гражданская у поэтов /.../ наиболее ярко выражена в русской литературе. И так случилось, что поэзия заняла вершину — самую главную вершину в нашей литературе, и вообще вся русская литература /.../ по сути своей, поэтична. /7/

«Вы знаете, что театр по стихам, по поэзии /.../ был забыт с 20-х годов. Тогда было и «Кривое зеркало», и «Синяя блуза» — такие театры были, очень

интересные коллективы. А потом очень много лет не было поэтических театров. И впервые на нашей сцене возродились так называемые «поэтические представления». Первый спектакль такого плана — /.../ «Антимиры» по произведениям Вознесенского». /8/

«Спектакль был сделан очень просто, но красиво /.../: стоит у нас помост в виде треугольной груши — рисунок на одной из его [Вознесенского] книг. И мы выходим командой, как футболисты, в одинаковых одеждах, — некоторые с гитарами, другие без, — на фоне светящегося задника читаем разные его стихи, поставленные по-разному». /9/

«Спектакль «Антимиры» появился так: мы готовились к работе над «10 днями...», но существовавший сценарий был очень дробный по всем сценам, и требовались какие-то связующие средства. А как раз в то время А. Вознесенский выступил в

В. Высоцкий и В. Смехов
в спектакле «Антимиры». 1965 г.

«Правде» с поэмой «Лонжюмо». И мы полагаем, что он сумеет сделать нам необходимые стихотворные связки между сценами. Я пошла к нему с этим предложением, но Андрей сказал: а зачем, мол, я буду делать такую мелочь, — давайте лучше поставим целый спектакль по стихам. И в результате мы раньше «10 дней...» сделали спектакль «Антимиры», который поначалу назывался «Поэт и театр», где в первом действии Вознесенский читал свои стихи, а во втором актеры их разыгрывали на сцене». /1/

«Это было веселое, рискованное, творящее время. Ко мне в комнатку на Елоховской приехал атлетический молодежавый Ю. Любимов в черной пузрящейся куртке на красной подкладке. Он приехал с завлитом Э. Левиной и позвал меня выступать в новом театре. Театр подготовил из моих стихов одно отделение. Я читал второе. Мы провели два вечера. Так родился спектакль «Антимиры». Его сыграли восемьсот раз, еще в два раза больше было неучтенных выступлений. Театр стал родным для меня /.../. Самым небрежно-беспечным и заворуженным от гибели казался коренастый паренек в вечно подростковой куртке с поднятым воротником. Он сутулился как бегун перед длинной дистанцией /.../. Я никогда не видел на нем пиджаков. Галстуки теснили ему горло, он носил свитера и расстегнутые рубахи. В повседневной жизни он чаще отшучивался, как бы тая силы и голос для главного. Нас сблизили «Антимиры». /14/

«Антимиры» — это поэтический первенец в репертуаре Театра на Таганке. Андрей Вознесенский был нашей первой любовью. Пьесы он нам так и не написал — то ли не вышла, то ли случавил, что вот-вот напишет, да все недосуг. Сложили сами композицию по его стихам. В 1965 году, в январе сыграли один раз «в Фонд мира». Публика признала за монтажом право на особый театралный жанр, и прожили «Антимиры» до конца 1979 года /.../. Форма спек-

такую позволяла вносить новые стихи. Володино участие было самым ярким с первых шагов премьеры. «Лонжюмо», «Ода сплетникам», «Оза», а из следующих книг Вознесенского актер прочел (и гитарой своей поддерживал очень крепко) «Провала прошу, провала...» и «Не славы и не коровы...». Последнее звучало совсем особо и авторски лично. /13/

«Действительно, в этом спектакле — Хмельницкий, Васильев и я — мы написали музыку к некоторым стихам Вознесенского. И это вовсе не концерт, потому что там разработана одна [единая] тема Вознесенского — это /.../ настоящий спектакль /.../. И к тому же он, в общем, не стареет из-за того, что Вознесенский нам приносит все время новые стихи, и мы обновляем — вместо одних номеров входят другие /.../. И вот недавно /.../ Вознесенский привез для меня написанные специально стихи, которые называются «Песня акына». Многие люди считают, что это моя песня. Нет, это неправда. Хотя я почти никогда чужого не пою, но ведь я играю в театре, я актер. И поэтому я написал музыку — скорее даже просто ритм — на эти стихи». /10/

«В «Антимирах» Володя впервые появился на сцене с гитарой. Вообще, этот спектакль строился Любимовым по принципу «кто чего умеет делать». Один — пантомиму, другой — пение, третий — музыку. Поэтому там Володина гитара и потребовалась. Он участвовал, кажется, в пяти номерах. А порой даже и больше, потому что в этом спектакле, как ни в каком другом, актеры подменяли друг друга /.../. Кстати, поначалу спектакль этот носил условное название «Героические выборы». /2/

«Кроме конкретных сцен, Володя выступал и во всех общих музыкальных номерах спектакля /.../. Это вообще был очень плодотворный для него период. Володя много работал в театре, много сочинял песен. Дух товарищества, атмосфера доброжелательности, создавшаяся в театре, во многом этому способствовали.

Первый показ спектакля

состоялся 20 января 1965 года, а официальная премьера — 2 февраля». /1/

02.02.65, с 10⁰⁰ до 12⁰⁰. Сцена. Концерт Вознесенского (ведет Любимов): оформление, свет, выгородка, радио. Прогон всего концерта. Участвуют: вся труппа.

С 12⁰⁰ до 15⁰⁰. Сцена. Репетиция «10 дней...» (ведет Любимов): «Пьеро» и «Хаос»; 12³⁰ — 15-я картина+зонги; 12⁴⁵ — «Прыг-скок»; 13⁰⁰ — 17-я картина (участвуют все занятые); 14⁰⁰ — «Руки отцов города»... [Далее вечерний спектакль, и] ...с 22¹⁰ до 0³⁰. Вечер Вознесенского № 1 (основной состав, ЦГАЛИ, ф. 2485.2.868, с. 3 — 4 об./.

«Общий на двоих эпизод — фрагменты из поэмы «Оза» — принес нам много радости. И то, что мы превратили его в свой маленький театр. И то, что за 5 минут удавалось стихами и в лаконичных мизансценах внятно объясниться в любви и в ненависти. И вместе с тем было немало удовольствий от гаерства, дурачества, сарказма — собственно, от актерства. Я в конце эпизода, читая «под Андрея», изображал какого-то романтического долдона, трепетал и звал партнера в заоблачные выси. Володя укладывался возле меня с гитарой и творил в миниатюре образ отпетого циника. Он то укоризненно, то гневно, а то философски нежно прерывал мои рудавы своим кратким: «А на фига?» И зал падал со стульев». /13/

«Он до стопа заводил публику в монологе Ворона. Потом для него ввели кусок, в котором он проявил себя актером трагической силы. Когда обрушилась шквал овалций, он останавливал его рукой. «Провала прошу...» — хрипло произносил он. Гас свет. Он вызывал на себя проектор, вжимал его в себя, как бревно, в живот, в кишки, и на срыве голоса заканчивал другими стихами: «Пошли мне, Господь, второго». За ним зияла бездна. На стихи эти он написал музыку. Это стало потом его песней, которую он исполнял в своих концертах.

...Он никогда не жаловался. В поэзии он имел сильных учителей.

Он был тих в жизни, добр к

друзьям, деликатен, подчеркнуто незаметен в толпе. В театре он был вроде меньшего любимого брата. Он по-детски собирал зажигалки. В его коллекции лежит «Ронсон», который я ему привез из Лондона». /14/

[Не впервые приходится слышать в этот период своеобразное увлечение Высоцкого. В рукописи неоконченного стихотворения приблизительно этого периода встречаем:

Угадаешь ли сегодня,
 елкя-папки,

Что засядет нам назавтра
 в черепа?

Я, к примеру, собираю
 зажигалки,

Ну а Севка начал мучить
 черепах.

(вариант: «собирает черепах») ...И далее:

Если я задурю, захандрю,—
Зажигалки я вмил задурю,
Или выбросить просто могу,
Или одновременно зажгу.

Позднее в одной из анкет в разделе «твое увлечение» он пишет: стихи, зажигалки. Так что это — страсть коллекционера или случайный интерес? И какова судьба коллекции, если она действительно существовала?

Чтобы ответить на этот вопрос, предлагаем вниманию читателей фрагмент беседы авторов с Семеном Владимировичем Высоцким (12 октября 1988 года)]

«В 1955 году мой друг, подполковник Леонид Плиско подарил мне японскую зажигалку, очень красивую — типа пудреницы, с женской фотографией на крышке. И так получилось, что я начал их собирать. Поэтому несколько лет подряд мне дарили зажигалки, и сам я покупал их в комиссионных магазинах.

Володе очень понравилось мое увлечение. Он любил их рассматривать, интересовался: из какой страны привезена та или иная, кто подарил и т. д.

Когда Володя снимался на Одесской киностудии, ему дарили зажигалки его друзья-моряки, приходившие из зарубежных рейсов. И в дальнейшем он привозил мне из-за границы всевозможные зажигалки. Володя всегда прикуривал сигареты от красивых зажигалок, которые он периодически менял и отдавал мне.

До сегодняшнего дня я не рас-

станую со своим увлечением. В моей коллекции много зажигалок — бензиновых, газовых, электрических. Из них около ста мне подарил Володя».

«Спектакль «10 дней, которые потрясли мир» совершенствовался в процессе репетиции, по ходу работы обростал песнями, пантомимой... Хотя мы начали репетировать его еще в 1964 году, но кульминация, то есть настоящая работа, началась весной 1965 года». /2/

«Театр наш очень интересный по своей направленности. Это гражданский театр, который ставит острые спектакли /.../ [И] кроме всего прочего, это театр яркого зрелища /.../ Идет у нас программный спектакль /.../ «10 дней, которые потрясли мир» /.../ по книге Джона Рида. А внизу [на афише] написано: «Представление с буффонадой, пантомимой, цирком и стрельбой». Сначала зритель думает: «Ну, это наверняка неправда. Наверняка это просто в целях рекламы написали» /.../ [Но] на самом деле, когда вы подходите [в] половине [е] седьмого к Таганской площади, вас вдруг поражает такая картина: висят флаги на театре красные, висят плакаты времен революции всевозможные, играет какая-то музыка дореволюционная, и много-много людей у входа. И в это время артисты нашего театра в форме солдат и матросов, с гармошками, с гитарами, с балалайками, прямо около входа в театр — на улице — поют революционные песни, частушки. /.../ Рядом ресторан находится, «Кама», оттуда выходят люди, веселее, естественно. Они так счастливы, что кто-то на улице играет. Они примыкают, иногда танцуют, зритель [и] подпева[ют]. В общем, организуется такая веселая картина у входа в театр»./4/

«У Володи поначалу главным был теневой проход за светящимся экраном в сцене «Тени прошлого». Очень яркой получилась сцена. И еще с самого начала Володя застолбил за собой роль матроса — и в спектакле, и перед ним. Они с ребятами всегда пели перед началом на улице революционные песни — Золотухин, Буткеев, Высоцкий, — билеты на штыки

накальвали, — словом, развлекались. Пели они там какие-то очень смешные куплеты времен революции и гражданской войны. Не исключено, что Володя мог вставать туда и что-то свое. Он обожал импровизировать, а там была уж слишком благодатная почва для этого...» /2/

«Когда вы входите в театр, вас встречают [не] билетеры, а /.../ актеры нашего театра, переодетые в революционных солдат, с поясками на руках, с лентами на шапках, [с винтовками], отрывают [корешок] билета, накальвают на штык, пропускают вас. Вы входите в фойе, оформленное под то время — под время революционных лет. Висят плакаты, очень много плакатов революционных. Помост деревянный и пирамида из винтовок. На этом помосте актеры еще в фойе поют песни, частушки. Эти частушки заканчиваются так:

Хватит шалиться по фойе,
Пройдите в залу.
Хочешь пьесу посмотреть —
Так смотри с начала.

Девушки в красных косынках накальвают вам красные бантики на лацканы. Даже буфетчицы в красных косынках и красных повязках.

Почему мы так решили сделать? Ну вот есть такое высказывание: Владимир Ильич Ленин сказал, — что революция — это праздник угнетенных и эксплуатируемых. И вот как такой праздник решен весь спектакль...

...Вы входите в зал и думаете, что вот наконец мы отдохнем, наконец-то откинемся на спинку кресла и будет нормальное спокойное действие. Но не тут-то было. Выходят рабочий, солдат, матрос — с оружием выходят на сцену и стреляют вверх. Значит, у нас помещение маленькое. Они стреляют, конечно, холодными патронами. Но звука много, пахнет порохом. Это так немножко зрителя взбодряет. Некоторых слабонервных даже иногда у нас вынесут в фойе, они там выпьют «Нарзану», но так как билет достать трудно, то приходят досматривать...

...Начинается оправдание вот этой самой афиши. Там есть, правда, и буффонада, и цирк, и пантомима». /6/

«У нас /.../ существуют /.../ всевозмож[ные] решения: это

есть и клоунада, и цирк /.../, и есть какие-то маски, и /.../ сцены в виде кукольного театра. И двести ролей в этом спектакле — каждый артист играет по 5—8 ролей. И переодеваться только успевай. У нас такое творится в гримерных [в это время]: висят [и] валяются навал[ом] какие-то одежды; нужно только не перепутать: выбрать, выхватить вовремя, чтобы выскочить на сцену. Все заняты, глаз[а] безумны[е] — выскакивают». /5/

«И меняется kaleйдоскоп, громадный kaleйдоскоп картин, целью которого является показать атмосферу тех лет. И во время спектакля звучит /.../ голос Ленина, который записал нам замечательный артист Штраух. И создается полная иллюзия, что вы попадаете в те времена /.../. На сцене нет декораций никаких...» /4/

«...Значит все внимание на артиста /.../ на внутренний мир, что ли, того образа, который он показывает. И бывает так, что одного и того же артиста, хотя он без грима, не узнают в разных ролях — настолько он меняется, перевоплощается в другой образ. Вот это еще одна особенность нашего театра». /5/

«В спектакле «10 дней...» каждый артист играл по многу ролей, поскольку труппа тогда у нас была маленькая.

Высоцкий был занят во многих интермедиях в массовке, играл революционного матроса (часового) в сцене «В столицу за правдой», несколько позже (после ухода Губенко) к нему перешла роль Керенского, участвовал он также в интермедии «Тени прошлого», где все пели песню, которая считалась Володиной, причем в его авторстве никто не сомневался тогда — «На Перовском на базаре...». /1/

«[Однажды] Володя с гордостью сообщил, что в студенчестве выиграл конкурс знатоков песен... спел в грузинские однокорусникам... пятьсот песен! Откуда они только выпяпывались... Две из них внедрились в наши спектакли. Одна (по его словам, найдена им и его соматозцем, Геней Яловичем) — «На Перовском на базаре шум

«10 дней, которые потрясли мир». В. Высоцкий в сцене «Тени прошлого». 1965 г.

и тарарам» пелась им в разудалой команде «анархистов» в первом акте «10 дней, которые потрясли мир». Впоследствии авторство ее ошибочно присваивалось Высоцкому, как и ряда других «неродных», но лихо и смачно исполненных. /12/

«В театральных постановках мои песни возникают по-разному. Иногда они уже существовали сами по себе, и, услышав, их взяли для постановки. А иногда я пишу специально, заранее зная, где и когда песня будет звучать в спектакле, какому персонажу принадлежит. Бывает, что потребность в песне возникает прямо на репетиции. Тогда мы обычно начинаем подбирать из того, что у меня есть. Не подходит — пишу новую. Так же происходит и в кино. А случается, что специально написанные песни почему-то не входят в фильм или театральная постановка не осуществилась, и остаются песни жить самостоя-

тельно, выходят за пределы театра. Да ведь они и начинались за его пределами...

Мне брехтовский театр — уличный, площадный — близок. Я ведь тоже начинала писать как уличный певец — песни дворов, воскрешать ушедший городской романс. Песни эти шли от того, что я, как и многие начинающие тогда свою жизнь, выступал против официоза, против серости и однообразия на эстраде. Я хотел петь для друзей что-то свое, доверительное, важное, искреннее». /15/

«Если бы не было моего театра, театра на Таганке, если бы я не работал в нем /.../, я думаю, что /.../ не были [бы] написаны те песни, которые я пишу теперь /.../ И это все из-за того, что я работаю в этом театре, в котором друзьями /.../ театра, членами его художества — такой формальной организацией — являются совсем не формальные люди: замечательные поэты, писатели, ученые. Очень много людей, очень много ученых, которые работают в Дубие,

и они помогли при создании театра /.../. И они до сих пор частые гости у нас. И вообще, люди разных профессий, разных возрастов — и всегда высокого уровня. Люди интересные. Вероятно, из-за этого я и продолжал писать песни и продолжал сохранять /.../ вот этот вот уровень, которого требуют время и люди, [живущие] сейчас». /11/

«Многие считают, что некоторые из моих песен — старые, народные. Может быть, в них есть определенная стилизация — песни трагические, гротесковые, маршевые. Они разные по жанрам и темам, более того, написаны от имени разных людей. Это потому, что я актер, играл (часто для себя) разные роли, и мне казалось, что так можно сделать и в песне. Все оказалось взаимосвязано. Манера произносить свои стихи, подчеркивая смысл ритмом, звучанием гитары, петь их в определенных образах — это от театра. В свою очередь, песни влияют на мои роли». /15/

«Вообще, песен в спектакле много. Я уже не говорю о частушках — это народное творчество, их приносит все: кто какие знает или найдет. Были и песни на стихи очень хороших авторов: Самойлова, Блока, Брехта, Тютчева, Нади Мальцевой, романы Вертинского.

Высоцкий тоже писал песни специально для спектакля. В частности, в сцене «Логово контрреволюции» он играл белогвардейского офицера и пел свою песню «В куски разлетелся корона...». Еще одну его песню — «Воины и голодухи потерпелись мы всласть...» — пели ребята». /3/

Воины и голодухи потерпелись
мы всласть,
Наслушались, наелись
уверений —
И слепнули царя, а после
Временную всласть,
Потому что кончилось их время.

А если кто-то где-нибудь
надеется на что,
Так мы тому заметим, между
прочим:
Обратно ваше время
не вернется ни за что,
Мы как-нибудь об этом
похлопочем.

Нам вовсе не ко времени вся
Временная власть —
Отныне власть Советская над
всеми.
Которые тут временные?!
Слазы! А ну-ка, слазы!
Кончилось ваше время!

07.04.65, с 11⁰⁰ до 14³⁰. Репетиционный зал. Читка пьесы Эрмана «Самоубийца». Вызывается вся труппа. Не было Губенко. /ЦГАЛИ, ф. 2485.2.870, с. 13 об./

«Весной 1965 года Н. Р. Эрман читал нам в театре свою пьесу «Самоубийца». Читал он просто замечательно, и я очень жалею, что тогда по глупости не записала это на магнитофон. Театр предполагал поставить эту пьесу, и мы даже уже распределили роли. Володя должен был играть Подсекальникова. Но пьеса была в свое время запрещена, и реабилитировать ее не собирались. Тогда мы обратились в Секретариат ЦК к товарищу Суслову, однако не получили поддержки. Оставалось ждать. Забегая вперед, скажу, что мы в дальнейшем трижды обращались по этому поводу, но все время получали отказ». /1/

Материалы, использованные в публикации:

1. Тучин В. Из интервью с Э. П. Левиню, бывшим завитом Театра на Таганке. Москва, 1988, 24 июня.
2. Акимов Б. Из интервью с режиссером телевидения А. А. Буслевым. Москва, 1988, 4 апреля.
3. Терентьев О. Из интервью с Ю. Н. Смирновым, актером Театра на Таганке. Москва, 1988, 17 апреля.
4. Высоцкий В. Выступление в строительно-дорожном институте, г. Усть-Каменогорск, 1970, октябрь.
5. Высоцкий В. Выступление в Центральном Доме культуры, г. Усть-Каменогорск, 1970, 14 октября.
6. Высоцкий В. Запись на Таалинском телевидении, 1972.
7. Высоцкий В. Выступление в клубе «Вечер». Зеленоград, 1978, 23 апреля.
8. Высоцкий В. Выступление в г. Электростали Московской области: 1971, осень.
9. Высоцкий В. Выступление в МВТУ имени Баумана. Москва, 1976, 6 марта (1-й концерт).
10. Высоцкий В. Выступление в Калининском государственном университете. 1976, 3 июня.

11. Высоцкий В. Выступление в ДК «Мир», г. Дубна Московской области, 1979, 11 февраля (1-й концерт).

12. Смирнов В. Фрагмент памяти. — «Театральная жизнь», 1987, № 7.

13. Смирнов В. В главной роли — Владимир Высоцкий. — «Дружба народов», 1988, № 7.

14. Вознесенский А. «О». — «Новый мир», 1982, № 11.

15. Бутковская Т. Для песен нет границ (интервью с В. Высоцким). — «Музыкальная жизнь», 1987, № 24.

От авторов. Как показала подсчет голосов, новая система подачи материала испытания не выдержала (примерное соотношение 5:1). Вот наиболее характерные отклики: «...Я, когда писала, думала, что будет лучше. А оказалось — читать труднее. Нет цельности (...), это разорвано, или: «Кончайте мудрить — работайте как работали!» и т. п.

В № 10 за 1988 год в комментариях к песне «Так оно и есть...» указано, что нет записи со всеми тремя припевами. На самом деле такая запись существует, причем последняя из имеющихся по времени исполнения (1974 год). Следовательно, в устоявшемся авторском варианте между вторым и третьим куплетами должен стоять припев. Там же, на стр. 56 (последний абзац), следует читать: «Мосфильм, 1965 год и далее... 12 марта 1965 года.

Примечания. «Хоть бы облачко...» — песня имеет различные названия (ни одно не повторилось дважды): «Про стучака», «Про попутчика», «Про 37-й год» и т. д.

В устоявшемся авторском варианте некоторые строки звучат иначе: 5-я — Он спросил: «Вам куда?» — «До Володы». 11-я — Он сказал: «Вылезать нам в Вологде».

28-я и 34-я — А я на Севере, а Север — вона где.

В одном из исполнений появляется отсутствующий в остальных случаях припев (между 22-й и 23-й строками):
И остался я в городе Вологде,
Ну а Вологда — это вона где.

Кроме того, в процессе «шлифовки» песни появились различные промежуточные варианты некоторых строк:

2-я — В этот день на моем горизонте,

13-я — Я не помню, на чем сломался,

23-я — А потом плохую дают статью,

30-я — Но живу я с тех пор, как в наручниках:

33-я — Но живет он там в городе Вологде.

Публикуемый текст песни определен по известным на 1 октября 1988 года фонограммам автор-

ских исполнений 1965—1979 годов.

Публикация О. Терентьева и Б. Акимова

Владимир Высоцкий

* * *

Хоть бы облачко, хоть бы тучка
В этот год на моем горизонте,
Но однажды я встретила
попутчика...

Расскажу про него —
знакомьтесь.

Он сказал: «Вам куда?» —
«До Володы».

— Ну до Володы — это
полбеда.

Чемодан мой от водки ломается.
Предложил я, как полагаются:
— Может, выпить нам,
познакомиться —
Поглядим, кто быстрее
сломается.

Я сказал: «Вылезать нам в
Володе,

Ну а Вологда — эта вона
где».

Я не помню, кто первый
сломался,
Помню — он поддивал,
подакивался...

Мой язык, как шурурок,
развязался,

Я кого-то ругал, оплакивал.
...И проснулся я в городе
Володе,

Но, убей меня, не
припомню где!

А потом мне пришли дельце
По статье Уголовного кодекса,
Успокоили: «Все перемелется!»
Дали срок — не дали
опомниться!

«Пятьдесят восьмую» дают
статью,

Говорят: «Ничего, вы так
молоды...»

Если б знал я, с кем еду, с кем
водку пью,—

Он бы хрен доехал до Володы!
Он живет себе в городе
Володе,

А я на Севере. Север —
вона где!

Все обиды мои годы стерли,
Но живу я теперь, как
в наручниках:

Мне до боли, до кома в горле
Надо встретить того попутчика!
Но живет он в городе
Володе,

А я на Севере. Север —
вона где...

1965

1965

1965

1965

Фото А. Пугача

ФОТОРЕПОРТАЖ

Идея что надо!

Пожалуй, это мнение разделило большинство журналистов, участвовавших в первом Международном фестивале молодежной прессы, проведенном ЦК ВЛКСМ в канун 70-летия комсомола.

В течение нескольких дней мы имели возможность ходить друг к другу в гости, делиться планами, учиться, а кое-кто — и влюбиться. Причем по-настоящему. Во всяком случае, в этом уверены австриячка Кристиана Кауэр и француз Фредерик Кювье: в день закрытия фестиваля они стали мужем и женой. Этот молниеносный брак стал изюминкой фестиваля. Но не единственным конкретным результатом.

Мы ведь не только познакомились друг с другом. Мы убедились еще раз в том, что молодежная печать способна не только ставить, но и решать многие серьезные проблемы...

У одного из стендов павильона «Студенческого меридиана».

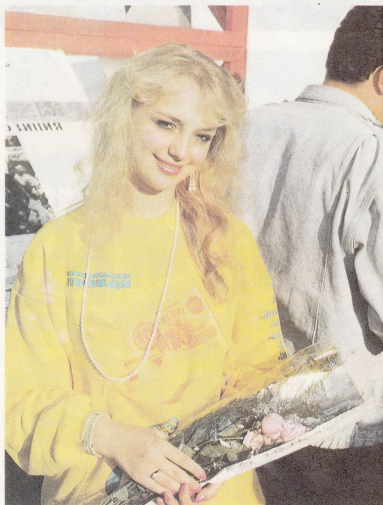
Расстроенный конкурент покидает павильон «Ст. М.».

На верхнем фото: Разговор во время посещения руководством ЦК ВЛКСМ павильона «Ст. М.» (Слева направо: О. М. Поцков, гл. редактор журнала «Сельская молодежь»; С. Н. Челноков, председатель КМО СССР; Н. И. Пальцев, секретарь ЦК ВЛКСМ; В. И. Мироненко, первый секретарь ЦК ВЛКСМ; Д. В. Маргвелидзе, первый секретарь ЦК АКСМ Грузии; М. С. Гусман, зав. сектором печати КМО СССР; Ю. А. Ростовцев, гл. редактор «Студенческого меридиана»).

С экспозицией «Студенческого меридиана» познакомился секретарь ЦК Компартии Грузии Нугзар Алакиевич Понхадзе.

Член делегации «Комсомольской правды», победительница конкурса вильнюсских красавиц Ингрида Микелионите.

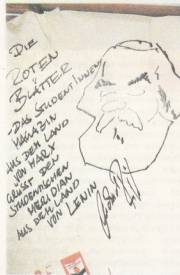

Стоит поблагодарить организаторов фестиваля за предоставленную всем нам, его участникам, возможность обсудить свои проблемы в гостеприимном Тбилиси. Ну а судьбу хочется поблагодарить за наше место под солнцем (то есть за удачное расположение павильона). Справа от нас «Комсомольская правда», слева — «Сельская молодежь». Ну а мы — по центру. Что же, так оно и есть: «нам внято все», как говорил поэт.

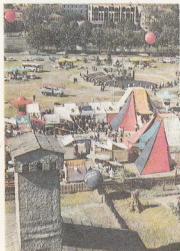
Автограф на память.

Общий вид городка.

Наш друг и партнер — гл. редактор польского журнала «ИТД» Марек Сивец.

«Роте Блеттер» — студенческий журнал страны Маркса приветствует «Студенческий меридиан» страны Ленина.

заведет считать этот вывод историческим фактом.

Сопротивление крестьян коллективизации фактически поставило страну на грань гражданской войны. «Расплачиваться «атакующему классу» приходилось не только жизнями комиссаров, чекистов, комбедовцев, «двадцатитысячников», — писала в известной статье Н. Андреева, — но и первых трактористов, селькоров, девчонко-учительниц, сельских комсомольцев...» Все верно, но надо сделать по меньшей мере два уточнения. Во-первых, «обороняющийся класс», в данном случае крестьянство, нес несравнимо большие потери: тысячи подавленных крестьянских восстаний, более 10 миллионов раскулаченных, миллионы спецпереселенцев и увенчавший коллективизацию страшный голод 1933 года — этим расплатилась за наступление «атакующего класса» деревня. Во-вторых, «атаковал» в ходе коллективизации совсем не тот класс, о котором писал Маяковский, не рабочий класс, а бюрократия. Рабочие ничего не получали от коллективизации, кроме карточного снабжения и мобилизации в заградительные отряды.

Более того, происходило и прямое наступление бюрократии на завоевания рабочего класса. Жизненный уровень его резко снизился. В ходе свертывания изпа в промышленности рабочим пришлось поступиться многими своими правами: введение планов для трестов, ужесточение трудовой дисциплины,

ограничение прав производственных коллективов и профсоюзов, переход к прямому установлению зарплат «сверху» вместо прежней практики ее регулирования с помощью коллективных договоров, — все эти меры, начавшие осуществляться с конца 20-х годов, означали свертывание хозяйственной демократии. Фабричные и заводские комитеты, обладавшие столь значительным влиянием в 20-е годы, что в ходу даже был термин «двоевластие» (администрация — профсоюз), к началу 30-х годов потеряли всю свою самостоятельность. Профсоюзное руководство полностью сменили, а сами профсоюзы превратили, по сути дела, в придаток разраставшегося бюрократического аппарата.

Это — малоизвестная страница нашей истории. Обычно считается, что в отличие от крестьян и интеллигенции рабочий класс не подвергся репрессиям. На самом же деле репрессии были, и начались они еще в конце 20-х годов, когда ликвидировались независимые профсоюзы. О репрессиях же против интеллигенции и говорить нечего.

Короче, атакovala, наступала именно бюрократия, наступала решительно и на всех фронтах — и против крестьянства, и против рабочих, и против интеллигенции. В самой «наступающей армии» тоже практиковались репрессии, часто — «профилактические», так сказать, для поддержания порядка. Однако в целом как класс бюрократия явно выигрывала и в конце концов выиграла битву: в ее руках оказалась вся полнота власти, а также сопутствующая ей материальные привилегии. Но главное, конечно, именно власть.

И сегодня еще нередко приходится слышать мнение, что свертывание изпа и переход к жесткой централизации хозяйства можно было осуществить бескровно, что репрессии никак не связаны с чисто экономическими переменами конца 20-х — начала 30-х годов, а объясняются лишь злоупотреблением властью. Это в лучшем случае — успокоительный самообман, по крайней мере если говорить о репрессиях именно того периода, то есть периода первой пятилетки. Обтекаемый термин «жесткая централизация хозяйства» не фиксирует в данном случае главного, а именно — социального содержания всего процесса, политического

смысла «великого перелома». А смысл состоял как раз в перераспределении власти в пользу бюрократии за счет трудящихся. Централизация осуществлялась вопреки интересам подавляющего большинства населения, вопреки потребностям экономического развития, вопреки национальным приоритетам страны. И сопротивление централизации было закономерным, так же как и закономерным было использование репрессий для подавления этого сопротивления.

Сказанное не относится, разумеется, к репрессиям 1937—1938 годов и позднейшего времени. Тогда административно-бюрократическая система уже утвердилась, оппозиция во всех слоях населения была в основном разгромлена, и тогдашние масштабные и особенно изощренные репрессии уже не только не были необходимы захватившей власть бюрократии, но порой и прямо вредили ей. Здесь вступила в силу порочная логика развития бюрократического организма, начинающего выдумывать «оппозиционные» блоки и «заговоры» после того, как реальные силы, противостоящие режиму, уже уничтожены. Распространив свою власть на всю страну, аппарат стал пожирать сам себя. Неумная жажда власти, имманентное стремление к расширению своего влияния во что бы то ни стало даже тогда, когда расширить его было уже вроде бы и некуда, часто толкали бюрократию на путь парадоксальных эксцессов, на то, чтобы фактически рубить сук, на котором она сидела. Лишь в критических ситуациях, когда сук был готов вот-вот обломиться, наступало некоторое отрезвление, и верх брал, если можно так выразиться, здравый смысл в его бюрократическом понимании.

Примеров, подтверждающих это, сколько угодно. Можно вспомнить, как Сталин, физически не переносивший социал-демократов, почитавший их за «социал-фашистов» и заставлявший Коминтерн бороться с ними за лидерство в рабочем движении всеми доступными средствами, к середине 30-х годов, поняв наконец, что укрепление фашизма создает реальную угрозу, нет, не всему человечеству (это бюрократию не интересовало), а возглавляемому им режиму, в 1935 году на VII конгрессе Коминтерна одобрил все-таки, хотя и с опозданием, курс на создание ши-

роких антифашистских коалиций, включающих и социалистов. Как позднее в рамках этого курса была оказана поддержка республиканскому правительству в Испании и буржуазному гоминдановскому правительству в Китае. Можно также сказать и о том, как в критический период войны, когда немцы стояли под Москвой, из лагерей в действующую армию возвращались репрессированные военачальники. Или о том, как была во время войны децентрализована хозяйственная система — исключительный случай в мировой истории! Ибо столь дорогая сердцу бюрократия, но крайне неэффективная жесткая централизация не позволяла наращивать производство вооружений быстрыми темпами.

Но, думается, нет нужды множить примеры, чтобы сделать простой вывод: внутренней пружиной становления и развития административной системы является стремление бюрократии к установлению режима неограниченной власти, к всемерному расширению этой власти, даже если это противоречит элементарным требованиям хозяйственной целесообразности и жизненным интересам трудящихся. Только в критических ситуациях, угрожающих самому существованию системы, бюрократия, преодолевая себя, обнаруживает готовность поступаться малой долей своей власти — не столько в интересах дела, как это порой выглядит со стороны, сколько в целях долгосрочного упрочения своего господства.

Об исторической альтернативе и упущенных возможностях

Так все-таки — была ли реальная альтернатива свертыванию нэпа? Неразвитость демократии, низкий уровень политической культуры населения, слабость механизмов, призванных обеспечить подчинение бюрократического аппарата подлинным интересам трудящихся, — все эти факторы, сыгравшие тогда роковую роль в судьбе нэпа, были объективной реальностью, имели солидные исторические основания, корни которых уходили в глубину веков. Разве могло сложиться в такой ситуации что-то иное, отличное от командно-административной системы?

Сделаем еще одно — на этот раз последнее — отступление, прежде чем дать ответ на этот, главный, вопрос. Попробуем уточнить, что же следует считать альтернативным вариантом развития, что является необходимым, а что — случайным в историческом процессе. Думается, в таких вещах без помощи философии не обойтись.

Если следовать важнейшему материалистическому тезису об объективном и всеобщем характере причинности (каждое явление имеет свою причину, существующую вне и независимо от сознания), то надо признать, что необходимыми, строго говоря, оказываются все явления, ибо каждое из них обусловлено каким-то уникальным стечением причин, каждая из которых, в свою очередь, имеет свою причину, и т. д. Случайностью в таком контексте иногда предлагают называть еще не познанныю, не изученную причину, то есть не известную нам необходимость: по мере расширения нашего знания об обществе, в котором мы живем, по мере раскрытия причинной связи явлений события, казавшиеся прежде случайными, получают точные объяснения и расцениваются уже как необходимые.

Но есть и другое толкование этих философских понятий, и, по нашему мнению, оно более отвечает задачам настоящего анализа. Случайностью называется такое событие, которое не является необходимым в рамках данной системы при нормальном свободном ее развитии, а происходит потому, что данная система взаимодействует, пересекается с другой. При альтернативном варианте развития (если системы не взаимодействуют или взаимодействуют по-другому) такое случайное событие не может и не должно наступить. Скажем, если динозавры действительно вымерли от изменения климата вследствие столкновения Земли с каким-то космическим телом (как утверждает одна из гипотез), то это именно случайность, порожденная взаимодействием двух систем — астрономического движения космических объектов и биологического развития живой природы. Если бы такого пересечения систем тогда не произошло, если бы метеорит и наша планета разминувшись в космическом пространстве, возможен был бы альтернативный вариант развития земной фауны — не исключено,

что динозавры как биологический вид здравствовали бы и до сих пор.

Так же и с развитием общества. Здесь взаимодействует множество систем: экономика, политика, сознание, психология, культура, традиции разных социальных слоев. Каждая из этих систем имеет свои, во многом автономные внутренние пружины развития, а варианты взаимодействия этих систем бесконечно разнообразны.

Если рассматривать цепь событий 20—30-х годов в нашей стране в таком ключе, в рамках такого понимания исторической необходимости, надо признать, что свертывание нэпа отнюдь не являлось неотвратимым, предельным и неизбежным. Наоборот, это была случайность — воплощение в жизнь такого варианта развития, который, наверное, в то время, вплоть до середины 20-х годов, был едва ли не самым маловероятным из всех возможных.

Социалистическое рыночное хозяйство времен нэпа требовало адекватной себе демократической политико-правовой структуры, адекватного типа политического сознания — плюрализма мнений, свободы печати, широкого участия всех и каждого в государственных делах. Но благодаря довольно редкому в истории стечению многих обстоятельств, благодаря в буквальном смысле этого слова игре случая все сложилось не в соответствии с закономерностями экономического развития, а вопреки им. Нормальное, естественное развитие социалистической рыночной экономики было прервано и обращено вспять вмешательством чужеродных факторов из сферы политики и общественного сознания. Это было, во-первых, нежелание правительства возродить после гражданской войны демократические институты и, во-вторых, снижение политической активности народных масс. Причем (что особенно важно) появление этих факторов, с точки зрения логики развития самой политической надстройки и самого общественного сознания, нельзя считать абсолютно закономерным и необходимым.

С общественным политическим сознанием в то время дело обстояло отнюдь не так плохо, как принято считать. Верно, что здесь особенно ощущался груз вековой отсталости, неграмотности, отсутствия элементарных демократических навыков.

Но верно и другое: ни одна другая страна не пережила в первые два десятилетия XX века трех революций, каждый месяц которых равнялся, как писал Ленин, — «в смысле обучения основам политической науки — и масс и вождей, и классов и партий — году «мирного» конституционного» развития¹⁵. А 1917 год по степени реальной демократизации общественной жизни, вовлеченности самых широких слоев населения в грандиозные социальные преобразования вообще нельзя сравнить ни с одним другим периодом отечественной истории. Февральская и Октябрьская революции всколыхнули огромные массы людей, втянули их в политическую борьбу, сделали активными участниками исторического процесса и действительными хозяевами своей судьбы. Повсеместно развивалось самоуправление. Выборные органы — Советы рабочих и крестьянских депутатов — взяли в свои руки реальную власть в центре и на местах. Застой и сползание в пропасть при агонизировавшем царском режиме сменились приливом энтузиазма и созидательной энергии.

Гражданская война и политика «военного коммунизма» вызвали естественный в подобных чрезвычайных условиях спад демократической активности. Но после того, как напряжение ослабло и был осуществлен поворот к нэпу, к нормальной хозяйственной жизни, существовали уже все условия для возрождения прежних традиций полноценного участия широких масс в общественных делах. И то, что эти традиции в значительной своей части были тогда преданы забвению, не восстановились в полном объеме, выглядит в этом контексте как историческая случайность, аномалия, нарушение логики поступательного развития, противостественный прерыв постепенности, вызванный привходящими, в основе своей не необходимыми обстоятельствами. Речь идет, конечно, о том, что политический механизм предельной централизации власти, вызванный к жизни чрезвычайными условиями гражданской войны, после ее завершения не был подвергнут серьезной перестройке, но в основе своей так и остался жесткой однопартийной диктатурой. Радикальнейшие изменения в экономике —

новая экономическая политика — не были подкреплены столь же радикальными изменениями в политике, хотя традиции, опыт недавнего прошлого толкали страну по пути именно такого развития событий.

Политическая система, сложившаяся в период нэпа, сложившимся шагом назад не только в сравнении с 1917 годом, когда демократизация всей общественной жизни достигла пика, но и — по многим позициям — даже в сравнении с предреволюционным периодом, с теми демократическими завоеваниями, которые были вырваны у самодержавия в ходе революции 1905—1907 годов. Все оппозиционные партии к началу 20-х годов прекратили существование. Советы, бывшие до Октября «силой без власти», во время нэпа фактически превратились во «власть без сил», ибо все важнейшие вопросы и в центре и на местах решались партийными органами, и только ими. После того как партия стала действовать в легальных условиях, да еще превратилась в правящую, должна была бы, по идее, получить развитие внутрипартийная демократия. Но и этого, к сожалению, не произошло. Возвышение бюрократии и захват ею власти, сначала политической, а потом и хозяйственной, стали в такой недемократической обстановке вопросом времени.

А ведь все могло сложиться иначе! Больше того — все шло к тому, чтобы сложиться иначе. В 1922 году, когда нэп стал приносить желанные плоды, народное хозяйство восстанавливалось, смычка города и деревни, рабочего класса и крестьянства крепла, антоновщина и Кронштадт остались позади и авторитет большевиков был высок как никогда, Ленин, между прочим, думал о возможности легализации меньшевиков, понимая, видимо, чем может обернуться монопольное право партии на власть. Это соответствовало прошлым демократическим традициям, соответствовало логике развития российских политических структур, наконец, соответствовало проведенным тогда масштабным экономическим преобразованиям. Но государственная власть в данном случае действовала вопреки всем этим императивам: ей удалось преодолеть демократические традиции, повернуть вспять процесс развития политической системы и в конце концов раздавить

социалистическую рыночную экономику. После смерти Ленина ни один из тогдашних лидеров вопрос о радикальной реформе политической системы всерьез не ставил, хотя и во второй половине 20-х годов было, вероятно, еще не поздно остановить посредством последовательной демократизации разжимавшуюся пружину аппаратно-ведомственной экспансии.

Тогда мы стояли на развилке дорог. В истории наций и государств, как и в жизни отдельных людей, такие развилки не редкость. Часто один путь мало отличается от других, но иногда различия оказываются огромными, и выбор пути предопределяет исторические судьбы народа на многие годы. Такой ключевой развилкой в политике, вне всякого сомнения, был период нэпа, особенно его первые годы. Если бы мы тогда не остановились только на экономических реформах, а пошли бы дальше, по пути демократических политических преобразований, если бы тот высокий уровень демократизации всей общественной жизни, на который вывел страну 1917 год, даже не повышался далее, а был хотя бы только восстановлен в полном объеме после вынужденной диктатуры «военного коммунизма», — убеждены, никогда бюрократический аппарат не смог бы захватить власть и свернуть нэп.

Огромное значение имеют, конечно, отдельные личности. Проживи Ленин еще 20 лет, и никакого свертывания нэпа, принудительной коллективизации, репрессий не было бы — таков еще один распространённый довод в пользу наличия альтернативного пути развития. Что же, вероятно, оно так и есть: даже при недемократической политической системе только одного авторитета Ленина, вероятно, хватало бы, чтобы заблокировать экспансионистские устремления бюрократического аппарата. И, кстати сказать, то, что болезнь лишила Ленина работоспособности именно в начале 1923 года, уж никак нельзя назвать исторической необходимостью.

Важнейшее значение имел, несомненно, и состав партийных кадров, настроения в правящей партии. О. Лацис справедливо обращает внимание на резкий рост численности членов партии в 1924—1927 годах (с 350 тыс. до 1,2 млн. человек, более, чем в 3 раза всего за

¹⁵ Ленин В. И. Поан. собр. соч., т. 41, с. 9.

4 года) за счет притока новых членов с минимальным политическим опытом и теоретическим багажом. Молодое, незрелое пополнение к концу 20-х годов с лихвой перевесило партийцев с подпольным стажем, что и позволило Сталину получить поддержку большинства партии и направить затем репрессию против меньшинства¹⁶.

Но в данном случае речь даже не об этом — не о личностях и не о составе партийных кадров. При развитой системе демократического контроля над партийными и правительственными органами Сталин и его ближайшее окружение никогда не сумели бы привести бюрократию к абсолютной власти. Был бы Сталин, не было бы Сталина, была бы у него поддержка партии или нет, но при демократической политической системе, при реальной власти Советов чрезвычайное управление и репрессии оказались бы не то что не необходимыми, но и просто невозможными.

Попробуем теперь помечтать и хотя бы в общих чертах представить себе, куда вела та, другая дорога, с которой мы свернули в 20-е годы. По некоторым оценкам, в реальности к концу 30-х годов мы несколько опережали Германию по величине национального дохода, отставая при этом примерно вдвое по объему промышленного производства. Еще и в 1950 году объем промышленного производства у нас был несколько ниже, чем даже в ФРГ, а не во всей Германии¹⁷. При сохранении же низа и его средних темпов развития индустрии советская промышленность к концу 30-х годов, как минимум, превзошла бы немецкую по объему производства, в том числе и по объему производства военного.

Представим себе, что не было нелепой сталинской установки на борьбу с социал-демократией, «как с опорой нынешней фашистской власти», установки, принимавшейся Коминтерном как руководство к действию в период до 1935 года и после 1939 года (после пакта о ненападении с Германией). Возможно, преувеличение говорить, что эта установка, расколотившая рабочее движение на Западе, привела фашистов к

власти в Германии, как это, похоже, утверждается в недавнем опубликованном письме Э. Генри к И. Эрнбургу¹⁸. Но то, что такая политика облегчила усиление фашизма в мире, — бесспорно.

Представим далее, что не было бы бессмысленных чудовищных репрессий в стране. Предположим, что не было бы безумного избияния кадров Красной Армии, так что после такого избияния дивизиями стали командовать даже капитаны. Допустим, что Тухачевский, Уборевич, Якир и другие, отстаивавшие концепцию ускоренного развития танковых соединений, не оказались бы «врагами народа», а сама концепция не была бы расценена как вредительство; что Ворошилов не расформировал бы воздушную десантную войска, паразитирующую на украинских маневрах 1935 года; что наши авиация и авиапромышленность не испытали бы на себе всю разрушительную силу бессмысленного сталинского террора.

К концу 30-х годов мы имели бы тогда на политической карте, с одной стороны, куда более мощный как в экономическом, так и в военном отношении Советский Союз, по меньшей мере не уступающий по своему военно-экономическому потенциалу Германии, а с другой — более слабый, чем это было в действительности, фашистский блок. Как бы тогда развивались события в августе — сентябре 1939 года, сказать, конечно, трудно. Англия и Франция явно вели двойную игру, повторствуя Гитлеру в надежде направить его основной удар на Восток, — отказ от серьезной помощи Испании, ставшей одной из первых жертв фашистской агрессии, и Мюнхенское соглашение навсегда останутся на их совести. Но ведь и Гитлер делал выбор, стараясь вначале расправиться с самыми слабыми противниками, оставляя более сильных на потом. Сначала это была Чехословакия, за ней Польша, в мае 1940 года в соответствии с этим принципом в качестве объекта агрессии была избрана Франция (производившая тогда почти вдвое меньше промышленной продукции и вчетверо меньше стали, чем Германия), в июне 1941 года — Советский Союз, но не Англия: в конце 30-х го-

ЕСТЬ МНЕНИЕ

Что нового в Совете?

В последнее время часто приходится слышать: перестройка высшего образования, новые веяния... Хотелось бы все-таки разобраться, в чем эти веяния состоят. Признаки продвижения в сторону демократизации высшего образования есть. Вузы выбирают ректоров, деканов. Многие проблемы, решения по которым прежде принимались в Минвузе — и только там! — теперь Госкомитет по народному образованию отдал в руки ректоров. Говорят, там, в коридорах ректоров, дышать стало полегче: не душат, как раньше, инструкциями, распоряжениями. Впрочем, эти заботы от нас далеки, не нашего ума дело. А к нам что «поближе»? Учеба, стипендия, общежитие. Свободное время. Стройотряд. «Картошка». «Вонка» — в последнее время проблема, судя по ряду студенческих «забастовок», встала во весь рост. Вот в этих сферах жизни что перемены?

Действует положение по самоуправлению. (Многие из нас понятия не имеют об этом постановлении: стипендию сами распределяем — и на том спасибо!) Можно высказать свое мнение о преподавателе. (Но где результаты анкетирования?) Наша «фракция» заседает в Совете вуза. Хотелось бы только видеть реальные результаты работы студенческих представителей. А мы порой просто не знаем: о чем на Совете шла речь.

Елена Хрусталева,
студентка

¹⁶ Лацис О. Перелом. — Знания, 1988, № 6.

¹⁷ Мировая экономика и международные отношения. 1987, № 11, с. 148, 151.

¹⁸ Дружба народов, 1988, № 3, с. 234—235.

дов промышленности Англии производила почти столько же продукции, сколько германская (то есть почти вдвое больше, чем советская), ее отделял от континента труднопреодолимый Ла-Манш, и, кроме того, за ее спиной стояли США. Кто знает, если бы фашистской Германии противостоял более сильный Советский Союз, если бы финская война 1939—1940 годов не обнаружила для всего мира очевидной неподготовленности СССР к отражению агрессии, Гитлер, возможно, напал бы сначала на Англию. И тогда, возможно, советские техника и продовольствие поставлялись бы в Англию по ленд-лизу, а второй фронт был открыт не союзническими войсками в Нормандии, а советскими — в Польше.

Может быть, и наши союзники были бы в этом случае сговорчивее накануне самой войны, и литвиновская дипломатия, направленная на создание антигитлеровской коалиции с Англией, Францией и США, увенчалась бы успехом еще до августа 1939 года. При такой расстановке сил совместными усилиями мы смогли бы, вероятно, поставить эффективный заслон фашистской экспансии.

Что же дальше? А дальше снова быстрый экономический прогресс социалистической рыночной экономики, в ходе которого мы бы, как минимум, к настоящему времени догнали основные страны Запада по уровню хозяйственного развития, то есть по таким показателям, как производительность труда и доход на душу населения. По абсолютным экономическим показателям (объем национального дохода, промышленного производства и т. п.) мы бы, вероятно, существенно, в 1,5—2 раза опережали бы сейчас США, ибо население нашей страны на конец 80-х годов должно было составлять 400—500 миллионов человек (400 млн. — это при том крайнем предположении, что естественный прирост населения, составлявший в конце 20-х годов 2 процента, снизился бы затем до 1,5 процента). Иначе говоря, сегодня мы обладали бы крупнейшим в мире экономическим потенциалом, а не имели бы впереди себя 3 страны, а в перспективе близкой — и еще несколько государств.

После того как фашизм в конце 30-х — начале 40-х годов был повержен политически-

ми средствами или в результате непродолжительной войны, геополитическое равновесие, даже если бы Германия осталась нерасчлененной, конечно бы, изменилось. На место прежнего традиционного военно-политического баланса (Англия, Франция, Россия против Германии) неизбежно пришел бы новый, bipolarный, основанный на соотношении сил СССР и США, Востока и Запада. Это наверняка случилось бы еще в 40-е годы, когда Советский Союз и Америка по размерам своей военно-экономической мощи оставили бы позади все остальные страны. И даже если бы взаимное недоверие толкнуло бы сначала две сверхдержавы на путь гонки вооружений и «холодной войны», разрядка началась бы никак не позже 50-х годов, когда сложился бы военно-стратегический паритет (включая ядерное оружие). А он непременно бы сложился, ибо экономика СССР, не обремененная издержками и чудовищным наследием сталинской эпохи, росла бы в 2—3 раза быстрее, чем это в действительности было: так что уже к началу 50-х годов, коли была бы в этом нужда, мы могли бы иметь без надрыва, не жертвуя ради этого самым необходимым, нужное нам количество боеголовок и носителей.

И сегодня мы бы имели стабильный безопасный мир, свободный от ядерного оружия, или с небольшим контролируемым международными договоренностями его количеством. И мы имели бы высокоэффективную, конкурентоспособную экономику, интенсивно взаимодействующую с мировым хозяйством и играющую в нем подobaющую нашим возможностям роль. А каким высоким мог бы быть авторитет нашей страны повсюду в мире, если бы реальный социализм в глазах международной общественности ассоциировался бы не с бедностью и подавлением политических свобод, а с благосостоянием и демократией! И если бы народы всей планеты убедились не в теории, а на практике, на нашем примере, в преимуществах социализма — общества, основанного на самоуправлении трудовых коллективов и достигнувшего высшего расцвета демократизма.

Это — только некоторые из наших упущенных возможностей. Теперь мы уже никогда не узнаем *всего* того, что было потеряно. Не узнаем неродив-

шихся гениев и не прочтем не написанных книг.

Храм несбывшихся возможностей, храм вечной памяти мученикам народа — такой была мечта Андрея Платонова. «И встанет к жизни, что должно быть, но не свершено, — писал он. — Творчество, работа, подвиги, любовь — вся картина жизни несбывшейся. И что было бы, если бы она сбывалась... Великая картина жизни и погибших душ, возможностей... мир, каков бы он был при деятельности погибших, — лучший мир, чем действительный...» Есть только один способ воздвигнуть этот храм — вступить наконец на тот путь, с которого мы свернули тогда, шесть десятилетий назад, на развилке дорог. Сегодня у нас тоже есть выбор, и мы не должны упустить шанс. Лучше поздно, чем никогда.

Движение вперед неизбежно связано с переосмыслением пройденного пути, с переоценкой прошлого. Трудно, неимоверно трудно признать сейчас, что многие из потерь лет были напрасны, что можно было обойтись без голода и лишений, без сверхчеловеческого напряжения и беспредельной самоотдачи. Ведь если оставить в стороне узкую бюрократическую прослойку, манипулировавшую национальным хозяйством и общественным сознанием в собственных узкокорыстных интересах, речь идет о миллионах людей, искренне, всей душой веривших в необходимость жертв и лишений, беспредельно убежденных в своей исторической правоте. Это целые поколения, вынесенные на своих плечах все тяготы индустриализации и коллективизации, войны и послевоенного восстановления. Да, они не знали всей правды — не по своей вине. И кто сейчас решится упрекнуть их в политической незрелости и близорукости?

Но, как бы то ни было трудно, нам надо пройти и через это — через осознание того, что была альтернатива, был другой путь, не сопряженный с трагическими потерями и бесполезной растратой ресурсов, с подавлением стимулов к труду, подрывом моральных устоев, падением международного авторитета и дискредитацией социалистических идеалов. От того, насколько глубоко осознаем мы сегодня эти уроки нашей собственной истории, зависит в конечном счете успех начавшейся перестройки.

Английский — для всех

Ведущая —
Наталья Алешкина

FASTEN SEAT BELTS
NO SMOKING

Шереметьевский аэропорт. Группа советских туристов находится в зале ожидания. Посадка на рейс № 241 Москва—Лондон начнется через 15 минут. Среди наших туристов — Сергей Логинов, студент Московского университета. Вместе с нами он изучал английский язык. Надеемся, что те знания, которые он получил, проработав предложенные вам ранее материалы, помогут ему общаться в Англии. Через 40 минут самолет поднимется в воздух.

On the plane *

Stewardess: Ladies and gentlemen, Soviet Airlines welcome you aboard TU-154 and hope you will have a pleasant flight. Fasten your seat belts and kindly refrain from smoking. Have a nice trip.

Рядом с Сергеем в соседнем кресле сидит молодой человек. Между ними завязывается разговор.

S: Hello!

J: Hello!

S: Are you flying back home?

J: Yes, I am.

S: I'm going to London on an exchange visit. My name is Serge. I'm from Moscow. I am a third-year student at Moscow University. I specialize in biology.

J: Oh, I'm sure you will enjoy you stay in London. I live in London. My name is John Brown.

S: Glad to meet you, John. How long did you stay in Moscow?

J: For two weeks.

S: At what hotel did you stay?

J: I stayed at Rossiya Hotel.

S: What places of interest did you like best?

J: Best of all I like the Kremlin.

S: What about the Bolshoi Theatre?

J: We went there yesterday.

S: What was on?

J: «The Sleeping Beauty».

S: Did you enjoy it?

J: It was marvelous.

S: I hope to see Covent Garden.

J: It's one of the best theatres in the world.

S: Is your holiday over?

J: Yes, it's over. I go back to work next Friday.

S: What do you do?

J: I graduated from London University and now I am a teacher in a comprehensive school in London.

S: Do you like teaching?

J: Of course, I do. I love children.

S: Do you live with your parents?

J: No, I have a flat of my own.

S: Are you married?

J: Not yet, but I'm going to get married. I have a girlfriend. Her name is Edna. She is twenty-two. She lives with her girlfriend in a flat near Wembley. Her parents live in Wandsworth in South London. Here is her photo. She is pretty, isn't she?

S: She is beautiful.

J: When we come to London I'll introduce you to her and we'll take you round London.

S: Thank you. It's very kind of you.

Через два часа самолет приземлился в известном английском аэропорту Хитроу. Джон дал Сергею свой номер телефона, и они договорились встретиться на следующий день. Сергей вместе с группой отправился в гостиницу.

At the hotel

Представитель советской делегации разговаривает с портье.

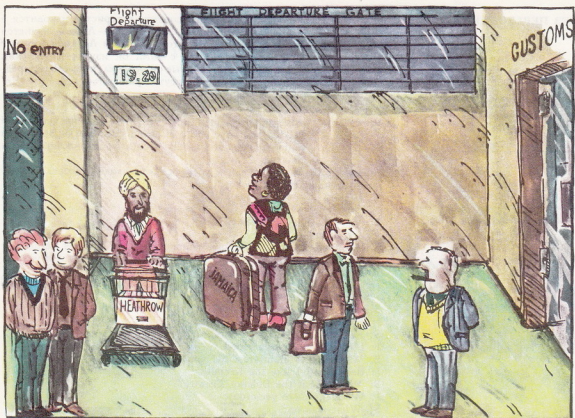
A: Hello!

Reception clerk: Hello!

A: I'm a representative of the Soviet delegation. We have just arrived.

R. C: Welcome to our hotel. We've reserved eight rooms for you. Will you check in, please? Here are the arrival cards.

* Ниже даны слова, которые помогут вам понять содержание этого текста.

Наши туристы заполняют бланки и отдают их вместе с паспортами в портю.

R. C: That's all right. We are giving you six double rooms and two single rooms.

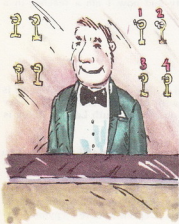
A: Do all the rooms have modern conveniences?

R. C: Oh, yes. Each room has a private bathroom and all other modern conveniences.

A: Thank you very much.

R. C. Here are your keys.

RECEPTION

welcome
fasten your seat belts and refrain
from smoking
on an exchange visit
What was on?

What is on?
What do you do?
enjoy

glad to meet you
we shall take you round London
it's very kind of you

Vocabulary

On the plane

- приветствуем вас
- просим вас пристегнуть ремни и воздержаться от курения
- по обмену
- Что там было? (Какой спектакль?)
- Что идет? (О театре, кино)
- Кем и где вы работаете?
- получать удовольствие
- I enjoyed the film (concert).
- рад познакомиться с вами
- мы покажем вам Лондон
- очень любезно с вашей стороны

At the hotel

representative
reception clerk
reserve
arrival cards

double room
single room
with modern conveniences

- представитель
- портю
- забронировать
- бланки, которые заполняются по прибытии в гостиницу
- двухместный номер
- одноместный номер
- со всеми удобствами

Надеемся, что вам тоже представится возможность поехать в Англию. Чтобы вы себя чувствовали увереннее, в каждом номере вам будут предложены небольшие задания для тренировки.

I. Прочитайте внимательно диалог «On the plane» и воспроизведите его в лицах.

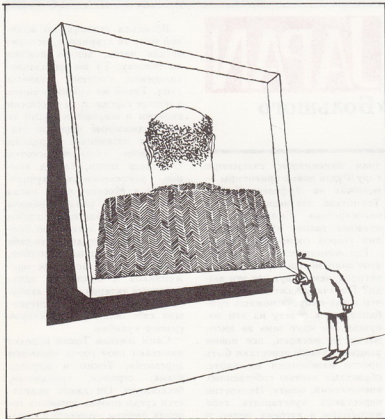
II. Представьте, что вы оказались на месте Сергея Логинова в самолете. Какие бы вы задали вопросы своему собеседнику?

III. Посмотрите на рисунок «В аэропорту Хитроу» и расскажите все, что вы можете, о персонажах, которых вы видите. Кто, как вы думаете, только что прилетел, кто собирается уезжать, куда? Опишите их.

IV. Прочитайте внимательно диалог «At the hotel». Постарайтесь запомнить и воспроизвести его.

В заключение предлагаем вам серию вопросов, на которые мы просим ответить, а потом задать аналогичные вопросы вашему собеседнику. И конечно, обязательно вслух.

1. Do you like travelling by air? 2. Do you prefer travelling by air or by train? 3. When did you travel by plane last? 4. What is the flying time from Moscow to London (from Moscow to New York)? 5. What airports in Moscow do you know? 6. It is very easy to get from the centre of Moscow to Vnukovo airport, isn't it? 7. What Moscow airport do planes from London land? 8. Have you ever travelled by air? 9. Where did you go? 10. Who sat next to you on the plane? 11. What did you talk with him [her] about?

КАРИКАТУРА

Вадим Коноплянский

ОРБИТА

JAPAN

Япония: проблемы системы образования

Исследование школьного образования, проведенное министерством просвещения Японии, свидетельствует о том, что процент поступающих в высшие учебные заведения растет быстрее, чем предполагалось.

Более 690 тысяч человек поступили в 1988 году в университеты и колледжи, что по сравнению с прежними данными свидетельствует о значительном росте. Но в еще большей пропорции возросло количество желающих получить высшее образование. Таковых среди выпускников средней школы насчитывалось 47,9 процента (в 1987 году — 47,1 процента, а 10 лет назад — в среднем 44,5 процента). В результате доля поступивших в университеты и колледжи (лишь 30 процентов выпускников средней школы) стала самой низкой в истории страны несмотря на то, что прием в эти учебные заведения значительно увеличился. Вузы просто не в состоянии справиться с потоком абитуриентов.

Министерство просвещения разрабатывает план высшего образования, который предусматривает в первую очередь создание новых и расширение существующих университетов и колледжей, чтобы принять растущее поколение 18-летних, численная кульминация которого должна произойти в 1992 году. Этот план уже был готов, но последнее исследование свидетельствует, что в его нынешнем виде он не удовлетворит растущей потребности в высшем образовании и потому нуждается в пересмотре.

(По материалам газеты «Майнити дейли ньос»)

**ТВОЙ
ЗАРУБЕЖНЫЙ
СВЕРСТНИК**

JAPAN

Токио: дольки «Большого мандарина»

Юрий Тавровский

Для приезжающих в Японию советских людей Токио чаще всего начинается с нового международного аэропорта Нарита. Позади — беспосадочный рейс Аэрофлота длиной в девять тысяч километров и девять или десять часов полета (в зависимости от преобладающего направления ветров на маршруте). Впереди — семидесятикилометровая поездка до центра японской столицы, которая занимает от одного до четырех часов (в зависимости от плотности заторов на сверхсовременном скоростном шоссе).

Вот на указателях показались названия столичных районов — Гиндза, Сибуя, Уэно, дорога круто пошла вверх на тридцатиметровых опорах моста, и открылась панорама гигантского города, на горизонте замая-

чили заменившие священную гору Фудзи новые ориентиры — похожая на Эйфелеву башню Токийская телевышка, «город небоскребов» Синдзюку, 60-этажное здание «Саншайн-сити» (город солнечного света).

Где начинается и кончается этот знаменитый город? Как он устроен, чем живут все эти люди? Поначалу даже не верится, что когда-нибудь сможешь приблизиться к ответу на эти вопросы. Но идут день за днем, месяц за месяцем, все новые улицы и районы перестают быть просто названиями на карте, обростают плотью собственных впечатлений, опыта. Незаметно перестаешь чувствовать себя иноземцем в вагонах метро и городской железной дороги, начинаешь двигаться в том же темпе, что и вечно спешащие, неизменно вежливые столичные жители.

Японская столица, по крайней мере ее старинная, историческая часть, чем-то похожа на Москву. Та же радиально-кольцевая система главных улиц. Такая же крепость-замок в центре города. А за высокими стенами и широкими рвами те же угадываемые лишь по старинным названиям и редким уцелевшим зданиям остатки кварталов знати, слобод воинов, ремесленников, купцов. Как и в Москве, лишь малая толика старых улиц сохранила свое прежнее название. По этим улицам так же интересно бродить, пытаться представить себе жизнь воинственных самураев, изящных гейш, искусных оружейников и ювелиров, вдохновенных актеров театра «кабуки», вечно нищих, но обеспечивших себе бессмертие мастеров гравюр «укиёэ».

Сами жители Токио нередко называют свой город «большой деревней». Токио и вправду велик, огромен, грандиозен, бесконечен. Он давно выделяется среди прочих японских городов своими размерами, многочисленностью населения.

Но границы, отделяющие «собственно Токио» от западнивших практически всю равнину Канто колоссального скоп-

ления «спальных городов» и промышленных придатков, весьма условны. Можно часами ехать вдоль непрерывной череды неотличимых друг от друга строений и только по указателям узнавать, что ты попал в одну из границах со столицей префектур — Канагава, Сайтама или Тиба. Вместе с этими и расположенными чуть подальше префектурами Гумма, Ибараки и Тотиги население мегаполиса Токио—Канто достигает 36 миллионов человек,— это почти треть из 122 миллио-

нов жителей японских островов!

В Большом Токио сконцентрировано 60 процентов всех крупных японских компаний (с капиталом в миллиард иен и выше), около половины университетов, умопомрачительные цены на землю, скученность, стихийность застройки не могут не отражаться на условиях жизни миллионов жителей «большой деревни». На каждого из них приходится лишь три с половиной квадратных метров зеленых насаждений.

Обеспечение жилплощадью гораздо ниже не слишком-то высоких общенациональных стандартов. Только две пятых домов могут похвастаться элементарными удобствами, например — канализацией. С присущим им неунывающим юмором «дети Эдо» часто повторяют шутку побывавшего в их городе Чарли Чаплина: «Жизнь в Токио невозможно правдиво запечатлеть на киноплёнку, поскольку она не передает запахов...»

Серьезная попытка упорядочить жизнь столицы, уменьшить остроту ее проблем была предпринята во время подготовки к Токийской олимпиаде 1964 года. Был создан комплекс современных стадионов, проложены широкие — по токийским меркам — проспекты, построен новый телецентр и сразу ставшая достопримечательностью города телевизионная вышка; центр города и международный аэропорт Ханэда соединила ветка монорельсовой железной дороги. Вошли в строй первые участки разветвленной ныне сети надземных скоростных дорог, заметно выросла протяженность линий возникшего еще в 1927 году метро и городской железной дороги. Вокруг Олим-

пийской деревни разбили самый большой в Токио парк Йойги, ставший излюбленным местом отдыха истосковавшихся по зелени столичных жителей.

Но ни преодолительская, ни прочие последовавшие одна за другой программы перестройки Токио не смогли все же разрешить многочисленные проблемы «большой деревни». Столица росла быстрее, чем архитекторы разрабатывали свои планы. И гораздо быстрее, чем необходимые средства попадали в распоряжение мэрии. Неудивительно поэтому, что Токио, по существу, остается конгломератом полуавтономных кварталов — «слобод», каждый из которых, как в старину, имеет свое лицо, свою «специальность». Недаром ведь столицу прозвали еще и «большой мандарин», подразумевая при этом, что у тесно прилегающих друг к другу районов-долек нет общей сердцевины, центра...

Среди «слобод» традиционного центра японской столицы нельзя не назвать Канду — средоточие университетов, институтов, училищ, книжных магазинов, студенческих общежитий, дешевых столовых для учащейся молодежи, магазинов.

Строгий деловой костюм на Канде так же неуместен, как и спортивная куртка в приемной президента любой из бесконечных фирм делового центра. Одетые просто, подчас подчеркнуто просто, компании молодых людей толпятся у университетских досок объявлений.

Студенты здешних университетов и колледжей не часто бывают выходцами из простых семейств. Ведь поступают в престижный университет, как правило, выпускники связанной с ним столь же престижной школы верхней ступени. В нее поступают после престижной средней школы, и так — вплоть до «престижного» детского сада. А в последнее время появились даже курсы подготовки для приемных экзаменов в эти «престижные» детские сады. Параллельно с конкурсом способностей идет и конкурс родителей — из социального и имущественного статуса.

В детском саду японские дети проводят четыре года — с 3 до 6 лет. Потом шесть лет начальной школы, три класса средней школы первой ступени. На

этом бесплатное и обязательное образование заканчивается, но подавляющее большинство детей (90%) продолжают учебу в средней школе второй, высшей ступени. 42 процента юношей и 33 процента девушек затем поступают в университеты и колледжи, где проводят еще четыре года учебы. Но не все так просто. Наряду с «системой 4—6—3—3—4» действует параллельная система школ под названием «дзюку», чье название можно перевести как «зубриловка».

Сушествование дублирующей «официальную» систему сети частных и весьма дорогостоящих «зубриловок» объясняется с одной стороны реальными недостатками этой системы: многолюдностью классов, жесткостью учебных программ, которые все чаще критикуются за ориентацию на заучивание, а не на осмысление материала. Но с другой стороны, причина видится в традиционном для Японии почтении к учености и учебе, стремлении родителей ценой любых усилий и материальных жертв вывести своих отпрысков на достаточно высокую орбиту «престижных» учебных заведений, гарантирующих, в свою очередь, работу в «престижной» фирме.

Усилия и жертвы на алтарь «престижности» приносят и дети, и родители. Отучившись с 8 часов утра до 3-х дня, треть учеников начальной школы, три четверти учеников средней школы первой ступени и треть старшеклассников отправляются в «зубриловку», где корпят над дополнительными уроками до вечера. Никакими цифрами не подсчитать цену, которую платят за «престижность» дети. Ну а вклад родителей подсчитывается довольно точно. «Средняя» семья с двумя детьми школьного возраста тратит на обучение около 20 процентов своего месячного дохода, причем эта доля быстро растет. Расходы на высшее образование еще выше.

Только поступление в государственный университет стоит 120 тысяч иен, в частных же высших учебных заведениях за обучение на одном лишь первом курсе надо выложить около 900 тысяч иен, включая вступительный взнос, плату за лекции и пользование институтскими

лабораториями, библиотеками и т. д. Помимо этих немалых денег, от родителей первокурсника нередко требуют еще и «добровольные пожертвования». В самых «престижных» частных медицинских и стоматологических институтах сумма «пожертвований» колеблется между 20 и 400 миллионами иен! Даже зажиточные семьи еле-еле справляются с огромными и постоянно растущими от курса к курсу, год от года расходами на образование.

Неудивительно поэтому, что примерно половина студентов вынуждены подрабатывать на стороне, чаще всего репетиторством. Но ребят с Канды можно встретить и за прилавками универсамов, за рулем велосипеда, развозящими газеты подписчикам, в форме официантов.

Студенты с Канды нередко находят работу неподалеку от институтов. Название этой «слободы» ассоциируется не только с поросшими плющом стенами университетов, но и с бесчисленными книжными магазинами и лавками букинистов. Проворные молодые руки нужны в многоэтажных книжных «универмагах» и гордящихся стертими иероглифами вывесок лавочках, каждая из которых специализируется то на классической японской поэзии или современной технической литературе, то на иллюстрированных альбомах по живописи или на древних картах и гравюрах «укие-э». Сразу два магазина продают книги из Советского Союза, в нескольких лавках встречаются специалисты по Китаю, в продающем английские издания магазине цены в фунтах пересчитывают по сегодняшнему курсу в иены...

Канда далеко не всегда была кварталом студентов и букинистов! Ведь высшее образование пришло в Японию лишь в 1877 году, когда открылся первый в стране Токийский университет. А раньше Канда была районом ремесленников и торговцев. О занятиях прежних обитателей говорят названия кварталов «тё», в которых люди селили обычно по профессии. «Кадзи-тё» — кузнецы, «Кю-нъя-тё» — красильщики, «Норимон-тё» — мастера паланкинов... Традиция создавать специализированные районы продолжает жить и в наши дни

Влюбленный марабу

Потребовалось четыре года, вмешательство дантиста — специалиста по протезированию, помощь ветеринара и использование опыта судостроителей, чтобы сконструировать первый в истории искусственный клюв. Пациент — марабу по кличке Брюси, обитатель зоопарка Кольчестера (Юго-Восточная Англия). После того как Брюси сломал себе нижнюю часть клюва, он вынужден был жить холостяком: перед тем как начать любовный танец, марабу издают характерные щелкающие звуки. Но люди решили помочь горю птицы: дантист Луиджи Чаппарелли и ветеринар Боб Джон прикрепили ему к оставшейся

части клюва протез — так, чтобы он плотно смыкался с верхней частью. Оставшиеся зазоры между протезом и нижней частью клюва были заполнены стеклопластиком, как это делается в судостроении.

Новый клюв нравится Брюси, и он снова чувствует себя счастливым.

Крупнейший в мире

В испанской столице находится самый большой университет мира. На 18 факультетах проходит обучение 118 тысяч студентов. Иначе говоря, каждый пятый испанский студент обучается именно в Мадридском университете.

Святотатство или нет?

Для вас, филателисты, собрал эту картину из 80 тысяч марок

своей коллекции француз Эмиль Трамони. После чего, естественно, попал в «Книгу рекордов Гиннеса» и в серьезный

переплет: филателисты обвинили Трамони в чудовищном святотатстве.

Из классики — в авангард

Постоянное желание не отстать от моды — одно из естественных свойств молодых. Поэтому, как и прежде, подскажем вам несколько новых моделей.

Давайте оставим спортивную раскованность в одежде для прогулок, занятий спортом и вспомним юбку-шотландку. В этом сезоне она из классики перекочевала в авангард.

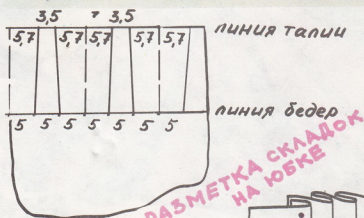
Красный, желтый, зеленый и синий с черным — цвета, которые в сочетании с белоснежной блузкой дадут чистый романтический образ. А такие детали, как бант или крупный цветок в прическе, высокий ремень-корсет, сумка-портфель, дополнят этот неожиданный образ. Для особо торжественных случаев — нижняя юбка с шитьем и кружевной накладной воротник.

Итак — шотландка

Шерстяной ткани типа «детской» понадобится две длины при ширине 150 см. Ритм складок определим, исходя из раппорта клетки. Расчет складок вкруговую производим таким образом. Допустим, обхват бедер — 100 см, талии — 70. Глубина складок по бедрам 10 см (см. схему). Расстояние между складками 5 см.

Разметим складки по линии бедер. По линии талии глубина складок будет равна 10 см плюс разница между обхватом бедер и обхватом талии, деленная на количество складок (в нашем случае от 100 см отнимем 70 см, разделим на 20 и, таким образом, получим 1,5 см). Общее количество складок в этом варианте равно 20. Итак, глубина складки с каждой стороны увеличится приблизительно на 0,7 см, а расстояние между складками уменьшится на эту же величину.

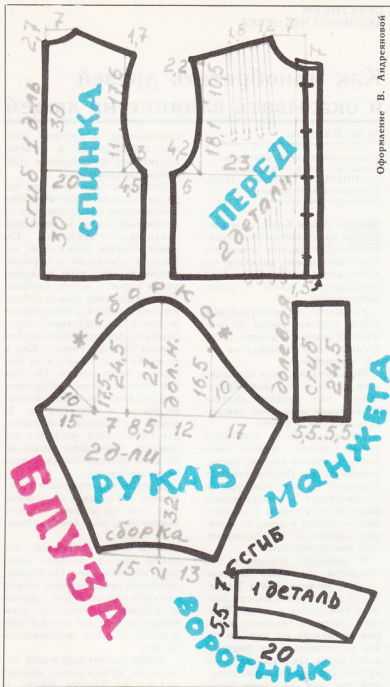
Тщательно замечаем складки с изнанки. Проведем примерку. Застрочим складки с изнанки и заутюжим их в левую сторону. Застежку можно обработать, не застрачивая левую боковую

РАЗМЕТКА СКЛАДОК
НА ЮБКЕ

складку до линии бедер, прорубить петли на части складки из переднего полотнища и пришить пуговицы в глубине складки (см. схему). Затем обрабатываем юбку поясом и подвернем низ.

Белая блузка

К нашей юбке подойдет любая белая блузка, но мне кажется, особенно нарядно зазвучит ансамбль, если это будет вариант со сборками или воланами, защипами или жабо. При этом детали могут быть съёмными. Выбор ткани самый разнообразный — поплин и атлас, шелк и купонное шитье.

А если вы все-таки верны

своему спортивно-деловому стилю, то вам подойдет мужская сорочка, которую усовершенствовать ничего не стоит. Укоротить рукав можно, сделав 2–3 складочки, убрав в них лишнюю длину. А отстающая горловина и застежка на мужскую сторону, думаю, сейчас уже никого не смутит, настолько демократичной стала наша одежда.

И все же вернемся к роман-

тической блузе. Предлагаем вариант с защипами на полочке. Если вы боитесь не справиться с такой отделкой, рекомендуем ограничиться сборкой по плечу.

Первая операция — сборка или защипы. Вторая — обработка застежки. Третья — сострочим плечевые швы. Затем приготовим манжеты и воротник. Собрав на сборку головку рукава, втачиваем его в открытую пройму. Обработаем низ рукава манжетой. Пробьем петли на правой полочке и манжетах.

Обратите внимание на пуговицы. Они могут быть декоративными типа жемчужинок или цветочков, иметь перламутровый оттенок, должны быть небольшого размера.

Горловину можно обработать обтачкой (если вы планируете носить съёмные дополнения) или втачать воротник. Форма воротника зависит от ваших личных пристрастий, мы же даем накладной воротник, который подчеркнет женственность образа, особенно если будет украшен брошью или бантом.

Расход ткани — 2 м при ширине 140 см.

Виктория Андреевна

Думрат Г. Райская кухня, или Все из яблок. М., Экономика, 1988, с. 126.

Книга Гунвар Думрат — своеобразный гимн яблоку. Сейчас мало кто знает, что даже после многомесячного хранения, конечно, при **соблюдении**

соответствующих условий, в яблоках сохраняются практически все полезные вещества. А помня, как порой равнодушно молодые люди относятся к собственному здоровью, считаем необходимым порекомендовать вам эту книгу.

Здесь вы узнаете о различных способах кулинарной обработки яблок, о лечебных свойствах и питательной ценности столь привычных для нас плодов.

Все рецепты просты и легко исполнимы. Поэтому вы сможете отведать всевозможные закуски из сырых яблок, соусы и приправы, пироги и сладкие блюда. А те, кто страдает лишним весом, познакомятся с яблочной диетой.

Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей

Дейл Карнеги

Предлагаем вашему вниманию главы из книги, выпущенной ЛитНИИТИ (Вильнюс, 1976). Печатается в сокращении. Перевод с английского.

Карьера Дейла Карнеги, исполненная ярких контрастов, является поразительным примером того, чего может добиться человек, когда он всецело увлечен оригинальной идеей и горит энтузиазмом.

Родившись на миссурийской ферме в десяти милях от ближайшей железной дороги, он до двенадцати лет никогда не видел автомобиля.

Молодому Карнеги приходилось бороться за свое образование, ибо трудное счастье земледельца неизменно ускользало из старой фермы.

Обескураженная неудачами семья Карнеги продала свою ферму и купила другую, расположенную близ Педагогического колледжа штата Миссури в Уорренсбурге. В городе можно было снять комнату с пансионом за доллар в день, но молодой Карнеги не мог позволить себе такой роскоши.

В колледже обучалось 600 студентов, и только шестеро из них, включая Дейла Карнеги, не имели возможности снять себе жилье в городе. Карнеги стыдился бедности, которая заставляла его каждый вечер возвращаться на ферму и доить коров. Он стыдился своей куртки, которая была уже слишком ему тесна, и своих брюк, которые уже стали ему слишком коротки. Стремясь преодолеть быстро развивающийся комплекс неполноценности, он стал искать возможность в чем-нибудь отыгаться, чтобы в самый короткий срок добиться известности и признания. Осмотревшись вокруг, он увидел, что студенты, пользовавшиеся престижем и влиянием в колледже, подразделялись в основном на две категории: в одну входили спортсмены — футболисты и

бейсболисты, в другую — парни, побеждавшие в спорах, специально организуемых публичных дискуссиях.

Отдавая себе отчет в том, что он не обладает атлетическими способностями, Карнеги решил добиваться побед на поприще ораторского искусства. Он практиковался, сидя в седле, галяпируя в колледж и обратно, разучивал свои речи во время дойки коров, а потом, взобравшись на вершину громадной кипы сена в амбаре, с величайшим жаром и жестикуляцией обрушивал на перепуганных голубей потоки гневных тирад... Ему в то время было 18 лет, и он был горд и чувствителен. Он был так угнетен своими неудачами, что ему даже приходили в голову мысли о самоубийстве. И вдруг, совершенно неожиданно для самого себя, он начал побеждать, побеждать буквально во всех проводившихся в колледже дискуссиях.

Другие студенты стали упрашивать его поучить их, и после того, как он начинал с ними заниматься, они тоже добивались побед...

Дейл Карнеги убежден, что любой человек способен говорить выразительно. Он уверен, что почти любой человек может говорить так, что будет приятен и желанен в обществе, если только он обладает верой в себя и идеей, которая воспламеняла бы его.

Чтобы развить веру в себя, говорит он, нужно делать именно то, что вы боитесь делать, и внимательно разбирать удачные случаи из своего опыта. Карнеги заставляла каждого студента выступать на каждой сессии курсов. Сочувствие аудитории было обеспечено: ведь все они были в одной лодке. Путем постоянной практики они развивали у себя смелость, уверенность, энтузиазм и переносили потом эти чувства в свои частные разговоры...

Поначалу он вел курсы только ораторского искусства, но

студенты, которые приходили к нему учиться, были в основном деловые люди. Многие из них до тридцати лет никогда не видели классной комнаты. Большинство из них платили за свое обучение в расщорку. Они хотели видеть результаты, и как можно скорее. Им нужны были результаты, которые они могли бы использовать буквально на следующий день в деловых встречах и при выступлениях перед группами людей.

Таким образом, он был вынужден быть быстрым и практичным. И следствием этого обстоятельства явилось создание им совершенно уникальной системы подготовки, представляющей паразитическую комбинацию ораторского искусства, умения торговать, искусства человеческих отношений и прикладной психологии.

Не будучи отнюдь рабом догмы, он создал курс, который столь же жизненно реален, как корь, но вдвое более забавен...

Лоуэлл Томас

Глава 1. Если вы хотите достать мед, не опрокидывайте улей!

...В чем заключался секрет успеха Линкольна в обращении с людьми? Я изучал жизнь Авраама Линкольна в течение десяти лет и три года всецело посвятил работе над книгой, которую озаглавил «Линкольн, которого не знают». Я был убежден, что должен предпринять столь тщательное и исчерпывающее изучение личности Линкольна и его частной жизни, насколько это вообще в человеческих возможностях. Я специально исследовал линкольновский метод обращения с людьми. Разрешал ли он себе удовольствие критиковать других? О, да! Когда он был еще молодым человеком в Пиджин Грик Воллей, в штате Индиана, он не только критиковал, но даже писал письма и поэмы, высмеивающие людей...

Даже после того, как Линкольн стал практикующим адвокатом в Спрингфилде, штат Иллинойс, он открыто нападал на оппонентов в письмах, публикуемых в газетах.

Осенью 1842 года он осмелел драчливого политика по име-

ни Джеймсе Шиладс. Написанный Линкольном пасквиль был опубликован в виде анонимного письма в газете «Спрингфилд Джорнал». Город покатывался со смеху. Чувствительный и гордый Шиладс вскрипел от негодования. Он разузнал, кто написал письмо, вскочил на лошадь, прискакал к Линкольну и вызвал его на дуэль. Линкольн не хотел драться. Он вообще был против дуэлей, но в данном случае не мог отказаться и должен был спасти свою честь. Ему предоставили право выбрать оружие. Поскольку у него были очень длинные руки и во время обучения в Вест-Пойнте он получал уроки фехтования, то выбрал кавалерийский палаш. На следующий день они встретились на песчаном берегу Миссисипи, готовые драться на смерть; в последний момент, однако, секундантам удалось предотвратить дуэль.

Это был наиболее тягостный личный инцидент в жизни Линкольна. Он стал для него бесценным уроком в искусстве обращения с людьми. Никогда более не пишет он унижающих чье-либо достоинство писем. И не осмеивает кого бы то ни было. С этого времени и впредь Линкольн более никогда никого и ни за что не подвергнет личной критике.

В течение гражданской войны Линкольн одного за другим меняет генералов, стоящих во главе Потомакской армии. Мак-Клееллан, Поп, Бернсайд, Хукер, Мид — и каждый из них, в свою очередь, совершал грубую трагическую ошибку, повергавшую Линкольна в отчаяние.

Половина нации (имеются в виду северяне. — Прим. пер.) гневно осуждала бездарных генералов, но Линкольн, «без злобы к кому-либо, с добротельностью ко всем», сохранял спокойствие. Одно из наиболее любимых им изречений: «Не судите, да не судимы будете».

И когда миссис Линкольн и другие сурово осуждали южан, Линкольн отвечал: «Не осуждайте их, в подобных обстоятельствах мы стали бы точно такими же».

Если кто-нибудь и имел право на осуждение, то это, конечно, Линкольн. Приведем только одну иллюстрацию:

Битва при Геттисберге происходила в течение трех первых дней июля 1863 года. Ночью 4 июля, когда грозовые тучи разразились ливнем и затопили всю местность, Ли начал отходить в южном направлении. Достигнув со своей разбитой армией Потوماка, Ли увидел перед собой вздыбившуюся реку, о форсировании которой нечего было и думать, и армию Союза (северных штатов. — Прим. пер.) позади себя. Ли был в ловушке. Он не мог убежать. И Линкольн видел это. То был бесценный, самым небом посланный случай — одним ударом захватить армию Ли и окончить войну. Взволнованный надеждой на такую удачу Линкольн приказал Миду атаковать Ли, не созывая военного совета. Линкольн телеграфировал свой приказ и для вящей убедительности послал к Миду специального курьера с требованием немедленного начала военных действий.

А что же сделал генерал Мид? Совершенно противоположное тому, что было ему приказано делать. Вопреки приказу Линкольна, он создал военный совет. Он колебался. Он мешкал. Он послал телеграммы со всевозможными отговорками. Он решительно отказался атаковать Ли. В конце концов вода спаала и Ли увел свою армию за Потомак.

Линкольн был в ярости. «Что это значит?! — вскричал он в разговоре со своим сыном Робертом. — Великий Боже! Что это значит?! Они были уже в нашей власти. Стоило только протянуть руку, и они — наши; но я никакими силами не мог сдвинуть нашу армию с места. В таких обстоятельствах любой генерал смог бы разгромить Ли. Если бы я был там, то смог бы захватить его».

Ужасно раздосадованный Линкольн сел и написал Миду нижеследующее письмо. Надо помнить, что именно в этот период своей жизни он был крайне умерен и сдержан в своей речи. И следовательно, вышедшее из-под пера Линкольна в 1863 году письмо было равносильно строгому выговору.

«Мой дорогой генерал, не верю, что вы способны оценить весь размер несчастья, заключающегося в бегстве Ли. Он

был в нашей власти, и мы должны были принудить его к соглашению, которым, учитывая другие наши недавние успехи, могла закончиться война.

Теперь же война может тянуться бесконечно. Если вы не решились атаковать Ли в минувший понедельник, когда в этом не было никакого риска, как же сумеете это сделать по ту сторону реки, куда сможете взять с собой не более двух третей имеющихся в вашем распоряжении сил? Бесмысленно было бы ждать этого, и я теперь не ожидаю от вас каких-либо крупных успехов. Ваш золотой случай упущен, и я безмерно огорчен этим».

Как вы предполагаете, что сделал Мид, когда прочитал это письмо? Мид никогда не видел этого послания. Линкольн никогда не отправлял его. Оно было найдено среди бумаг Линкольна после его смерти.

Я предполагаю — это только догадка, — что, написав это письмо, Линкольн посмотрел в окно и сказал себе: «Минутку. Может быть, не стоит спешить. Легко мне, сидя в тиши Белого дома, посылать Мида приказы вести войска в атаку, а если бы я был под Геттисбергом и видел столько крови, сколько ее видел Мид за последнюю неделю, и мои уши пронзало столько стонов и криков раненых и умирающих, может быть, я тоже не так уж жаждал бы атаки. Если бы у меня был такой робкий характер, как у Мида, возможно, я поступил бы точно так же, как он. Как бы то ни было, время уже прошло. Послав это письмо, я отведу себе душу, но Мида это заставит искать оправдания, вынудит его осудить меня. Оно возбудит у него тяжелое чувство, помешает дальнейшему использованию его как командующего и, возможно, вынудит его вообще уйти из армии в отставку».

Итак, как я уже сказал, Линкольн отложил письмо в сторону, ибо на горьком опыте знал, что резкая критика и выговоры почти неизменно оканчиваются ничем.

Теодор Рузвельт говорил, что когда он как президент сталкивался с какой-нибудь запутанной проблемой, то обычно оборачивался и поднимал взгляд на большой портрет

Линкольна, висевший на стене, и спрашивал себя: «А как поступил бы Линкольн, если бы был на моем месте? Как он решил бы эту проблему?»

Известен ли вам какой-нибудь человек, кого вам хотелось бы изменить, исправить, сделать лучше? Если да, то это великолично. Я в совершенном восторге. Но почему бы вам не начать с самого себя. Даже с чисто эгоистической точки зрения это несравненно выгодней, чем стараться удивлять других, и, между прочим, значительно безопасней.

«Когда человек начинает войну с самим собой, — сказал Броунинг, — он уже чего-то да стоит».

Самоусовершенствование — прежде всего.

«Не пеняй соседу за снег на его крыше, — говорил Конфуций, — когда у тебя самого порог не очищен»...

Будем помнить при общении с людьми, что мы общаемся с нелогичными созданиями; с созданиями эмоциональными, обросшими колючими предрасудками и движимыми гордостью и тщеславием. Критика — это опасная искра, которая может стать причиной взрыва в пороховом погребе гордости. Порой случается, что подобные взрывы ускоряют смерть...

Бенджамин Франклин, не отличавшийся тактом в юности, стал столь дипломатичен, столь справедлив в обращении с людьми, что был назначен американским послом во Францию. В чем секрет его успеха?

«Я не склонен дурно отзываться ни о ком... — говорил он, — и о каждом говорю все хорошее, что мне известно».

Глупец может критиковать, осуждать и высказывать недовольство. И большинство глупцов так и делает.

Но чтобы понимать и прощать, необходимо овладеть характером и выработать самоконтроль.

«Великий человек обнаруживает свое величие, — сказал Карлейль, — тем, как он обращается с маленькими людьми».

Вместо того чтобы осуждать людей, постараемся понять их. Постараемся постичь, почему они поступают именно так, а не иначе.

Продолжение следует

ЭКСПЕРИМЕНТ ССБ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Постоянные читатели журнала хорошо знают нашу Службу содействия браку и ту экспериментальную работу, что мы ведем уже несколько лет. Но тем не менее, учитывая нового подписчика, считаем необходимым еще раз коротко рассказать о деятельности ССБ.

В прошлом году участниками эксперимента стали 3401 человек. По результатам обчета заполненных ими анкет сложилось 322 пары. Как видите, нам удалось собрать благоприятный «банк данных», поэтому мы смогли помочь каждому пятому участнику эксперимента. Но, к сожалению, все-таки не всем. Просьб о продолжении действия службы по-прежнему много.

Желания читателей для нас закон, и мы нашли выход из положения. Все те, кто оказался вне выбора ЭВМ, и все те, кто хотел бы воспользоваться помощью ССБ, могут принять участие в новом туре. Он будет проводиться на той же основе, теми же психологами, что разработали для нас анкету. Им удалось организовать кооператив по диагностике межличностных отношений.

Присм всех желающих прислать новую заявку на участие в следующем этапе эксперимента ССБ. вновь сформированный «банк данных» мы передадим кооперативу.

Оплата доступная, примерно 25 рублей за годичное обслуживание. Более подробно мы еще расскажем и о кооперативе, и о его возможности в одном из ближайших номеров.

Не расставляя фигур

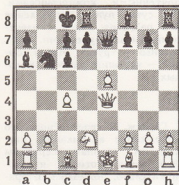
Под редакцией
Анатолия Карпова

Я. Тимман —
А. Карпов

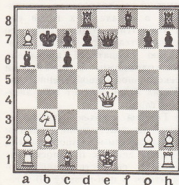
(Лондон, 1984)

Шотландская партия

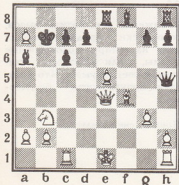
1. e4 e5 2. Кf3 Кс6 3. d4 e4
4. К:d4 Кf6 5. К:c6 bc 6. e5
Фе7 7. Фе2 Кd5 8. c4 Са6 9. Фе4
Кb6 10. Кd2. 0-0-0.

11. c5. С:f1 12. cb Са6 13. ba
Крb7 14. Кb3. f6! 15. f4 fe 16. fe.

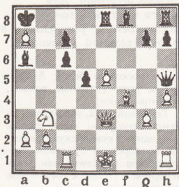

16...Ле8! 17. Cf4 Фh4+! 18. g3
Фh5 19. Ac1.

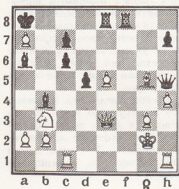

19...Кра8! Смысл этого хитро-
го хода появится в конце пар-
тии.

20. h4 d5! 21. Фе3.

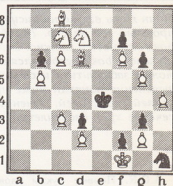
21...g5! 22. С:g5 Сb4+
23. Крf2 Лh8+ 24. Крg2.

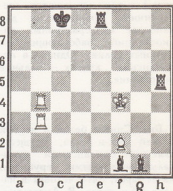
24...Л:e5! А белые уже дума-
ли, что худшее для них поза-
ди!

25. Ф:e5 Фf3+ 26. Крh2
Фf2+. Белые сдались. Если
27. Крh3, то 27...Сс8 — вот для
чего нужен был 19-й «стран-
ный» ход королем.

Приводим задания шестого ту-
ра.

№ 16. Мат в 4 хода.

№ 17. Белые начинают и де-
лают ничью.

Ответы (на открытке!) сле-
дует отправить не позднее
15 марта.

Решения первого тура:

№ 1. (Л. Цимбурек) 1. Сb7!
№ 2. (В. Чеховер) 1. f3 a4
2. Крf2 a3 3. Крg3 a2 4. Кр:h3
a1f 5. Кр:g2 — ничья.

№ 3. (М. Ботвинник —
П. Керес) 1. Л:g7+!! Кр:g7
2. Кh5+ Крg6 3. Фе3. Черные
сдались.

От редакции. На конкурсе посту-
пает много писем. Мы благода-
рим читателей, любителей шах-
мат, за активное участие и на-
поминаем, что победители будут
премированы шахматной лите-
ратурой. Будем также призна-
тельны, если читатели выскажут
замечания и предложения по
улучшению конкурса.

Краткий справочник стилей

Один лишь взгляд на рисунок, помещенный в номере семь за прошлый год на стр. 78, убеждает в том, что дерево рока ветвисто и сложно. Сейчас же из-за возрождения стилей прошлого рок превратился в настоящий архипелаг, в котором может заблудиться и самый искусный штурман. Для выяснения понятий ниже приводится краткий словарь стилей, подстилей, течений и заблуждений, рожденных в течение трех десятилетий головокружительной эволюции.

А

А.О.Р. Первые буквы слов album — oriented rock или adult — oriented rock («рок, ориентированный на взрослых» — англ.) — так называются стереотипные произведения для наиболее консервативных радиостанций, работающих на длинных волнах. Однако в британских кругах — сильное потрясение.

В

Бит. Синтез белой и черной ветвей рок-н-ролла, осуществляемый британскими музыкально-вокальными группами из четырех, пяти человек в начале 60-х годов. В Ливерпуле, родине «Битлз», его называют Мерси-бит, по названию реки Мерси.

Блюз-рок. Электроблюз — эффектно исполняемый белыми, которые думают, что у них черные души.

С

Певцы-композиторы. Перевод термина singer — songwriter (следует отличать от поэтической песни) — сюда входят солисты, поющие свой собственный репертуар, обычно доверительным тоном под умеренный рок-аккомпанемент. Это такие певцы, как Джеймс Тейлор и Кэрол Кинг. Появление этого течения совпадает с открытием заново прелести простой сельской жизни.

Кантри-рок. Ищет мирного сосуществования музыки кантри (духовная пища сельской,

пролетарской и белой Америки) и рока (длинные волосы, странные идеи).

Тенденция эта, выходящая за рамки панорамы рока, сумела омолодить ковбойскую музыку, потворствуя буйствам преступников (outlaws) или деревенщины (redneck-rock — рок некультурных людей).

Д

Диско. Музыка для дискотек 70-х годов с изысканными черными артистами, предназначенная для интернациональной публики с невысокими запросами. О ее универсальности говорит непреходящий успех западногерманской или итальянской продукции.

Du dua. Англосаксы называют эту музыку «doo wor». К ней относятся диски тысяч вокальных групп, которые рождаются и умирают в 50-е годы: тут и нежное звучание, и неистовые формы.

Ф

Филадельфия. Музыка «соул» 70-х годов, украшенная богатой оркестровкой. Здесь работают мастера своего дела — продюсеры Том Белл и славная парочка — Кенни Гэмбл и Леон Хафф, обосновавшиеся в этом североамериканском городе.

Фольк. В конце 50-х годов многие корифеи, не одобряющие коммерциализацию рок-н-ролла, начинают возвращаться к фольклорным темам и боевым песням прежних времен с лучшими намерениями в духе крестового похода. Точка отсчета для многочисленных певцов-

композиторов — бригада Дилана.

Фольк-рок. После пуританской лихорадки, вдохновленные победой «Битлз», многие фольки (folkies) переходят к электрическим инструментам, счастливо сочетая чувственность фольклора и рока. Дилан задает здесь ритм.

Фанк. Наиболее ритмичная и напряженная негританская музыка. Джеймс Браун утверждает, что он владеет фанк-патентом, но не следует забывать и Слая Стоуна, Джорджа Клинтона и других.

Фьюжн. Другое название — джаз-рок, славящийся малопочтенными компромиссами. По сути, пункт отправления для развития джаза с электрическими инструментами. Здесь главный — трубац Майлз Дэвис — хороший учитель молодых.

Г

Гэрадж. В своей основе это подражание американцев английским группам середины 70-х годов, которое, предположительно, рождалось в гаражах. Его лицо — грубая мощь.

Глэм-рок. Также известный в Испании как гей-рок. Шумная музыка для подростков, возникшая в начале 70-х годов как альтернатива старому року; его исполнители возбуждают фантазию слушателей крикливыми одеждами и притворной сексуальной двойственностью. Дэвид Боуи считает себя звездой глэма.

Группы девочек. Продвигаемые на телевидение ловкими продюсерами и композиторами, группы девочек привносят новизну, свежесть и юный романтизм в поп-музыку 70-х годов.

Н

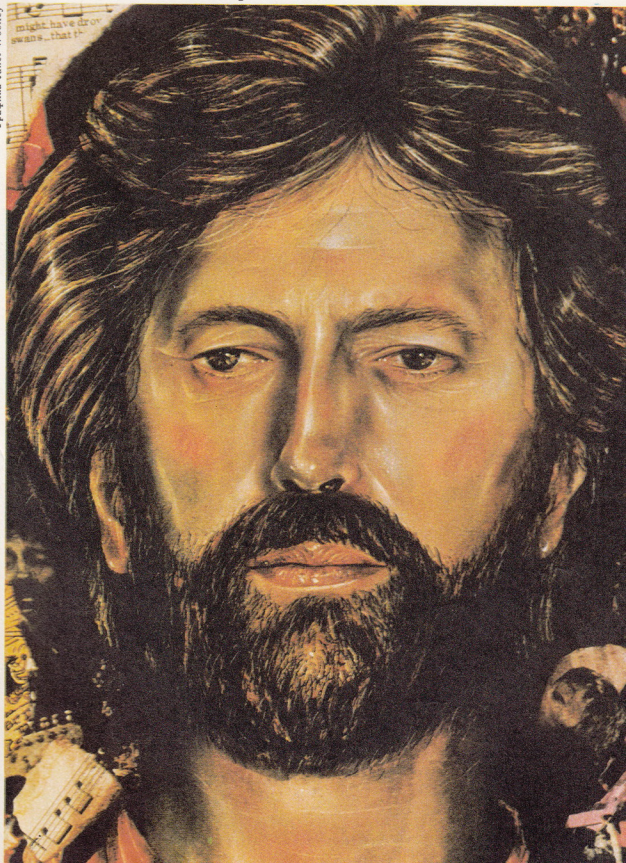
Тяжелый рок. Размах, вызов, героически продолжительная игра на гитаре, молотобойные ритмы, вопли истязуемых, слепящий свет, взрывы. Что касается популярности — бессмертен.

Продолжение следует

СЕМ

представляет: Эрик Клэптон

Графика Janet Woolley

УФ-2

Пхеньян — столица XIII фестиваля

Фото В. Кубанского

Индекс 70932 Цена 30 коп.

Слово «фестиваль» происходит от латинского «festivus» — праздничный. И очередной, XIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов, как и 12 его предшественников, станет самым большим праздником молодежи планеты.

Впервые он будет проведен на Азиатском континенте, в столице КНДР — одном из старейших городов мира, основанном более полутора тысяч лет назад. Готовясь к празднику в своем доме, наши корейские друзья говорят фестивалю гостям: «До встречи в Пхеньяне!»